

МАРИНА
ЭЛЬДЕНБЕРГ

ЛУНА
ВЕРХСВЯТОГО

18+

Annotation

Говорят, что встретить истинного в наше время невозможно, что это сказки для волчат. Но одна ночь переворачивают мою упорядоченную жизнь, случайная встреча дарит мне мою волчью пару. Только Рамон Перес отказывается признавать, что мы предназначены друг другу. Он холоден, суров, и заявляет, что от меня ему нужен только ребенок. Учитывая, что это мой единственный шанс стать матерью, я не собираюсь отдавать моего малыша. Правда, оказывается, что убеждение истинного не единственная моя проблема.

История Венеры. Первая книга серии.

-
- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
-

Пролог

Никогда не любила аэропорты.

Ноктон – особенно. Главная воздушная жила Крайтона, а заодно стыковочный центр самолетов со всех уголков планеты. Почти всегда толпы, множество звуков и запахов. Повсюду стекло и металл – настоящий кошмар для любого вервольфа, мы гораздо больше любим леса и проселочные дороги. Стоять всеми четырьмя лапами на земле, а не парить в воздухе. Но в моем случае самолетом быстрее.

Моя привычка быть пунктуальной сейчас играла против меня: я приехала за четыре часа до вылета и теперь ждала регистрацию на свой рейс. Поэтому периодически поглядывала на электронное табло, подмигивающее яркими линиями, сообщающее о прилетах и вылетах.

Вилемия.

Название этого города заставило мое сердце екнуть и забиться чаще. Потому что от Вилемии я хотела оказаться как можно дальше. На другом конце света! Можно сказать, туда я и летела, но прибывший самолет из Вилемии не давал покоя, не выходил из головы, будто дурной знак для неудачного начала новой жизни.

Спокойно, Венера! Ты же не веришь в приметы. К тому же, *он* в Вилемии, а ты скоро будешь Табаторе. Каких-то десять часов, и вас разделит половина мира.

Так я убеждала себя мысленно, но бессознательно все-таки подвинулась на своем месте, напряженно всматриваясь в поток людей и вервольфов, vyplывающий к залу и утекающий к выходу и к лентам приема багажа. Всматриваясь и высматривая *его*.

Только когда от напряжения затекла шея, я мысленно себя пнула. Он летает частными самолетами.

О чем я вообще думаю? Точнее, каких только страшилок себе не представишь, когда хочешь спрятаться от внимания верховного старейшины вервольфов.

Я ему не нужна. Он сам так сказал. Он обо мне давно забыл. То, что я делаю, покидаю своих близких, свою стаю – это всего лишь страховка. Так я убеждала себя, пока не высветилось начало регистрации на рейс в Табатор.

Я подскочила, поправила плащ, ухватила за ручку чемодана и потянула его за собой. Стойка была рядом, а летящих бизнес-классом немного, поэтому я успела первой. Подала девушке в форме паспорт и выдохнула.

Все. Обратной дороги нет.

Так ведь?

Улыбка блондинки за стойкой слегка увяла, когда она открыла мой паспорт. Не скажу, что волчицы хорошо читают эмоции, но напряжение, страх мы чувствуем. Сотрудница аэропорта явно напряглась.

– Прима Экрот? – уточнила она.

– Да, – кивнула я. – Что-то не так?

– Одну секунду.

Не было никакой причины нервничать. Но я нервничала. Я начала нервничать с того самого дня, как узнала...

Девушка произносит тихо:

– Она здесь, – но я слышу. Не просто слышу, чувствую вервольфов, которые подходят сзади.

Первая мысль, что Доминик, мой альфа, узнал, что я убегаю, но эти мужчины мне не знакомы. К тому же, они не легорийцы, иностранцы – об этом говорит их внешность.

– Венера Экрот? – уточняет главный, высокий и бритоголовый волк.

– Если я скажу «нет», вы не станете меня задерживать? У меня скоро рейс.

– Я как раз здесь для того, чтобы вас задержать и доставить к моему боссу.

Я сжимаю ручку чемодана настолько сильно, что она трещит, но стараюсь держать лицо.

– А ваш босс...

– Верховный старейшина Рамон Перес.

Дыхание перехватывает, мне кажется, я ослышалась.

Мне хочется надеяться, что я ослышалась.

Но бритоголовый не шутит, его приятели тоже, а девушка за стойкой не станет звать охрану, если я закричу. У людей и вервольфов разные законы, люди не вмешиваются в наши, мы – в их.

– Пойдете сами или помочь? – спрашивает главный.

– Поможете с багажом? – улыбаюсь ему так мило, что сводит губы. Вервольф не теряется, кивает одному из своих подчиненных, и он забирает мой чемодан.

– Четыре мужчины на одну маленькую волчицу? Рамон решил, что я супергероиня?

Мне никто не отвечает. Мы быстро выходим из здания аэропорта. На улице дождь – нормальная погода для крайтонского межсезонья, но никто не заботится о зонтах. Большой черный автомобиль припаркован под козырьком, там, где в принципе парковаться нельзя, и эта вроде бы незначительная деталь только сильнее подчеркивает власть верховного.

Уже оказавшись внутри просторного салона, я открываю сумочку и достаю телефон, но устроившийся рядом бритологовый легко перехватывает мою руку.

– Что вы себе позволяете?! Я имею право на звонок своему альфе!

Пусть даже Доминик не обрадуется моему побегу, он лучше, чем Рамон Перес. Он защитит меня.

– Рамон приказал – никаких звонков. Сначала встреча с ним.

Я дергаю рукой, освобождаясь от его хватки, демонстративно возвращаю смартфон на место и отворачиваюсь к окну. Капли дождя напоминают слезы, они бесконечно медитативно скатываются по стеклу, но они не способны утихомирить растущее внутри меня напряжение. Тем более что дорога до центра Крайтона совсем не бесконечна.

Я почти не удивлена, что Рамон снова выбрал отель Кингстон – это лучший отель в столице и в стране. Почти – потому что этот отель вполне мог напоминать ему обо мне, а он обещал меня не вспоминать. Поэтому причина того, что меня сопровождает этот конвой всего одна – Рамон каким-то невероятным образом узнал правду. Причину, по которой я хотела навсегда улететь в Табатор.

Но как? Откуда?

Я не говорила об этом ни альфе, ни даже своей лучшей подруге, об этом знали только двое. Кто из них меня выдал? А главное – зачем?

Последний этаж. Королевский люкс.

И как удар в солнечное сплетение.

Потому что я прекрасно помню эти двери, уводящие в большую гостиную. Помню полумрак, как судорожно мы избавлялись от

сковывающей наши тела одежды, как целовались, будто в последний раз...

Я смаргиваю это видение. Потому что полумрака нет. Волшебства ночи тоже.

Зато есть сидящий на диване мужчина.

Серого света за окном не хватает, настенные бра отбрасывают перекрестья лучей, будто нарисованная клетка, поэтому его лицо находится в тени. Но при моем появлении он подается вперед, припечатывая меня своей звериной аурой. Напоминая мне о том, что я пыталась забыть или списать на разыгравшуюся фантазию.

Смуглую кожу с легкой щетиной, экзотичные черты, непробиваемую мужественность. А еще на аромат. Аромат, от которого кружится голова.

Нас разделяет метров десять, а ощущение такое, что я чувствую его дыхание на своей коже. Его взгляд как прикосновение. Властная ласка, и одновременно острота зубов. Потому что я замечаю, как при взгляде на меня в глубокой тьме глаз вспыхивает ярость.

Это мужчина моих грез. То есть ночных кошмаров.

Мой истинный.

Глава 1

Месяцем ранее

– Тебе нужны отношения.

Я едва кофе не подавилась, когда услышала это от Чарли. Мы сидели за столиком в ресторане «Фавель» и завтракали. Я буквально шантажом затащила сюда лучшую подругу. Шарлин, или как все ее называли – Чарли, предпочитала есть либо на работе, в своем магазине, либо дома. В последнее время второй вариант, потому что была на последнем сроке беременности. Я видела, как ей скучно, а еще страшно, поэтому использовала любую возможность, чтобы развлечь ее.

Но я совершенно точно не представляла, что Чарли поднимет эту тему!

– Ты последний человек, которого я могла заподозрить в бесцеремонном вмешательстве в мою личную жизнь.

– А вервольф? – хмыкнула она.

– И вервольф тоже! Ты знаешь мое прошлое.

– Прошое, Венера, это не настоящее и тем более не будущее. – Чарли отставила чашку с чаем, поправила выбившуюся из хвоста светлую прядь волос и поморщилась. – Прозвучало пафосно?

– Еще как.

Мы одновременно рассмеялись, и напряжение меня немного отпустило. Ничего не могу с собой поделать, тема отношений для меня сложная и запрещенная.

– Бесы! – выругалась Чарли. – Серьезные разговоры не мое. Я о том, что тебе нужно найти мужчину. Чтобы ушла эта твоя вечная грусть из взгляда.

– Как будто нельзя быть счастливой и одной, – вот теперь я искренне обиделась. За взгляд и за грусть. С тех пор, как у меня появилась такая подруга, мне казалось, что я заново оживаю. Самой яркой чертой характера Чарли была прямолинейность, она всегда говорила, что думает. Поэтому рядом с ней не нужно было притворяться или пытаться чему-то соответствовать. Второй

особенностью Шарлин было желание заботиться о близких, и я входила в их число.

– Можно, – кивнула она. – Особенно, если у женщины пробивной и мерзкий характер, например, как у меня.

– Мерзкий? – снова рассмеялась я.

– Точно не сахар.

– Как только Доминик терпит?

– Не представляю. Я иногда сама себя не выношу. Особенно сейчас, – она погладила себя по животу. – Как затмение находит, и начинаю говорить и творить... всякое!

– Это любовь.

– Вот! – Чарли воинственно взмахивает ложечкой для десерта. Тема моей личной жизни кажется ей интересней яблочного пирога. – Тебе тоже нужно влюбиться. Ви, у тебя есть все, чтобы вскружить голову любому мужчине. Внешность. Мозги. И с характером твоим все в порядке, так что всякое творить не будешь.

– Это не так просто, как заказать столик в ресторане, – напоминаю я. – Не всем везет встретить такого, как Доминик. Некоторым достаются такие, как Дэнвер или...

Август.

Мой бывший – пример мужчины, после отношений с которым самооценка любой нормальной женщины опускается до уровня метро. В смысле, ниже уже некуда.

– К тому же, – не позволяю Чарли себя перебить, – я не смогу быть с вервольфом. После моего изгнания из стаи никто не предложит мне ничего серьезного, а несерьезное меня не интересует.

– Если встретишь свою пару, он горы для тебя свернет.

Я приподняла бровь, даже не пытаюсь скрыть своего скепсиса:

– Чарли, встретить истинного – все равно, что выиграть миллион крайтов без лотерейного билета. В наше время это такая редкость, что я не знаю ни одной пары, кроме вас с Домиником.

Шарлин нахмурилась, побарабанила пальцами по столу и выдала:

– Тогда встречайся с человеком.

– Но я волчица.

– Подобный расклад не помешал нам с Домиником создать счастливую ячейку общества.

Да, Чарли человек, а Доминик – альфа стаи, в которую он меня принял, когда все близкие от меня отвернулись.

Странно, но мысль встречаться с человеком никогда даже не приходила мне в голову. Я не расистка, просто, наверное, в какой-то момент поставила крест на собственной личной жизни и нормальных отношениях с мужчинами.

– Но как? – спросила я растерянно.

– Как познакомиться с мужчиной? – уточнила Чарли. – Сайты знакомств, быстрые свидания. Много же есть способов.

Быстрые свидания.

Мне понравилась эта идея: живые встречи, короткие разговоры, за несколько минут я вполне смогу понять, нравится мужчина или нет. Я была готова рискнуть.

Нашла подходящие, и чтобы не дать заднюю, сразу же зарегистрировалась. Удивительное совпадение, но вечеринка для желающих найти себе спутника или спутницу проходила здесь, в Фавеле, только в отдельном зале. Я сочла это хорошим знаком. Но чем ближе становился день Икс, тем сильнее я нервничала. Потому что никогда не была на быстрых свиданиях. Да у меня и обычных свиданий толком не было. Парочка до замужества, чтобы получше узнать жениха, которого для меня выбрал альфа, и одно уже после развода. Последнее оставило после себя самые неприятные ощущения. Вервольф заранее узнал обо мне все и на встрече заявил, что ничего серьезного у нас не выйдет, но мы «можем поехать в отель и неплохо провести время». Еще добавил, что рад, что я умная девочка и, конечно, все понимаю.

Он даже не представлял, каких трудов мне стоило сдержаться и не выплеснуть в его усмехающуюся рожу содержимое моего бокала. Только контроль, возвращенный годами в стремлении с детства быть той самой умной и хорошей девочкой.

В общем, Чарли права, если на вервольфов мне не везет, значит стоит попробовать сходить на свидание с человеком. И быстрые свидания, надеюсь, помогут такого мужчину найти.

Все шло не по плану.

Началось с того, что в день, который должен был быть моим выходным, мне позвонил Доминик и попросил срочно приехать к Чарли. Все из-за визита Верховного старейшины. Дела

государственной важности и, судя по накаленной ситуации, очень серьезные, если мой альфа решился оставить беременную и горячо любимую пару.

А после начались проблемы. Не с Чарли, со всей Легорией. Один из альф нарушил международный закон и был отстранен. Если бы при этом я не знала его лично, то, возможно, переживала бы меньше. Я в глаза не видела Верховного, но уже начинала его ненавидеть! Нет, чтобы позволить нам во всем разобраться самим, он устроил цирк.

Я весь день провисела на телефоне, разбираясь с накалившейся обстановкой. Поэтому, когда наступил вечер, вместо предвкушения я чувствовала лишь желание отправиться домой. Тем более что все равно опаздывала и не успевала переодеться.

От этого решения стало с одной стороны легче, потому что не нужно было ничего менять в своей налаженной жизни, а с другой – как-то тоскливо. Особенно когда я стала невольным свидетелем поцелуя вернувшегося домой Доминика.

– Я скучал, моя маленькая альфа, – он нежно обнял свою истинную, аккуратно прижимая ее к себе, положил ладонь на ее круглый животик.

– Мы тоже, – улыбнулась Чарли в ответ. – Когда ты рядом, наш волчонок не крутится как волчок.

– Я взял отпуск до его рождения.

– Отпуск-отпуск? – уточняет его подозрительная жена.

– Да, вы для меня важнее всего.

Меня сначала ужалило завистью, а следом накрыло осознанием, что у меня никогда так не будет.

Не будет истинного.

Не будет пары-вервольфа.

И ребенка тоже не будет.

Но я могу до конца жизни жалеть себя, а могу все изменить. Только я и могу все изменить. Например, для начала перестать обманывать себя, что мне хорошо одной, и пойти на вечеринку, пусть даже в деловом костюме.

Я вызвала такси до отеля «Кингстон», и, пока мы ехали, поправила макияж, сделав его ярче. В огромном холле отеля я стянула темно-синий пиджак: в юбке-карандаш и светло-голубой блузке я выглядела чуть менее официально. Немного подумав, расстегнула еще

одну пуговицу на блузке, чтобы открыть соблазнительную ложбинку. Поправила волосы и осталась довольна своим отражением в гигантском, во всю стену, зеркале.

Зал для вечеринки был едва ли меньше основного в ресторане. Высокие панорамные окна с видом на манящие огни ночного города, в белом мраморе пола отражались настенные светильники, столики выстроились по кругу, и за ними уже разместились все участники быстрых свиданий.

Я втянула носом воздух: все люди.

– Наконец-то! – встречавшая у дверей блондинка схватила меня за руку и бесцеремонно потащила к ближайшему столу. – Там уже все началось. Вы пропустили вступление, но правила несложные, во всем разберетесь.

Меня «уронили» на стул напротив полноватого мужчины неопределенного возраста и сообщили:

– У вас четыре минуты!

– Мне обещали пять, – поправив очки, сварливо заявил он, и я поняла, что с ним мы вряд ли подружimsя.

С правилами быстрых свиданий я действительно была знакома. Выучила их от и до, потому что привыкла ко всему подходить основательно. Все участники вечеринки разбивались на пары и проводили в обществе друг друга ровно пять минут. Когда время выходило, мужчины менялись местами, переходили за другой столик. Если вы нравились друг другу, то обменивались контактами.

Ничего сложного.

Просто десять свиданий за один раз. В этом случае пятнадцать: именно столько столиков я насчитала.

Первый вариант я отмела сразу. Жадность не красит мужчину, а мелочность тем более, так что я дежурно отвечала на вопросы и обрадовалась смене партнеров. Вторым мужчиной оказался голубоглазый блондин по имени Антон. С ним мы достаточно мило побеседовали о триатлоне, которым он занимался. Третий, Мозес показался мне слишком помешанным на религии. После четвертого «свидания» подали коктейли, после шестого закуски, и вечер стал более расслабленным.

Правда, как на волчицу, на меня алкоголь не действовал совсем, я могла лишь оценить вкус. Вервольфы вообще иначе устроены, у нас

крутая регенерация, и никакие человеческие болезни не берут. Поэтому вопрос от мужчины номер семь меня удивил:

– У вас были в роду нездоровые люди?

У меня вообще в роду людей не было!

– Нездоровые?

– Психически. Психозы? Неврозы? Шизофрения?

– А вам зачем? Вы доктор?

Рыжеволосый партнер по столику внешне мне очень понравился, но потом выдал то, что выдал.

– Нет, – покачал он головой. – Просто перестраховываюсь. Моя бывшая оказалась потомственной шизофреничкой.

Мои брови ползут вверх.

– Что? – раздраженно интересуется мой кавалер по короткому свиданию. – Теперь я предпочитаю узнать обо всем сразу, чтобы не тратить свое время на неперспективных женщин.

Неперспективных женщин?

Вот засранец!

– И отпугиваете потенциальных подруг такими допросами? – сарказмом в моем голосе можно захлебнуться, но ничего, держусь.

– Нормальную женщину это не напугает. Вдруг я захочу детей, они должны быть со здоровой психикой.

Нормальную женщину?!

– Вы же не машину покупаете, – я начинаю заводиться. – Речь о личности.

– Я бы с удовольствием купил себе жену, – на полном серьезе подтверждает этот любитель быстрых свиданий.

Как сделал мой бывший.

А этот любитель «нормальных женщин» добавляет:

– Вот бы можно было выбрать базовую комплектацию.

И так считают все вервольфы, которые выбирают себе волчицу! Что мы должны соответствовать их представлениям и во всем подчиняться.

Ножка бокала в моих пальцах с хрустом переламывается. В глазах мужчины шок, девушка за соседним столиком испуганно охает, а ко мне тут же подбегают официант и блондинка-организатор. Один из осколков больно вонзается в палец, но именно это приводит меня в

чувство. Нашла на кого злиться! На идиота, который вообще не знает, зачем ему женщина.

Я самостоятельно вытаскиваю осколок и отказываюсь от предложенного антисептика. Просто прошу забрать части бокала, которые тут же уносит официант, и заявляю своему партнеру по столику:

– У нас с вами не может быть детей.

Отпускаю волчицу, до перехода в иную ипостась мне далеко, но теперь я вижу мир звериным зрением.

– Почему... – начинает он, но, натолкнувшись на мой взгляд, отшатывается и затыкается. – Вы вервольф. Почему меня не предупредили, что здесь будут вервольфы?

– Это не запрещено правилами.

– Тем не менее меня не спросили, хочу ли я встречаться с вервольфом.

Он пытается выглядеть уверенно, но я чувствую его страх. Как будто я чудовище какое-то, а не хрупкая девушка.

– Поверьте, я точно не хочу с вами встречаться. Психов в моей семье не наблюдалось, и менять это я не хочу.

– Смена партнеров! – к моему облегчению объявляет ведущая в микрофон.

Может, идея встречаться с человеком не так хороша? Правда, додумать мысль я не успеваю: моего обоняния касается нереальный аромат. В нем зной пустыни и дождь тропических лесов, сила океана и мощь земли под ногами. Одновременно с этим он такой глубокий, мускусный, мужской. Этот аромат обостряет все мои инстинкты, заставляет прикрыть глаза, потому что он кружит голову. Но лишь на мгновение, в следующую секунду я по-волчьи втягиваю его ноздрями и поворачиваюсь на его источник.

Замираю под взглядом темных глаз. Глубина? Что я знала о глубине? Кажется, он видит меня насквозь. Мужчина, что неумолимо приближается ко мне. Темные глаза, темные волосы, легкая щетина на скулах и резком, квадратном подбородке. На нем деловой костюм, но даже налет цивилизованности не может скрыть хищности его движений, неумолимой поступи зверя. А вот я чувствую себя раздетой. Не просто раздетой, распятой перед ним.

Меня охватывает странное желание податься ему навстречу или сбежать куда подальше, но ничего из этого я сделать не успеваю.

Вервольф опускается на стул напротив меня.

Его тут не было. Точно не было. Тогда что он тут делает? Кто он вообще такой?

Эти мысли вылетают из головы со скоростью болидов, когда он внезапно улыбается. Мне улыбается. У него красивые губы и белоснежные зубы. Этот абсолютный образец мужественности улыбается так, что мое сердце начинает трепетать, как встречающая рассвет песней птица. И я вся начинаю трепетать вместе с ним.

Вервольф же просто протягивает мне раскрытую ладонь.

Наверное, рациональная часть покидает меня в этот момент, потому что я, не раздумывая, вкладываю в его руку свою. Он берет осторожно, принюхивается, а потом проводит языком по моему пальцу, зализывая ранку после осколка.

Предки! Меня перетряхивает всю: от кончиков пальцев до макушки. Жар проносится по всему телу, костром вспыхивая внизу живота. Волчица, моя вторая ипостась, поднимает голову и стремится перекинуться. Я едва сдерживаю собственный порыв, свое звериное начало.

Края царапины немедленно срастаются, но отпрянуть мне не позволяют, продолжая изучать, трогать. Он пальцами накрывает венку пульса на запястье, и я вижу удовлетворение в его взгляде. Он знает. Он знает, что разжигает во мне новые и новые пожары. Он всего лишь зализал мою ранку, а я стала вся влажная.

Всего лишь, Венера?!

Он же съесть тебя хочет в самом эротичном смысле, разложить тебя прямо на этом столе. Ты посмотри на голод в этих бездонных глазах.

– Простите, но сейчас очередь другого участника. К нам нельзя просто так присоединиться, нужно записаться заранее.

Я вскидываю голову, в полной мере осознав, что мы не одни. Возле нашего столика стоит блондинка-организатор, а за ней маячит какой-то мужчина. Мужчина, который должен быть моим следующим партнером.

Тогда кто этот незнакомец?

Он даже на нее не смотрит, только на меня:

– Пойдем.

Голос у него под стать внешности: глубокий, властный, пробирающий до мурашек. В нем не просто сила чувствуется, ей невозможно противостоять.

Он поднимается и тянет меня за собой, а меня и уговаривать не нужно, я готова идти за ним на край света. Точнее то, что я иду с ним непонятно куда, осознаю уже далеко за пределами зала для быстрых свиданий, возле лифтов, ведущих из ресторана в отель.

Створка лифта распаивается перед нами, и вервольф кладет руку мне на поясницу, подталкивая в большую, но пустую кабину.

– Куда мы? – спрашиваю я. Очевидно, зачатки разума во мне все-таки остались. Совсем чуть-чуть, потому что, когда он скользит ладонью ниже, я не даю ему по морде, наоборот шагая вплотную.

У меня вообще ощущение, что в бокал с коктейлем мне что-то подмешали. Что-то, от чего даже вервольфы дуреют. Как еще объяснить, что после его ответа:

– В мой номер, – я не выбегаю из лифта.

Не хочу я никуда бежать.

Двери закрываются, отрезая меня от иллюзии побега, и я тут же оказываюсь зажата между стеной и мужчиной, которого хочу с немислимой силой. Хочу его до одури.

Я не знаю, кто кого целует первым, мы просто сталкиваемся друг с другом. Со стонами, с рычанием, достойными зверей во время брачных игр. Он вжимает меня в себя, позволяя почувствовать всю силу своего желания, скользит ладонями вдоль моего тела: снизу вверх, по бедрам, по животу, задевает соски, возбуждение которых не скрывает ни блузка, ни тонкая ткань белья. А я цепляюсь за мужские плечи, зарываюсь пальцами в густые волосы, вдыхаю его аромат. Когда он отрывается от моих губ, чтобы прикусить чувствительную кожу на шее, я запрокидываю голову и вижу нас в отражении зеркальной стены.

Себя – покрасневшую от возбуждения, с расширенными зрачками: настолько, что не видно звериного золота.

Его – огромного, нависшего надо мной, захмелевшего от одной на двоих страсти.

Мелодичный звон напоминает, где мы. Двери лифта плавно отъезжают в сторону, и я испуганно дергаюсь. Но мой незнакомец не

позволяет меня выпасть из нашего безумия, подхватывает под ягодицы и, вовлекая в новый сумасшедший поцелуй, куда-то несет.

Где-то фоном слышится треск ткани: кажется, узкая юбка не выдерживает подобного обращения. Но мне все равно, единственное, о чем я сейчас способна думать – как стать ближе к нему. Коснуться кожей кожи. Поэтому с моей помощью вервольф лишается галстука. Я стаскиваю его, сбрасываю на пол, а через мгновение снова оказываюсь прижата к стене и вовлечена в новый жаркий поцелуй.

Протестующий писк электронного замка сливается с моим громким стоном. Мой незнакомец промахивается ключом, когда я обхватываю его бедра ногами. Его нетерпеливое рычание только раззадоривает, и я кусаю мужчину за нижнюю губу. Игриво, легко, но слышу, как от этого ускоряется его пульс под моими пальцами на его шее.

Щелчок замка – и он дергает меня на себя, не позволяя пробраться ладонями под его рубашку. Я парю на его руках. Буквально. Потому что сначала он куда-то меня несет, а потом куда-то усаживает.

На спинку дивана, отмечаю запоздало. Это вообще все, что я успеваю заметить, потому что, продолжая посасывать и покусывать мои пылающие губы, вервольф резко задирает мою юбку. Я едва не падаю назад, когда он с нажимом проводит по внутренней стороне бедра, а после сдвигает ткань трусиков, касаясь уже других губ.

Он не позволяет мне упасть, ловит мой взгляд, когда скользит вверх-вниз, кружит по спирали, нарочно задевая чувствительный бугорок клитора. Легко скользит, потому что я возбуждена до предела и готова просто рычать, стоит ему убрать ладонь.

– Нет!

– Нет? – усмехается этот мучитель, поднося пальцы к своему лицу и слизывая с них мою влагу.

– Да, – исправляюсь я.

Он тихо смеется и снова подхватывает меня на руки.

На этот раз мы в спальне, и я тут же оказываюсь на широкой постели. Спина на прохладной покрывале. Эта прохлада будто отрезвляет. Предки, что я делаю?

В данный момент смотрю, как властный, сексуальный вервольф раздевается передо мной. Хотя, раздевается – можно сказать с

натяжкой. Он буквально срывает с себя одежду, а вот в его взгляде явно читается желание натянуть одну маленькую волчицу.

Мамочки, почему меня не пугает эта мысль? Только еще сильнее заводит. Как и мужчина, силой и хищностью которого невозможно не восхититься. Сильные плечи, крепкие руки и ноги, плоский живот: он весь будто выточен из камня или вылит из стали. Словно природа решила наделить его всем самым лучшим.

Спальню освещает лишь свет полной луны, но этого достаточно.

Мой рот наполняется слюной, когда он во всей своей первозданной красе останавливается напротив меня. То ли от волнения, потому что у меня давно не было мужчины, то ли от предвкушения. Мне и самой сложно ответить на этот вопрос. Меня лихорадит: бросает то в жар, то в холод.

Я вновь падаю в омут его глаз, в радужке которых вспыхивают золотые искры его зверя, а затем подаюсь ему навстречу.

Вздых.

Стон.

Треск шелка – и на мне больше нет блузки. И юбки тоже. Только белье и чулки.

Он вжимает меня в матрас своим сильным могучим телом, и я чувствую себя так, будто нырнула в горячую ванну. Остро, но невыносимо приятно. Поцелуи словно оставляют ожоги на коже – там, где он касается меня. На губах и ладонях – там, где его касаюсь я. Но для того, чтобы изучать тела друг друга медленно, мы слишком распалены. Я это понимаю, и он тоже. Потому что срывает последнюю преграду белья, вклинивается между моих бедер и раскрывая меня для себя, входит в меня одним движением.

Я вскрикиваю от этой наполненности, от тесноты. Сжимаюсь на нем.

– Горячая, – шепчет он. – Какая же ты горячая, гуара.

Я не знаю, что это значит, но его губы задевает мое ухо, и меня будто пронзает молния, а вместе с этим словно пронзает он. Вервольф подается назад, чтобы тут же качнуться вперед, врезаясь в меня.

Я действительно горю от этих мощных движений: диких, то быстрых, то плавных и тягучих, от торопливых поцелуев, от чувства наполненности, которое он мне дарит. Его толчки зажигают во мне невероятные искры, и я кричу. Кричу от наслаждения, когда он

толкается в меня, изливаясь сильным потоком. Кричу, срывая голос, притягивая его к себе.

Он перекачивается на бок, увлекая меня за собой.

— Nena. Малышка.

— Я не малышка! — смеюсь я.

— Тогда кто ты?

— Венера.

— Венера, — повторяет он, смакуя мое имя. — Мне нравится.

Он говорит что-то еще по-вилемейски, гладит меня по спине, ягодицам, и через несколько минут я осознаю, что ничего успокаивающего в этих прикосновениях нет. Особенно, когда он будто невзначай все-таки расстегивает застёжку бюстье, а потом добирается до обнаженной груди. Улыбаясь, я обхватываю член пальцами, проводя по всей длине, убеждаясь, что он снова готов, будто и не было этого крышесносного оргазма несколько минут назад.

С рычанием он поворачивает меня к себе спиной и входит сзади, поэтому мысль, что он не назвал своего имени, теряется в охватывающем меня остро-сладком удовольствии. Она возвращается исключительно утром, когда я просыпаюсь в ворохе сбитых одеял.

Одна.

Глава 2

За окном непривычно солнечная для Крайтона погода: именно яркие лучи меня и разбудили, пробравшись сквозь раздвинутые шторы. И, судя по этим лучам, утро началось уже давно.

Я моргаю и сажусь на постели, мигом вспоминая, где я, и случившееся ночью.

Я переспала с вервольфом, даже не узнав его имени.

Не просто переспала – я провела с ним всю ночь. Очень жаркую ночь. От вспыхнувших в памяти картинок все в моем теле сладко сжалось, а возбуждение снова хлынуло огнем по венам.

Я даже головой потрясла, чтобы избавиться от наваждения.

Наваждения, которого поблизости не наблюдалось. Ни в роскошной спальне президентского люкса, ни в не менее роскошной гостиной. Я прислушалась и поняла, что в огромном номере я одна. Куда ушел мой незнакомец, я не знала, но, отбросив одеяло в сторону, поспешно поднялась и отправилась в ванную. Мне нужен был душ. Жизненно необходим.

Я направилась в ванную и первым делом поймала свое отражение в зеркале.

М-да, я бы сама от себя такой сбежала: макияж размазался, волосы спутались. Но это ни беса не объясняет. Вообще не объясняет мои действия. Зачем я все это сделала? Я подавила нервный смех и шагнула в душевую.

Под струями теплой воды, втирая в кожу гель, я зажмурилась и постаралась вспомнить прошедшую ночь в мельчайших деталях. Не то, как вервольф вколачивался меня до сладких спазмов, а то, что было до. До того, как я перешагнула порог люкса, куда формально не шагала вовсе, потому что меня через этот порог перенесли. Вспомнить и воссоздать картину.

Быстрые свидания. Коктейли, которые для меня как сок. Конфликт с шовинистом. Сломанная ножка бокала.

Организатор сказала, что вервольф не участвует в свиданиях, он пришел туда позже. Из-за меня? По запаху. Как же невероятно он пах! При одном воспоминании об этом запахе все во мне начинает

трепетать. Что, если я так же пахла для него? Это объясняет то, почему нас одновременно накрыло этой жаждой. Но не объясняет, почему накрыло вообще.

Мы готовы были заняться сексом в лифте. Как звери. Как волки в брачный сезон!

Я замираю, забывая и о воде, и о геле для душа. Потому что осенившая меня догадка поражает. Нет, она настолько нереальная, что одномоментно пугает и радует.

Могла ли я встретить своего истинного?

Невероятно.

Невозможно!

Просто это не могло произойти со мной. Или могло?

Ведь это бы очень многое объяснило: то, как я доверилась незнакомцу, то, как пошла за ним, не думая ни о чем. Не сомневаясь. Это я, волчица, второе имя которой «осторожность». Я всегда считала, что для близости нужна близость, единение душ, интерес, и никогда бы не позволила себе секс без обязательств, без правил. С первым встречным! У меня до этой ночи вообще был секс только с одним мужчиной, с бывшем мужем. Не говоря уже о том, что я вытворяла в постели сегодняшней ночью, как дразнила его, как провоцировала.

Это была я, но какая-то другая я.

Свободная.

Открытая.

Дерзкая.

Не правильная девочка, а волчица-бунтарка, которая знает, чего хочет и кого хочет. И она хотела своего... истинного.

Я всхлипнула и прижала пальцы к губам, не веря тому, что со мной произошло. Я столько раз спрашивала у Чарли, как это – встретить своего истинного, а она отвечала: «Понимаешь, что то ли убить его хочешь, то ли затрахать, но чувства сильные». Вот и мне вчера хотелось второе. Заклеймить, присвоить его себе и вместе с этим подчиниться ему, отдаться, быть ласковой кошечкой в его сильных руках.

А-р-р!

Проблема в том, что истинность в наше время – огромная редкость. Если не сказать больше, потому что Чарли и Доминик стали единственной истинной парой лет так за пятьсот. До этого волчиц

отдавали за вервольфов, обладающих наибольшей властью, а естественное формирование волчьих пар заменили политической выгодой. Я знаю, была одной из них.

В общем, о том, как правильно определить истинность, я вряд ли найду хоть в одной книге. Проще всего спросить у потенциального истинного, с которым я провела безумно горячую ночь. Но для этого нужно было узнать, куда он делся и когда вернется.

Выключив воду, я завернулась в отельный халат с вышитой золотой короной, эмблемой Кингстона, влезла в тапочки и возле зеркала избавилась от оставшихся следов макияжа. Несмотря на то, что спала я мало, выглядела я отлично. Будто наполненная бурным сексом ночь меня оживила.

Все из-за взгляда, решила я, и через спальню прошла в гостиную. Первое, что привлекло мое внимание – букет нежно-розовых, почти кремовых роз на журнальном столике. Рядом с вазой стояла большая белая коробка, и тут же нашлась моя сумочка, которую я, очевидно, вчера «потеряла» по пути в спальню. Хорошо, не по пути в номер, иначе бы осталась без телефона и без карт. А вот свой пиджак я оставила на быстрых свиданиях. Да, так отключить мозг могла только истинная пара!

Так как на коробке было написано «для Венеры», я стянула с нее голубую ленту и подняла крышку. Внутри оказалось темно-синее шелковое платье от «Вестас», новое черное белье и запасные чулки. Подарки я любила, а учитывая, что моей одежде ночью пришел конец, оценила его практичность, но ни в коробке, ни на столе записки не нашла. Правда, осмотревшись, обнаружила мигающий автоответчик.

Я нажала на кнопку и услышала голос, который ночью шептал мне ласковые слова на невероятно сексуальном языке. Правда, сейчас он звучал сдержанно и по-деловому.

– Доброе утро, Венера. Спасибо за чудесную ночь. Для меня она была незабываема. Сегодня я покидаю Крайтон, так что увидиться не получится. Но я бы с удовольствием повторил нашу встречу, когда буду здесь в следующий раз. Я лишил тебя одежды, – усмехается он, – поэтому попросил менеджера отеля подобрать замену. Там же ты найдешь мою тебе благодарность. До встречи, пена.

На автомате лезу на дно коробки и под слоем бумаги нахожу белый конверт.

А в нем чек на приличную сумму.

Мир перед глазами обрел новую резкость, при этом потеряв краски: я переключилась на звериное зрение. Ногти с образцовым матовым маникюром вытянулись, превращаясь в заостренные когти. Из груди вырвалось утробное рычание. Ярость во мне закипела, забурлила, и идеально ровная бумажка превратилась в комок в моей ладони.

Превратилась — и полетела за диван, а я схватила злосчастную коробку с платьем: злость волчицы, ее обида, требовала выхода. Поэтому коробки тоже не стало, только ее куски в моих руках, а одежда оказалась на полу.

Мой истинный... Мой истинный! Решил заплатить мне за ночь, как какой-то девочке по вызову? Да еще и желал повторить. Как-нибудь. Когда он будет в Крайтоне.

Да не пойти ли тебе в задницу... Как тебя вообще зовут, хрен ты клыкастый?

Там на чеке было имя. Не могло не быть, поэтому я пнула одежду и обошла диван. Зашвырнула я бумажку далеко, но найти ее не составило труда: на ней отпечатался мой запах. На ней отпечатался клятый его запах! Только сейчас он действовал на меня, как пламя на волка. Раздражал! Нереально раздражал, потому что продолжал действовать. Будоражить.

Р-р-р!

Я подняла чек и, расправив его, вчиталась в имя.

Подождите!

Рамон Перес? Тот самый Рамон Перес?

Мой истинный — верховный старейшина?!

Хорошо, что рядом оказалась стеночка, потому что к ней я и прислонилась. И едва сдержалась, чтобы по этой стеночке не сползти, потому что ноги перестали меня держать, а голова совсем пошла кругом.

Что я знала о Рамоне Пересе? Например то, что он один из самых влиятельных вервольфов — даже не страны, нашего мира. Член Волчьего союза, беспристрастного союза волков, которые решают исключительно глобальные дела и следят за мировым балансом. Конечно, смена власти в Легории их заинтересовала, как заинтересовал брак альфы с человеком. А еще сын вервольфа от

простой женщины стал вожаком стаи и прежних старейшин свергли. Неудивительно, что этот Перец явился в мою страну и к Доминику. К моему альфе. Из-за него Доминик не был с Чарли, а я была. И поэтому в глаза не видела верховного!

До прошлого вечера.

Теперь до меня доходило. Сильная аура. Лоск. Непробиваемая мужественность. Президентский люкс.

Кто еще мог выбрать подобный номер, как не Самый-крутой-волк-в-мире?

Да если бы я знала, что это Перес, я бы бежала от него далеко-далеко. Нет, не так! Если бы я знала, что он мой истинный, я бы бежала еще дальше!

Кому вообще нужен слепоглухонемой истинный? Потому что только такой мог ничего не почувствовать сегодняшней ночью и причислить меня к волчицам легкого поведения.

Только завибрировавшая на столике сумочка выдергивает меня из мрачных размышлений о кровавом убийстве. Вчера я поставила смартфон на беззвучный, чтобы не отвлекаться от свиданий.

Вызов оказывается от Энди, секретаря Доминика.

– Венера, ты где?

– М-м-м... это имеет значение? – Мы, конечно, с ней почти полтора года проработали, но отношения у нас чисто деловые.

– В смысле, Мерр сказал, что ты до сих пор не в офисе. Надеюсь, ты не забыла о том, что согласилась меня подменить?

Сегодня?

У меня с этой истинностью-не истинностью совсем мозги отбило.

– Нет, Энди, я просто в пробке, – придумываю первое, что приходит в голову. Врать, пусть даже в мелочах – не в моем стиле, но я слишком долго всем в команде Доминика доказывала, что на меня можно положиться. И сейчас не могу подвести. Тем более до здания «Экрот-Брайс групп» отсюда пара кварталов.

– Поспеш. У Доминика встреча в десять.

Энди отключается, а я смотрю на часы. Девять. Даже накраситься успею.

Приходится влезть в платье от «Вестас», ни известный бренд, ни само платье вообще не виноваты в том, что им со мной расплатились. К тому же, я уверена, что Рамон вовсе его не выбирал и даже не видел.

Просто отдал приказ помощнице или отельному менеджеру. Я сама множество раз получала такие распоряжения, выбирала одежду для Чарли, когда у них с Домиником только все начиналось. Разве что чек Перец сам выписал. Вырисовал своей дорогой, наверняка с бриллиантами, ручкой. Койот!

Чек я забираю с собой, но не для того, чтобы обналичить. Нет, я узнаю адрес верховного и отправлю его ему. Международной почтой! Курьерской.

С учетом пробок я была в офисе через двадцать минут. Накрасилась, сделала себе кофе, что было моим утренним ритуалом и всегда успокаивало нервы. Рутинa всегда меня успокаивала. Правда, когда раскрыла файл с записью встреч Доминика, чашка в моей руке дернулась, и кофе выплеснулся на белую клавиатуру.

Потому что в десять у Доминика была встреча с Рамоном.

Только мне так могло «повезти»!

Вот серьезно. Я, конечно, после утреннего сообщения хотела запихать чек ему в одно место, но не в буквальном смысле. Встретаться с ним еще раз? А вдруг у меня снова мозги отъедут, как случилось ночью? Я же практически ничего не знаю о притяжении истинных. Может, мне это все почудилось!

Не почудилось. Аромат, что, кажется, впитался в меня всю, донесся до моего обоняния раньше, чем я придумала, как разминуться с верховным. А сам он вошел в приемную за пятнадцать минут до встречи с Домиником. Вошел и остановился, рассматривая меня. От его темного взгляда меня всю перетрясло: от макушки до пальцев ног, зажатых в тиски туфель на шпильке. Будто и не было целой ночи безудержного секса, я хотела его снова. Необъяснимо. Невероятно.

Правда, эта ночь закончилась тем, чем закончилась. Стоило вспомнить и чек, и сообщение, и даже то, что он ушел не попрощавшись, как я стряхнула наваждение. Вместо возбуждения по венам потекла ярость.

Я не стану бегать ни за ним, ни от него. Если не понял, что мы истинные, то это его проблема. Поэтому я нацепила на лицо самую вежливую улыбку из собственного арсенала и поздоровалась:

– Доброе утро, верховный старейшина Перес. Доминик еще не приехал. Могу я предложить вам кофе?

Кажется, ему это не понравилось, потому что прищур у вервольфа стал сильнее. То ли кофе не любит, то ли не терпит равнодушия к своей персоне. Или он подумал, что я туда плюну? Нет, мне моя репутации важнее личной вендетты.

– Я выпью кофе.

– Отлично. Присаживайтесь, я принесу.

Заодно переведу дух, потому что меня уже бросает то в жар, то в холод, а еще Доминика ждать.

– Я тебя провожу.

Ни за что!

Я крутанулась, преграждая ему вход в комнату для персонала. Не успела заметить, как он близко подобрался, поэтому почти уперлась руками ему в грудь. Отдернула ладони и как можно нейтральнее пояснила:

– Это против правил.

– Я создаю правила, Венера. Покажи, где кофемашина.

Офисная кухня мне всегда казалась большой, огромной, но не рядом с Рамоном. Кажется, я буду его чувствовать, даже спустившись на подземную парковку, что уж говорить про несчастные квадратные метры. Он будто обволакивает меня своей аурой, и это мешает мне думать. Кофе я делаю на автомате: засыпать зерна, подставить кружку.

– Какой вы любите?

– Черный.

Кто бы сомневался?

– Значит, наша встреча была не случайной, – я кожей ощущаю, как он подходит и останавливается за моей спиной.

– О чем вы?

– В отеле, Венера. И часто Доминик дает тебе подобные задания?

Вот теперь до меня доходит. Конкретно так доходит. Хорошо, кофе еще не успел выплеснуться в чашку, а репутация важнее. Надо почаще себе это повторять!

Я медленно оборачиваюсь и смело смотрю ему в глаза. Они у него даже с такого расстояния темные-темные, как черные дыры.

– Если вы хотели оскорбить меня еще больше, вам это удалось.

Он подается вперед, я тоже, больно ударившись пятой точкой о столешницу.

– Чем же я тебя оскорбил?

Даже не знаю, что унизительнее: его предположение или этот вопрос.

– Тем, что решили, что я хочу встречаться с вами снова, – цежу я.

– Маленькая сумма?

– Чулки не того оттенка!

Пытаюсь отодвинуться, но Рамон кладет ладони на стол. Я будто оказываюсь в капкане, хотя он даже не касается меня. Между нами словно пробегают электрические разряды, а воздух накаляется.

– То есть я должен поверить, что единственный получил эту награду?

– Верь во что хочешь, но на продолжение не рассчитывай.

Теперь его глаза вспыхивают звериным яростным огнем.

– На этот счет не волнуйся. Мне не нужна шпионка Доминика.

Пощечина и то была бы менее унизительна, но он умудрился ударить меня словами. Этот мужчина просто невозможный! А я-то, наивная, считала, что хуже моего бывшего в мире нет.

– Хорошо, что мы во всем разобрались, – мне не нужно стараться, чтобы вложить в голос побольше холода, он разве что не звенит от стужи, несмотря на весну на календаре.

Я жду, что он отодвинется, но он остается на месте.

– Не совсем. Если у этой ночи будут последствия, я позабочусь о них.

– Последствия?

– Ребенок, Венера. Если ты забеременела...

Вот оно что! Какой благородный.

– На этот счет не волнуйся, – возвращаю ему его же слова. – Я не могу иметь детей.

– Это правда?

– Чистая. Уверена, что ты можешь дать задание собственным шпионам и узнать, что бывший муж выгнал меня из стаи из-за моей неспособности зачать. Так что жениться на мне не придется.

Рамон смотрит на меня изумленно и, оттолкнувшись от столешницы, наконец-то отступает.

– Я говорил не о замужестве, а о ребенке. Жена мне не нужна.

Он забирает кофе и уходит, а я впервые задумываюсь: может, верховный женат?

Пока они с Домиником беседуют в его кабинете, я лезу в сеть и нахожу всю доступную информацию о Рамоне Пересе. Не знаю, какого беса, мне это надо, но надо! Женское любопытство, чтоб его. Впрочем, очень быстро понимаю, что он самый скрытный вервольф во всей галактике. Или у него хорошая служба безопасности. Потому что я узнаю только его возраст (ему тридцать два), то, что он меценат и предпочитает рыжих. По крайней мере, на всех фото с благотворительных ужинов рядом с ним все время под руку мелькает одна и та же женщина с медными волосами. И она не волчица, человек.

Значит, жены у него нет, и она ему не нужна. То есть я не нужна в качестве жены и в качестве истинной. Соответственно, мне он не нужен тоже.

Совсем.

Когда Рамон уходит, я провожаю его вежливой улыбкой, и вычеркиваю из жизни. Прошное надо оставлять в прошлом. Так говорит мой психоаналитик, и я с ней согласна.

Чувства во мне улеглись, я успокоилась и даже если не забыла, то смирилась с этой историей. Моя жизнь стала прежней: работа, дом, поездки к Чарли с Домиником и их маленькому ангелу. Когда я впервые подержала Анхеля на руках, то чуть не разрыдалась от счастья и одновременно разочарования, что у меня такого никогда не будет.

А через две недели поняла, что у меня задержка.

Глава 3

– Испытывали ли вы сильный стресс в последнее время? – поинтересовался на приеме доктор.

Хм. Не считая того, что я встретила истинного, а он оказался козлом?

– Я узнала, что мой бывший муж погиб. Но, если честно, это не вызвало во мне сильных эмоций.

Это было чистой правдой. Думала, что после новости, которую мне сообщил Доминик, почувствую облегчение, но, наверное, я давно избавилась от влияния Августа на мою жизнь. Несмотря на то, что когда-то он превратил эту жизнь в кошмар, по этому поводу я сейчас не испытывала ничего.

– Тогда посмотрим на результаты анализов.

– Я подожду.

Клиника была для вервольфов, поэтому мне удалось так быстро записаться на прием. В силу повышенной регенерации и выносливости вервольфы почти не болели. По сути, все наши болезни были именно генетическими: наследственными или врожденными. Как я и сказала мужчине на быстрых свиданиях, шизофренией в моем роду никто не страдал, а вот проблемы с рождаемостью были. Это вообще была общая проблема всех вервольфов – наша раса постепенно вырождалась.

Девочек появлялось на свет все меньше и меньше, а беременность и роды обычно проходили достаточно тяжело. Если, конечно, волчица могла забеременеть. Я оказалась в числе бесплодных. Спустя два года нашей брачной жизни муж отправил меня в эту клинику, чтобы узнать, почему я все еще не могу подарить ему наследника. А когда пришли результаты диагностики, Август просто развелся со мной и выгнал меня из стаи.

– Венера, я должен сообщить вам удивительную и чудесную новость, – отвлекает меня от мрачных воспоминаний пожилой доктор.

– Удивительную?

– Чудесную! – он широко улыбается. – Вы беременны.

Чего?! Они там анализы перепутали, что ли?

– Вы, наверное, шутите. Все исследования показывали, что у меня никогда не будет детей.

– Поэтому я и сказал, что это больше похоже на чудо предков. Но это правда, вы носите под сердцем волчонка. Срок небольшой...

Доктор еще что-то говорит. Что-то вроде того, что с эмбрионом все хорошо, он развивается нормально, конечно, он будет наблюдать меня, и еще множество известных и неизвестных терминов, но его слова доносятся до моих ушей, будто сквозь пелену.

Я беременна?

Я беременна!

От Рамона.

– Вы не рады? – хмурится доктор.

– Я в шоке, – признаюсь я.

– Надеюсь, что в приятном. Все-таки за годы моей практики вы единственная, кому удалось опровергнуть поставленный мной диагноз. Я настаиваю на изучении вашего случая. Возможно, это поможет другим волчицам.

Только не это!

– Не говорите никому обо мне.

– Естественно! Это врачебная тайна. Все только с вашего согласия.

Меня это успокаивает. Немного.

Потому что я ничего не понимаю. Как я вообще могла забеременеть, если даже у доктора нет объяснений этому? Чудо?

Истинность.

Клятая истинность, которая одурманила меня, а затем преподнесла вот такой подарок.

Истинность, про которую я ничего не знала, о которой предпочла забыть, и поэтому не копала. Не пыталась ничего выяснить. Но теперь придется это сделать, потому что я беременна.

Потому что я беременна от верховного старейшины.

Потому что он не хочет ребенка... Поправочка, не хочет меня в роли матери его ребенка, и заберет его – он сам так сказал. Что позаботится. А я не могу этого допустить. Я так хотела и так ждала это чудо, что никому его не отдам.

Об этом ребенке никто не должен узнать.

Особенно его отец.

Но как это сделать? Как скрыть собственную беременность?

К сожалению, не под одеждой. Учитывая, что я живу и работаю в кругах своей расы, рано или поздно вервольфы уловят биение двух сердец, почувствуют изменение в моем запахе. Они узнают, что я ношу под сердцем волчонка, и начнутся вопросы. Кто отец?

Доминик знает обо мне и Рамоне. У нас с верховным была настолько зажигательная ночь, что, несмотря на принятый душ, наши ароматы смешались. На мне остался его запах, а на нем – мой. Доминик не идиот, все понял еще тогда в офисе, но ничего не сказал, за что я была ему благодарна. За невмешательство в мою личную жизнь.

Но одно дело просто секс, пусть даже с верховным старейшиной, совсем другое – зародившаяся во мне маленькая жизнь. В моем мире, в наших реалиях, волчата – огромная ценность, ни один отец не откажется от них.

Он его заберет.

Заберет!

Я осознаю себя на парковке перед клиникой, сидящей в машине и судорожно вцепившейся обеими руками в руль. Перед глазами плавают пятна, пульс грохочет в ушах, по спине стекают капельки холодного пота, а сделать нормальный вдох просто не получается. Я хватаю ртом воздух, которого не хватает в тесном пространстве салона, и быстро нажимаю на кнопку, опуская боковое стекло.

Городской воздух относительно свежий, пахнет выхлопными газами, дымом и рыбным заводом, который через несколько кварталов отсюда, но холод мигом вышибает из меня панику.

Паническая атака, привет! Давно не виделись!

Я делаю глубокий вдох и еще более глубокий выдох, и так несколько раз, а затем сама себе признаюсь в том, что одной мне с этой новостью не справиться. Мне просто необходимо с кем-то поговорить, поэтому нахожу нужный контакт и записываю голосовое сообщение:

– Хелен, знаю у тебя слишком плотная запись, и все расписано на месяц вперед, но мы можем перенести нашу встречу на сегодня?

«Есть окно в 16.30. Успеешь?» – приходит ответ.

Конечно!

Спасибо всем предкам за отсутствие пробок, через час я уже сижу на мягком горчичном диване в офисе моего психоаналитика. А сама

она заваривает для нас ромашковый чай – обязательный атрибут наших встреч.

У Хелен полностью седые волосы, хотя ей не больше сорока пяти, подтянутая фигура и будто глядящие в самую душу глаза. Еще она человек, и два года назад именно по этой причине я не могла решиться обратиться к ней по поводу личной терапии. Мне казалось, что люди не понимают вервольфов, наших законов и традиций, но это время узнала, что мы не так уже и отличаемся друг от друга. Что с проблемами, с которыми столкнулась я, сталкиваются и другие женщины. В итоге беседы с Хелен окупили каждый вложенный крайт: приступы почти меня не беспокоили. До этого дня.

– Что побудило тебе перенести встречу, Венера?

От нее, конечно же, не укрылась моя спешка. Начиная с этого года мы начали видеться раз в две-три недели, Хелен говорила, что в более частых встречах необходимость отпала. Из забитого зверька, который не доверял никому, я стала волчицей, женщиной, обрела самооценку, внутреннее равновесие. Которое как оказалось очень легко пошатнуть.

– У меня был секс, – признаюсь я, забирая из рук психоаналитика чашку, наполненную ароматным напитком. – С вервольфом. Спонтанный. Без обязательств.

Кроме Хелен я бы никому в этом так открыто не призналась, но мы еще в самом начале договорились о честности. О том, что я здесь именно затем, чтобы говорить о своих проблемах.

– Смелый шаг с твоей стороны. Но необходимый. Как удалось справиться со страхом близости?

– Я с ним не справлялась. У меня будто мозг выключился, и меня вели голые инстинкты.

– Очень хорошо, что получилось расслабиться и не ассоциировать нового партнера с предыдущим. Это все равно положительный опыт.

Настолько положительный, что несколько ночей подряд я просыпалась от эротических кошмаров с участием Рамона! Потом попустило.

– Я не уверена в этом, Хелен.

– Почему?

– Я была слишком беспечной. Отдалась моменту и забыла обо всем. Я думала, что он моя пара, но он... Он сказал, что я ему не нужна!

Я выкладываю все: и про быстрые свидания, и про чек, который я записала в шредер.

– Тебе не за что себя винить, – мягко перебивает меня психоаналитик. – Правильно делаешь, что признаешь собственные чувства. Нормально, что ты еще временами реагируешь, опираясь на свои старые законы и убеждения. Абсолютно нормально, что ты учишься реагировать по-новому. Ты взрослая, самостоятельная женщина, которая вправе самостоятельно выбирать себе партнеров и получать удовольствие от секса. Только ты отвечаешь за свой выбор и его последствия.

– К слову о последствиях, – вздыхаю я. – Та ночь не осталась для меня случайной – сегодня я узнала, что беременна.

Невозмутимая Хелен приподнимает брови:

– И что ты чувствуешь, узнав об этом?

Вопрос настолько неожиданный, что я теряюсь. Потому что я настолько поддаюсь панике, настолько заикнулась на страхе, что малыша у меня обязательно заберут, что нужно бежать куда глаза глядят, только чтобы его уберечь... Что даже не успела подумать о нем самом!

О моем отношении к беременности.

Я кладу руки на живот и будто только сейчас осознаю, что у меня будет малыш. Такой долгожданный. Уже любимый! Мое чудо. Горло сдавливает от невозможности выразить словами все, что я к нему чувствую, образ Хелен расплывается перед глазами, полными слез. Сейчас я плачу совсем не от страха.

От счастья.

– Я самая счастливая женщина на свете.

– Это чудесно, – Хелен улыбается, ни как обычно: сдержанной профессиональной улыбкой, а тепло, по-дружески.

– Есть сложности.

– Всегда есть сложности, все зависит от того, как мы к ним относимся. Раздуваем до невероятных размеров или решаем проблемы.

Я рассказываю ей о своей. О самой большой проблеме, которую мне может устроить Рамон, но Хелен не поддерживает меня в этом страхе.

– Людей защищает закон, а вервольфов – их альфа. Думаю, тебе стоит к нему обратиться.

Нарыдавшись, я привожу себя в порядок в туалете, прежде чем вернуться к терапии. Волчица в отражении бледная, но взгляд у меня больше не испуганный. В нем решительность. Потому что мне есть за кого бороться. Теперь точно есть за кого.

Я прощаюсь с Хелен и в этот раз шагаю к ней, обнимая женщину. Она обнимает меня легко, как мать, а для вервольфа объятия – большой шаг, мы не любим чужие прикосновения. Но сейчас мне нужна эта смелость и нужна эта поддержка.

Мне нужна вся моя храбрость, чтобы защитить моего ребенка.

Самым простым было попросить о помощи. Более того, меня этому учили с детства. Если у тебя проблемы, ты всегда можешь обратиться к альфе, и он посмотрит, как эту проблему можно решить. Стая больше чем общество, стая – семья. По крови и по духу. Стать изгоем означало лишиться всего: любой помощи рода и помощи альфы. Если человеческих капризных детей пугают отлучением от сладкого и игрушек, то волчат с плохим поведением страшат изгнанием из стаи. Но на самом деле я даже не могла представить, что окажусь на обочине жизни.

Слишком правильной я всегда была.

Меня ставили в пример моим кузинам и кузенам. Мне прочили большое будущее. Потому что я должна была стать женой альфы, а затем – матерью наследника и первой волчицей стаи.

Не стала.

Я не смогла подарить Августу волчонка, и он меня прогнал. Из стаи и из привычной жизни. Я буквально осталась на улице. Без денег. Без работы. Без связи с родом. Отец тоже от меня отказался.

Помню, как лежала на лавочке в парке и хотела, чтобы ничего этого не было. Я не могла плакать, казалось, если зареву, завою, что-то во мне окончательно сломается. А еще казалось, что на меня обрушился целый мир. Я не могла иметь детей, и в мире вервольфов это означало, что я потеряла ценность. Ни один вервольф не захочет на мне жениться, ни один альфа не примет меня в свою стаю.

Что я могу ему предложить?

Меня спасла пожилая темнокожая женщина, что выгуливала в парке свою собаку. Собачка подбежала ко мне и принялась облаивать.

Я едва подавила желание оскалиться в ответ. Кучерявый зверек боялся меня, вот и защищал свою хозяйку. Правильно делал, потому что я сама была загнанным зверем. А вот женщина не разделяла его опасений.

– Владыка, что ты здесь делаешь?! – воскликнула она. – Да еще и в таком виде?

Женщина стащила с себя палантин и бесцеремонно по меркам моей расы набросила его на меня. Промозглая сырость поздней осени была последним, что волновало меня в тот момент, поэтому я села, сбросила мягкую шерсть и на этот раз зарычала, глядя ей в глаза.

– Не холодно? – переспросила она, словно читая мои мысли. – Но до беса грустно, так?

Я рыкнула в ответ, а она почему-то не испугалась, скомандовала своей собачке:

– Кекс, смирно. Она меня не тронет. Пойдем домой, – она протянула мне руку.

Я покачала головой и отвернулась. Оставь меня в покое, человек!

– Нет дома? – догадалась она. – У нас с Кексом тоже его долго не было. Но если захочешь, мы поможем тебе его найти.

Хотелось перекинуться и огорошить ее новостью: «Я не собака!» Эта женщина что, никогда не видела волков?

Но она была права: я слишком устала морально и физически, и как надоевшая собака оказалась на улице. Мне сейчас очень хотелось немного тепла, пусть даже от странной собачницы. Поэтому, когда она развернулась и пошла прочь из парка, я тоже спрыгнула с лавочки, подхватила палантин и направилась следом.

У нее оказался небольшой одноэтажный дом: две спальни, гостиная со старинной печкой и маленькая «не развернуться» кухня. Но это было гораздо лучше, чем улица. Я узнала, что ее зовут Зара Эммет, и что она ветеринар. И милейший человек из всех, что я знала.

Я провела у нее три дня, прежде чем набраться храбрости и сменить ипостась – я просто не могла и дальше врать женщине, что меня спасла. Не просто спасла, она все это время разговаривала со мной, обещала мне, что все будет хорошо. Да и провести остаток жизни в образе бессловесного зверя я тоже не могла. Каково же было мое удивление, когда она не прогнала меня прочь!

– Ну наконец-то, – улыбнулась она закутанной в покрывало мне. – Теперь можно и дом искать.

– Я не собака, – напомнила я, хотя с Кексом мы в последнее время хорошо подружились. И даже поиграли пару раз.

– Вот-вот, у тебя гораздо больше вариантов. Например, собака не может найти работу, а ты можешь.

Я нахмурилась.

– Работу? Волчицы не работают.

По крайней мере, ради денег. Только удовольствия для.

– А люди работают, принцесса, – рассмеялась Зара.

Она не прогнала меня, разместила в свободной спальне и выслушала всю мою историю. Главное не дала снова скатиться в депрессию.

– Раз тебя вервольфы прогнали, извлекай из этого выгоду, – посоветовала она. – Будь человеком.

Это сработало. Не знаю как и почему, но сработало. Сначала я помогала Заре в клинике, но потом она сама выпроводила меня в большое плавание. Второй моей работой стала должность консультанта в магазине одежды, а на третий раз мне повезло еще больше – меня нанял вторым секретарем сам Доминик Экрот.

Альфа Морийских лесов был настолько могущественным, а влияние его семьи настолько огромным, что ему еще тогда прочили место самого молодого старейшины и великую судьбу. Если другие вожаки могли не принять меня на работу, исключительно из опасений разозлить моего дядю или поссориться с моим бывшим супругом, то Экрот создавал свои правила.

Впрочем, я сама опасалась презрения Доминика и еще больше боялась его жалости, но, как оказалось, у меня было огромное преимущество перед другими кандидатами – я знала про мир вервольфов и правила стаи изнутри. Я сама была вервольфом, поэтому разбиралась во всех нюансах, а ему нужны были мои знания. Я три месяца провела на испытательном сроке, прежде чем Доминик обрадовал меня постоянным контрактом. Слишком постоянным. Он поставил мне условие: я должна принести ему клятву верности.

Подобную клятву приносили своему альфе все члены стаи. Клятвой это называли не просто так, она связывала вервольфа с вожаком на ментальном уровне. То, кто ее давал, не мог нанести вред

альфе, его паре или детям, солгать, предать словом или делом. Если же такое происходило, клятва начинала выжигать сознание. Вервольф испытывал такую боль, что либо сходил с ума, либо погибал. По сути, он наказывал самого себя.

Но новой клятвы я боялась не поэтому.

Я не хотела снова стать бесправной, в чем честно ему призналась.

– Венера, клятва защищает не только альфу от измены. Она защищает каждого в моей стае. Только так я смогу защитить тебя. От любой угрозы извне.

– Вы поклянетесь, что не прогоните меня? Не станете ничего делать против моей воли?

Учитывая, что уже две стаи отказались от меня, этот вопрос был для меня очень важным.

– Клятва альфы, – серьезно заявил тогда Доминик. – Но все нужно сделать по правилам.

Как сейчас помнила свои эмоции, когда выходила из его кабинета. Меню вся трясло: от нервов, что посмела диктовать Экроту условия, и от радости, что я снова буду в стае. В стае, которая останется моей навсегда.

Я в это верила. Я верила Доминику. Возможно, поэтому после Хелен поехала к ним с Чарли.

Только так я могла поговорить с альфой, устроившему себе отпуск в честь рождения сына. Сейчас счастливое семейство обитало в городском особняке, поближе к цивилизации и, на всякий случай, к доктору. Несмотря на то, что роды прошли хорошо, Доминик предпочел перестраховаться. Выносить сына альфы – непростая задача, особенно если ты человек. Я волчица, мне проще.

Наверное.

– Ви? – навстречу мне вышла Шарлин. Такая по-домашнему уютная в сером халате мужа, подол которого шлейфом волочился за ней. – Ты разве сегодня должна была приехать? У меня все дни в голове перепутались.

– Нет-нет, я не планировала. Есть вопрос к Доминику. Можно?

– Конечно, – кивает Чарли, и я иду за ней на кухню.

Как и дом, кухня Экротов большая и современная, с П-образным столом, с разнообразной встроенной техникой, серым камнем и прозрачной стеной с видом на море. Сейчас море не видно, в стекле

отображается хаос: везде мука, какао и ошметки крема, а запах горелого смешивается с ароматом сваренного кофе. Посреди всего этого «великолепия» стоит Доминик в джинсах и замешивает тесто, а из колонок доносятся ястребиные крики. Причуда Экрота-младшего, который в настоящий момент сладенько спит в специальном кресле-качалке.

– Здравствуй, Венера.

– Добрый вечер, альфа.

– Присаживайся. Тот стул относительно чистый.

Мука действительно осела и на барных стульях, но я смахиваю ее и устраиваюсь.

– Что случилось?

– Этот волкопуп всю беременность не давал мне есть сладкое, – Чарли проверяет Анхеля, прежде чем сесть рядом со мной. – Я решила, что заслуживаю вишнево-шоколадного кекса.

– И ты попросила Доминика его приготовить.

– Хуже! Я решила, что справлюсь с бесовым кексом сама!

– Не справилась, – подтвердил альфа, в его светло-карих глазах заиграли смешинки, а я закусил губу, чтобы спрятать улыбку. Чарли и приготовление пищи были несовместимы. Верхом ее кулинарного мастерства были сэндвичи с сыром и листьями салата, а тут – целый кекс!

– Зато узнала, что в доме прекрасно работает пожарная сигнализация, – усмехнулась Чарли и, заслонившись ладонью от мужа, сообщила мне: – И теперь припахала старейшину всея Легории готовить мне десерт.

– Дорогая, ты же в курсе, что у меня волчий слух, – напомнил Доминик.

– А ты не отвлекайся, скоро ангелочек проснется и врубит собственную сигнализацию.

– Мой сын, – в словах альфы столько гордости и любви, что у меня комок в горле, – он умеет быть настойчивым.

– Куда уж настойчивее.

Я наблюдала за тем, как они подшучивают друг над другом, и получала незабываемое удовольствие. Доминик и Чарли были не просто истинной парой, они будто реально были половинками, родственными душами.

Словно почувствовав, что про него речь, Анхель завожился в кресле, а затем раздался боевой вой.

– Началось, – Чарли подняла глаза к потолку, а потом потопала к малышу и взяла его на руки. – Зайчик, чего орем?

– Только ты можешь называть будущего альфу зайчиком, – заметил ее муж.

– А вот не надо нам тут навязывать родительские ожидания. Вырастет, сам решит, кем станет! Альфой, как папа, или, писателем, как мама. Правда, Анхель?

– Или оперным певцом, – добавила я. – Судя по крику.

Счастливые родители усталились на меня, и когда я уже решила, что перегнула, одновременно расхохотались.

Я попыталась представить на месте Чарли и Доминика себя и Рамона, но у меня не получилось. Потому что я совершенно ничего не знала о верховном: ни что ему нравится, ни что он терпеть не может. Почему-то мне казалось, что для своего наследника он наймет десять нянек, которые круглосуточно будут о нем заботиться. Я в эту картинку никак не вписывалась, как Рамон не вписывался в эту простую бытовую сцену. Такую теплую, что от нежности защемило в груди.

Но когда Шарлин поднесла Анхеля к отцу, и малыш перестал плакать, с любопытством рассматривая, что же альфа делает, я поняла одну вещь. Доминик слишком любит своего волчонка, чтобы поддержать меня в решении утаить ребенка. Он расскажет все верховному. А если не расскажет, если все-таки примет мою сторону, проблемы могут быть уже у него. Как у моего альфы.

Я не могу их так подставить.

Поэтому, когда Доминик спросил:

– Ты просто в гости или по делу?

Я ответила:

– Я могу попросить отпуск?

Глава 4

У меня почти получилось. Я почти села в самолет. Почти, да.

– Она здесь, – сообщает кому-то сотрудница аэропорта, и я чувствую вервольфов, которые подходят сзади.

Первая мысль, что Доминик, мой альфа, узнал, что я убегая, но эти мужчины мне не знакомы. К тому же, они не легорийцы, иностранцы – об этом говорит их внешность.

– Венера Экрот? – уточняет главный, высокий и бритоголовый волк.

– Если я скажу «нет», вы не станете меня задерживать? У меня скоро рейс.

– Я как раз здесь для того, чтобы вас задержать и доставить к моему боссу.

Я сжимаю ручку чемодана настолько сильно, что она трещит, но стараюсь держать лицо.

– А ваш босс...

– Верховный старейшина Рамон Перес.

Дыхание перехватывает, мне кажется, я ослышалась.

Мне хочется надеяться, что я ослышалась.

Но бритоголовый не шутит, его приятели тоже, а девушка за стойкой не станет звать охрану, если я закричу. У людей и вервольфов разные законы, люди не вмешиваются в наши, мы – в их.

– Пойдете сами или помочь? – спрашивает главный.

– Поможете с багажом? – улыбаюсь ему так мило, что сводит губы. Вервольф не теряется, кивает одному из своих подчиненных, и он забирает мой чемодан.

– Четыре мужчины на одну маленькую волчицу? Рамон решил, что я супергероиня?

Мне никто не отвечает. Мы быстро выходим из здания аэропорта. На улице дождь – нормальная погода для крайтонского межсезонья, но никто не заботится о зонтах. Большой черный автомобиль припаркован под козырьком, там, где в принципе парковаться нельзя, и эта вроде бы незначительная деталь только сильнее подчеркивает власть верховного.

Уже оказавшись внутри просторного салона, я открываю сумочку и достаю телефон, но устроившийся рядом бритологовый легко перехватывает мою руку.

– Что вы себе позволяете?! Я имею право на звонок своему альфе!

Пусть даже Доминик не обрадуется моему побегу, он лучше, чем Рамон Перес. Он защитит меня.

– Рамон приказал – никаких звонков. Сначала встреча с ним.

Я дергаю рукой, освобождаясь от его хватки, демонстративно возвращаю смартфон на место и отворачиваюсь к окну. Капли дождя напоминают слезы, они бесконечно медитативно скатываются по стеклу, но они не способны утихомирить растущее внутри меня напряжение. Тем более что дорога до центра Крайтона совсем не бесконечна.

Я почти не удивлена, что Рамон снова выбрал отель Кингстон – это лучший отель в столице и в стране. Почти – потому что этот отель вполне мог напоминать ему обо мне, а он обещал меня не вспоминать. Поэтому причина того, что меня сопровождает этот конвой всего одна – Рамон каким-то невероятным образом узнал правду. Причину, по которой я хотела навсегда улететь в Табатор.

Но как? Откуда?

Я не говорила об этом ни альфе, ни даже своей лучшей подруге, об этом знали только двое. Кто из них меня выдал? А главное – зачем?

Последний этаж. Королевский люкс.

И как удар в солнечное сплетение.

Потому что я прекрасно помню эти двери, уводящие в большую гостиную. Помню полумрак, как судорожно мы избавлялись от сковывающей наши тела одежды, как целовались, будто в последний раз...

Я смаргиваю это видение. Потому что полумрака нет. Волшебства ночи тоже.

Зато есть сидящий на диване мужчина.

Серого света за окном не хватает, настенные бра отбрасывают перекрестья лучей, будто нарисованная клетка, поэтому его лицо находится в тени. Но при моем появлении он подается вперед, припечатывая меня своей звериной аурой. Напоминая мне о том, что я пыталась забыть или списать на разыгравшуюся фантазию.

Смуглую кожу с легкой щетиной, экзотичные черты, непробиваемую мужественность. А еще на аромат. Аромат, от которого кружится голова.

Нас разделяет метров десять, а ощущение такое, что я чувствую его дыхание на своей коже. Его взгляд как прикосновение. Властная ласка, и одновременно острота зубов. Потому что я замечаю, как при взгляде на меня в глубокой тьме глаз вспыхивает ярость.

Это мужчина моих грез. То есть ночных кошмаров.

Мой истинный.

– Оставьте нас.

Ему не нужно повышать голос, у вервольфов превосходный слух. Поэтому мои сопровождающие просто возвращаются к лифту. Я слышу это по шагам, слишком мягким для таких верзил. Слышу, потому что не оглядываюсь. Предпочитаю смотреть перед собой, на картину за его спиной. Что угодно, только бы не соскальзывать взглядом на мощные плечи, на лежащую на колене ладонь, выстукивающие ритмичную мелодию пальцы. Не говоря уже о том, чтобы встретиться глазами.

Мне важно не смотреть на него, иначе сорвусь.

– Подойди.

Меня корежит от этого голоса с бархатистыми нотами. От едва уловимого южного акцента. Этот бархат способен как погладить, так и стереть кожу в кровь с остервенением напильника. Голос тут ни при чем, а вот его обладатель очень даже при чем. Он способен сделать больно парой фраз.

– Предпочитаю остаться здесь, – я складываю руки на груди, и, кажется, запоминаю каждую линию на холсте Пимелли. Да, это точно Пимелли. Либо очень хорошая репродукция.

– Подойди, – повторяет он жестче, на этот раз сильнее раскрывая ауру зверя.

«Он знает!» – сиреной орет во мне страх. Страх за своего ребенка.

Меня с силой прижимает к полу, так что будь я в другой ипостаси, у меня бы просто подкосились лапы. Дыхание перехватывает, по коже течет холодок, заставляя встать все волоски. Картина, на которой я из всех сил желаю сосредоточиться, расплывается перед глазами.

Это не приказ альфы, я могу не подчиняться. Я не должна ему подчиняться, но, видимо, на меня каким-то странным образом

действует клятая истинность. Потому что я, сама того не желая, направляюсь к нему. Притягиваюсь к верховному, как магнитом.

Правда, пройдя несколько шагов, заставляю себя остановиться и сесть – рухнуть в кресло напротив него.

– Ближе.

– Этого достаточно для разговора.

Наши взгляды все-таки соединяются, хотя вернее будет сказать – скрешиваются в яростной битве. В одном лишь взгляде столько ярости и страсти, что я едва не задыхаюсь от раскручивающих меня в воронке урагана эмоций. Не знаю, чего мне хочется больше: наброситься на него и расцарапать лицо или же просто оказаться у него на коленях и впиться в невероятно красивый рот поцелуем.

Эти два желания настолько сильные, что просто раздирают меня на части. Какие-то считанные метры, а я уже теряю контроль. Если так действует истинность, то я уже ненавижу ее. А заодно ненавижу и его.

Только если я рассчитывала на то, что он не станет приближаться ко мне, то жестоко ошиблась: одно-единственное движение – волчий бросок, и Рамон рядом со мной. Нависает надо мной. Так близко, что сердце на долю мгновения замирает в груди.

– Зачем ты хотела покинуть страну, Венера?

Я моргаю, ничего не понимая.

– Что?

– Это слишком сложный вопрос?

Простой, но совершенно не тот вопрос, которого я ждала. Совсем не тот.

– М-м-м... Лечу в отпуск.

– Одна?

Он не знает? Предки, он не знает про ребенка!

Пока не знает. И даже не почувствовал! Слишком злой, чтобы понять. Слишком заиклен на этой злости. Я о таком слышала, даже альфы не сразу способны распознать беременность своей пары. Особенно если это первый ребенок. Он просто не почувствовал изменение в моем запахе, не прислушался к биению второго крошечного сердца. Плюс малыши умеют маскироваться в минуты опасности – так было у Чарли с Анхелем. А тут еще какая опасность – злой биологический папаша!

Секундное облегчение сменяется новой мыслью: я не должна подпускать его к себе. Настолько близко подпускать. Потому что если я себя выдам, если он узнает, все же догадается...

Надо его отвлечь. Запутать. Уйти отсюда. Чем быстрее я уйду, тем лучше!

– Я свободная волчица.

– Я в курсе.

Это даже не двойной смысл: Рамон говорит прямым текстом. Зло, презрительно, но мне больше не больно. Спорить с ним – значит, оправдываться, а я не буду оправдываться перед верховным. Ни перед кем не буду.

– А я в курсе твоего мнения обо мне. – Я обвожу рукой номер: – Так зачем все это? Ты. Я. Это место.

Зачем все это, если ты не знаешь о моей беременности?

– Мне нужно было кое в чем убедиться.

Интересно!

На этот раз вперед подаюсь я:

– Дай угадаю, не можешь меня забыть. Думаешь обо мне ночами. Фантазируешь...

– Ты играешь со зверем, Венера, – его рычание лучшая музыка для моих ушей.

– О нет, с твоим зверем я больше играть не буду. Спасибо, наигралась!

Я толкаю вервольфа в грудь, но он перехватывает мои запястья и разводит их в стороны, вжимая меня собой в мягкие диванные подушки. Дыхание сбивается от его близости, а ураган внутри, кажется, выходит на новый виток. От аромата истинного, мужского, мускусного, сносит голову. Я успеваю только сделать вдох, прежде чем мои губы оказываются в его плену.

Властным, жестким поцелуем он раскрывает мой рот, без прелюдий и разрешения вторгается в него языком, будто собирается меня им трахнуть. Я рычу и кусаю его за губу. Получи! Но этот мерзавец только довольно урчит, и это урчание, больше подходящее большому дикому коту, чем волку, окончательно срывает мои тормоза.

Я отвечаю на поцелуй так же яростно, неистово. Со стоном поддаюсь этому наваждению, как в первый раз. Отдаюсь желанию, раз

за разом ломающему мои внутренние барьеры, которые я выстраивала с таким трудом. И я уже сама готова ему отдаться.

Но Рамон резко отстраняется и долго смотрит на меня, а я на него. Губы все еще горят от его поцелуев, тело ноет от желания, моя волчица внутри рычит.

– Все такая же свободная Венера, – он просто говорит, а мне словно пощечину дали, по обеим щекам, потому что лицо вспыхивает от стыда и ярости. – На сегодня достаточно проверок.

Так вот зачем ты здесь! Проверка? Он отпускает меня и поднимается. Я вижу, что Рамон тоже завелся от нашего поцелуя, но сейчас самостоятельно разрывает в клочья магию нашего притяжения.

– Ты ради этого прилетел? – мой голос звучит так, словно я жевала песок – хрипло, сдавленно. – Чтобы убедиться, что по-прежнему хочешь меня?

– Нет, – отрезает он. – Чтобы убедиться, что ты такая же как все.

Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не перекинуться в волчицу и не наброситься на него. На этот раз исключительно с желанием вцепиться в горло.

Вместо этого я поднимаюсь, расправляю плечи и смотрю ему прямо в глаза.

– Нет, не такая, Рамон. Я другая. Я единственная. Я твоя истинная.

– Это настолько редкое явление, – он усмехается краем губ, – что даже звучит смешно.

– Тогда считайте вам повезло, верховный старейшина. Вы сорвали джекпот, и до конца жизни меня не забудете. В каждой женщине будете видеть исключительно меня.

Он снова перехватывает меня, будто какую-то куклу, но на этот раз я рычу и вырываюсь. За что вервольф встряхивает меня, хватая за подбородок и заставляет запрокинуть голову.

– Мечтай, – цедит он.

Мои губы по-прежнему горят, но в душе снова все черно. Находиться к нему так близко абсолютно невыносимо, поэтому я иду с собой на компромисс:

– Пусти, – прошу я. – Ты во всем убедился, так отпусти.

А он уже склоняется надо мной, по-звериному вдыхает запах возле моей шеи.

– Твой аромат. Он изменился.

Мое сердце падает в пятки. Я хочу сказать, что он ошибается, но не могу произнести ни слова. Страх и только страх неожиданно сковывает меня. А изумление в его взгляде уже сменяется догадкой.

– Ты носишь волчонка. Моего волчонка.

В его глазах вспыхивает нечто пострашнее ярости зверя.

– Ты хотела спрятать его от меня.

Он меня запер.

Он. Меня. Запер!

Закрыв в этом злосчастном номере и ушел, не забыв оставить охрану на входе. Я слышала, чувствовала их за дверью, через которую пришла. Вторые двери вели лишь на огибающий номер балкон. Летать я не умела ни в человеческом, ни в волчьем облики, поэтому просто постояла, рассматривая хмурые тучи Крайтона и пытаюсь выровнять дыхание.

Если честно, в первую минуту, я думала, Рамон просто свернет мне шею. Его взгляд пожелтел, по лицу и кистям потекла трансформация, почти превращая мужчину в зверя. Ногти вытянулись в когти, царапая кожу, когда я дернулась. Запах моей крови, кажется, окончательно привел его в бешенство, потому что верховный отодвинул меня от себя. Лишившись опоры, я снова оказалась сидящей на диване – у меня просто подкосились ноги.

– Не вздумай навредить себе и ребенку, – прорычал он, глядя мне в глаза.

Навредить? Это он о чем? А осознав, о чем, я задохнулась от злости.

– Да как тебе такое в голову пришло?!

– Рад, что мы друг друга поняли.

Рамон развернулся и направился к двери. То, что он действительно уходит, дошло до меня только когда пикинула блокировка замка. Я рванула следом, успела услышать:

– Хавьер, отвечаешь за нее жизнью.

Потыкала в разблокировку, но она лишь замигала красным. Тогда я с силой заколотила по двери кулаками:

– Рамон! Ты не имеешь права! Верховный! У меня есть альфа!

У меня есть альфа, который ничего не знает.

Я метнулась к своей сумочке, достала телефон и набрала Доминика, но короткие гудки сообщили, что линия занята. Я набирала снова и снова, пока, наконец-то, не прорвалась.

– Доминик, это очень срочно. Я должна тебе кое-что рассказать...

– Думаю, я знаю, о чем речь. – В голос альфы вплелась жесткость. – Я только что разговаривал с верховным старейшиной Пересом.

Успел, койот! И здесь успел!

Я сдала телефон так, что еще немного и экран пошел бы трещинами. Потому что меня словно острием ножа кольнуло чувством вины. Потому что это я должна была все рассказать Доминику. Я! Не Рамон.

– Что он тебе сказал?

– Важно то, чего он не сказал. Мне нужна твоя версия. Венера, для того чтобы защитить тебя, мне нужна правда.

То ли у меня окончательно сдают нервы, то ли так действует властный голос альфы, но я всхлипываю:

– Я беременна. От него.

И выкладываю все, как на духу. Всю правду о той ночи и ее последствиях.

Доминик терпеливо меня выслушивает. Возможно, слишком терпеливо.

– Я скоро буду в Кингтоне. Все решу.

Все решу.

Как же мне хочется верить, что именно так и будет. Интуиция подсказывает, что в случае с Рамоном возможно все. Но может... Может, мы не с того начали, и я смогу убедить его отказаться от ребенка? Эта мысль дарит мне надежду.

Взгляд вернувшегося вервольфа говорит, что его невозможно в чем-то переубедить. Он будто в самое сердце и навывлет. Глубокий. Испепеляющий.

Рамон подходит ко мне, застывшей возле окна и делающей вид, что меня не интересует ни его взгляд, ни он сам.

– Минут через десять-двадцать здесь будет Экрот, – говорит он то, что я и так знаю. – В твоих же интересах, чтобы все прошло быстро и без шума.

– Без шума?

– По закону этот ребенок принадлежит мне. Я в любом случае его заберу, ни Экрот, ни кто-либо другой не может мне помешать это сделать.

– Он еще не родился, – напоминаю я, инстинктивно прикрывая живот.

– Поэтому я заберу тебя.

– В качестве кого?

– Багажа, прилагающегося к моему наследнику.

Р-р-р! Даже бывший муж не вызывал во мне столько ненависти.

– Мой альфа этого не позволит.

– Попытается, – скучающим тоном замечает Рамон, и Волчий союз решит, что Легории нужен новый Совет старейшин.

По спине струится холодок. Я словно леденею изнутри после этих слов.

– Ты мне угрожаешь?

– Я тебя предупреждаю, Венера. Поедешь со мной по собственной воле, родишь волчонка, получишь хорошую компенсацию и можешь уехать, куда захочешь.

– Это мой ребенок!

– Продолжай в это верить. Мой сын или дочь здесь не останется: уедет со мной. Если для этого потребуется развязать войну с Легорией или убрать несколько слишком принципиальных вервольфов, я это сделаю.

Мне страшно от его обещания, а еще от того каким тоном они сказаны. Будто Рамон сообщает, что на завтрак будет круассаны и кофе. И что значит убрать? Убить? Или сместить? Нет, еще одного смещения Совета Легория не переживет, стаи и так разрозненны после революции. Но верховному, кажется, все равно. Что мою судьбу топтать, что жизнь Доминика. Доминик не сдастся, уверена ему есть, чем ответить Союзу. Но во что это все выльется? В новую войну?

Мне страшно до подкатывающей к горлу тошноты, и я пробую вдохнуть. Вдохнуть и заставить себя думать.

– Послушай, зачем тебе ребенок? – спрашиваю, заглядывая ему в глаза. – У тебя, наверняка, уже есть дети. Или будут. От законной жены. Просто забудь обо мне.

Длинные красивые пальцы Рамона ложатся на мой подбородок, сжимают цепко. Меня накрывает его аурой, его силой, которую я не

чувствовала даже рядом с альфами.

– Чтобы ты могла использовать его против меня? Нет. Ты едешь со мной.

Я задыхаюсь от этой силы. От силы и от осознания: я действительно поеду с ним. Добровольно или как багаж. Наверное, имей Рамон возможность вырезать из меня ребенка, сделал бы это! Но это невозможно. Я прилагаюсь к малышу.

Это мой козырь. Против Рамона.

А эта война – она не между Вилемией и Легорией. Она между мной и им.

Я свободная волчица, а значит, не должна прятаться. Я должна ему ответить и отстоять своего ребенка.

– Что если Доминик мне не поверит? – уточняю и ловлю подозрительный прищур верховного.

– Будь убедительной. Скажи, что я твой истинный.

Спасибо, Рамон. Ты только что сам вручил мне оружие против тебя.

Глава 5

Насчет багажа верховный не шутил. Разве что сопровождающие меня в аэропорту вилемийцы относились ко мне не как к чемодану, а как к особо ценному грузу. Если я что-то просила, будь то стакан воды или журнал, тут же приносили. Но со мной никто не разговаривал, ни на шаг от себя не отпускали, и не подпускали ко мне никого, окружив волчьей стеной. Впрочем, в этом не было необходимости: от нашей компании шарахались даже те три человека, что оказались в бизнес-зале.

Устроившись за одним из столиков в углу, поближе к стене-водопаду, я рассматривала то бесконечно текущую воду, то «парковку» самолетов за окном. Как я себя чувствовала? Злилась. Для разнообразия не на себя, а на Рамона. За то, что не позволил мне ни с кем попрощаться.

– Ты же все равно собиралась от них сбежать, к чему эти сантименты? – поинтересовался он, когда я захотела поговорить с Чарли. – Не трать мое время.

Да ты что!

– Когда у тебя появится ребенок, с ним придется проводить время. Уверен, что потянешь? Или скажешь Доминику, что передумал?

Я всем сердцем надеялась, что он оставит мне моего малыша, но темный взгляд верховного раз за разом перечеркивал мои надежды.

– Ничто не заставит меня передумать, Венера. Он мой.

На этот раз это был не огромный Ноктон, а аэропорт Дрекстона, и в Вилемию мы летели частным самолетом. В тот же день.

Я не знала, что Рамон забыл в Крайтоне, но сильно сомневалась, что прилетал он исключительно ради меня и проверки нашего притяжения. Впрочем, свои дела он решил быстро, как и мой переход в его власть. Связанная клятвой альфе я не могла солгать, поэтому не стала ничего выдумывать и изворачиваться:

– Рамон мой истинный, – сказала я Доминику, когда он приехал в Кингтон.

Судя по звериному блеску в глазах, собиравшийся воевать альфа перевел взгляд с меня на верховного и обратно. Мы же устроились на

диване чуть ли не обнимку, как настоящая пара. Только это раздражает. Раздражает его аромат, это клятое притяжение, а там, где соприкасаются наши бедра, обжигает даже через ткань.

– Ты уверена в этом?

– В ту ночь я себя не контролировала. Его запах, его сила действовали на меня как афродизиак. Ни с одним мужчиной я ничего подобного не испытывала...

Ладонь Рамона, до этого небрежно лежащая на моей талии, сжалась так, что я побоялась за сохранность платья.

– Достаточно, – скомандовал этот любитель экономить время. – Она носит моего волчонка, поэтому я забираю ее.

– Как жену?

– Нет, как мать моего ребенка.

Теперь взгляд альфы врезался в верховного:

– То есть ты не собираешься жениться на Венере.

– Нет, Экрот. Супруги у меня нет и не будет. Это не отменяет того, что ребенка я признаю и забираю.

– Ребенок – твой, но Венера – член моей стаи. И моей семьи. Поэтому ей решать, где оставаться до рождения ребенка и после.

У меня зашипало в глазах, когда Доминик это сказал, а главное – как он это сказал! Мне стало дико стыдно за то, что я не раскрылась перед ним. А еще за то, что покидаю их теперь.

– Исключено, – отрезает Рамон. – Ребенок будет рядом со мной, а значит, Венера до его рождения тоже. Но я заплачу любую сумму, чтобы я мы могли поскорее улететь отсюда.

Доминик сводит брови и теперь смотрит мне в глаза:

– Что ты выберешь?

– Я полечу с ним.

– Ты уверена? Однажды ты уже попала в западню.

Лучше бы он не вспоминал про Августа. Потому что эта история так сильно похожа на ту, что мне самой тошно. Тогда меня тоже продали в жены для рождения наследника. Но теперь все иначе: у меня нет розовых очков, нет глупой влюбленности, зато будет малыш и есть чувство собственного достоинства. Я уже не наивная девочка и сама могу за себя постоять.

– Ты бы смог навредить Шарлин?

Этот личный разговор, но сильно сомневаюсь, что верховный согласится оставить меня с Домиником наедине.

– Нет.

– Значит, и Рамон не сможет. Природа защищает истинных.

– Я люблю Шарлин, а он тебя – нет.

Это правда. Чистая. Но, к бесам, он говорит так, будто я недостойна любви!

– Ты не сразу ее полюбил.

– Некоторые не способны любить.

Мне ли не знать. Но мне не нужна любовь мужчины, мне достаточно безусловной любви моего малыша.

– Я справлюсь, – убеждаю я Доминика, а заодно и себя: – У меня теперь есть ребенок.

Я долго работала с альфой, чтобы понять, что ему все равно не нравится эта ситуация и совершенно точно не нравится верховный старейшина.

– Мы составим договор. По нему у Венеры будет столько же прав на ребенка, сколько у тебя.

Злость верховного я уловила каким-то шестым чувством: внешне он остался спокойным, но его ярость прокатилась по комнате, опалила мою кожу, впиталась в меня, заставив внутренне сжаться. Доминик тоже это почувствовал, я видела, как он весь напрягся, как хищник перед броском. Я много раз наблюдала за битвами вервольфов, в том числе, битвами альф, но никогда не думала, что окажусь в самом эпицентре сражения. Между двумя самцами. Они давили своими аурами так, что я не могла и слова сказать.

– Зачем тебе это, Экрот?

– Я поклялся, что позабочусь о Венере, Перес.

– Заодно и о ребенке верховного старейшины. Интересный план, обреченный на провал.

– О чем ты? – прищуривается Доминик.

– Мы оба знаем, что я тебя разгадал. Но ты ошибся. Когда она легла под меня, она перестала быть твоей и стала моей. Я мог бы сразу увезти ее, имел полное право, но решил сделать все по правилам.

– Договор – это по правилам.

– Тогда впишем в него пункт о том, что Венера должна забыть старую жизнь.

То ли я привыкла к этой подавляющей силе, то ли была настолько шокирована, что ко мне вернулся дар речи:

– Что значит – забыть?

– Если хочешь оставаться рядом с ребенком – в качестве кормилицы, няньки, прислуги, то ты должна забыть о прошлой жизни. Отказаться от стаи. От друзей. От Легории. От всего, что ты знаешь и любишь.

Каждое его слово падало камнем. С грохотом. Погребая под обломками всю мою жизнь.

– Ты начнешь все заново, на моих условиях. Либо вернешься в Легорию, когда мой сын или моя дочь появится на свет.

То есть либо я остаюсь с ребенком, с моим чудом... Либо отказываюсь от него и возвращаюсь к обычной жизни, но навсегда теряю возможность увидеть своего малыша.

Сердце разрывается только от одной этой мысли.

– Это жестоко.

– Это мой мир, Венера. Я тебя в него не приглашал.

Желание вцепиться в горло верховного становится настолько явственным, что я не набрасываюсь на него исключительно из-за присутствия Доминика.

Мерзавец! Не приглашал он, конечно.

Я буравлю его ненавидящим взглядом, но Рамону, кажется, плевать на ненависть.

– И еще, – добавляет он. – Раз мы говорим о договоре. У меня должны быть свои выгоды. Привилегии. Поедешь со мной в качестве любовницы.

Кого?!

Любовницами называли постоянных подружек вервольфов, с которыми они понятно чем занимались.

Рычание Доминика ворвалось в мое замешательство:

– Это неприемлемо. Венера волчица, не человек.

А до меня доходит: Рамон делает все, чтобы я передумала. Чтобы не подписывала клятый договор. Чтобы бежала от него так далеко, как могу. Без малыша, конечно. Как только я это осознаю, моя набирающая обороты злость сменяется уверенностью. Уверенностью, что я не оставлю своего малыша. А еще, что справлюсь со всем.

Справлюсь же?

Альфа ждал моего ответа, а у верховного был такой взгляд, словно он уже и так все про меня знал. Что ж, я его разочарую: меня нельзя купить или запугать. Да я любого порву за моего малыша! Это крошечное существо самое любимое на свете. Для меня он целый мир!

– Я согласна, – сообщаю, пока не передумала. Глядя ему в глаза. – Я выбираю быть со своим ребенком.

– Нет, Венера, – Доминик поднялся, – я поклялся защищать тебя. И как твой альфа не соглашусь на это.

– Ты поклялся не делать ничего против моей воли, и это мое решение.

Договор был составлен за пару часов и оказался достаточно простым. Доминик пригласил своих юристов, приехали представители Рамона. Мне «предложили» посидеть в спальне, а потом просто дали поставить подпись. С трудом преодолевая усталость (все-таки тревоги дня сказались на моем самочувствии) я вчиталась в пункты. Из них следовало, что у меня есть время до рождения ребенка. Время подумать и отказаться. Еще там было про медицинскую помощь и про мое обеспечение. Но от одного пункта к горлу подкатила тошнота: в случае моей естественной смерти ребенок доставался Рамону, но, если смерть будет насильственной – верховный обязан передать его стае Доминика. Размашистая подпись новоявленного отца говорила о том, что решать проблему со мной так радикально он не намерен. Это обнадеживало.

Еще обнадеживало, что в отличие от союза с Августом, договор с верховным будет рациональным соглашением, где каждый получит свое и останется довольным. Мне хватило парочки разговоров с Рамоном, чтобы понять: на его внезапную любовь к моей персоне рассчитывать не стоит. Но если он надеется, что я буду перед ним прыгать, как дрессированная собачка, то он сильно в этом ошибается.

Впрочем, поставив подпись, я сразу узнала, что собачка может хотя бы сорваться с поводка и убежать, а мне даже этого не позволят. Как не позволят попрощаться с Чарли и Анхелем или обнять перед отлетом Доминика. Забрать вещи! Рамон просто кивнул вервольфу, которого назвал Хавьером, и который не позволил мне позвонить альфе, и меня запихнули в знакомый внедорожник и привезли в аэропорт. Привыкшая к свободе выбора, я просто кипела от злости.

У Рамона что, нет семьи? Друзей? Нельзя же быть таким черствым!

Мои не самые радостные мысли прервала мелодия звонка. На этот раз никто не пытался выхватывать у меня телефон, поэтому я просто ответила.

– Ви! – почти прокричала Шарлин. – Что вообще происходит?

В ее голосе было столько тревоги, что мне на секунду стало стыдно. Я не могла с ней увидеться, но могла позвонить.

– Я улетаю, Чарли. Я встретила своего истинного, и не только поэтому...

– Я знаю. Доминик мне все рассказал.

– Тогда ты должна знать, почему у меня не получилось с тобой попрощаться.

– Так захотел этот бес! Он же Август номер два.

– Нет, – отрезала я, разозлившись за это сравнение. – Не ставь их рядом, пожалуйста.

– Прости, но он тоже желает подчинить тебя и всю твою жизнь.

– Пусть попробует! – неожиданно даже для себя выдаю я.

Чарли немного подвисает, прежде чем продолжить уже без паники:

– Я, кажется, тебя недооценила, подруга.

– Учусь у лучших.

Теперь она смеется, а отсмеявшись, совершенно серьезно говорит:

– Ты права. Я его не знаю, но надеюсь, что ребенок как-то на него повлияет. Он хотя бы ответственность за него взял, это о многом говорит.

Лучше бы не брал, но я не хочу расстраивать Чарли.

– Я рада, что у тебя будет свой ангел. Ты так этого хотела.

– Это стоит всего, – соглашаюсь я. Хотя расставаться с Шарлин, Домиником, Анхелем и стаей до сих пор страшно. Еще больше меня страшит неизвестность. Что меня ждет в Вилемии? Там, где я буду совершенно чужой. Без свободы, без друзей, без знания языка. Рядом с мужчиной, который считает меня кем-то средним между шпионкой и проституткой.

Подступающую панику я гашу глубоким вдохом и таким же выдохом. Сжимаю и разжимаю ладони, чтобы не выдать своего состояния. Шарлин внимательная: даже по голосу может все понять.

– Это не значит, что не надо строить его папашу! – подливает масла в огонь Чарли.

У меня вырывается нервный смешок: смогу ли я построить верховного старейшину?

– Я буду сильно скучать, – возвращаюсь к разговору с Чарли.

– Я тоже. Позвони, как прилетите.

– Конечно.

– И не пропадай!

После этого разговора я поняла, что злиться уже не получается. Во-первых, я все-таки попрощалась с Чарли, пусть даже немного странным способом. Во-вторых, успокоила себя тем, что интернет везде есть, и я смогу связаться с подругой или с Хелен по сети или по телефону. К счастью, мой яркий желтенький чемодан погрузили на самолет, а вместе с ним и ноутбук.

К самолету мы подъезжаем на машине, поднимаемся по короткой лестнице. Все по протоколу: сначала темнокожий вервольф, имени которого я не знаю, затем я и после Хавьер. Внутри самолет кажется еще больше, чем снаружи. Светло-бежевый салон, разделенный комнатами по всей длине. Мне представляют команду из двух пилотов и стюардессы: судя по характерной внешности, они тоже вилемийцы, а значит, прилетели вместе с Рамоном. Или летают с ним постоянно.

Мария, девушка в серебристой форме, показывает мне самолет и рассказывает, как все устроено. Телохранители остаются в самой большой части, там, где есть столики и закуски на них, и я выдыхаю спокойно, когда оказываюсь в «спальне». Здесь тоже все кремовое, большая кровать возле одной стены, два кресла возле другой, на столике – белые ирисы в прозрачной вазе. Следующая дверь ведет в ванную комнату, обитую темным деревом: с выложенной голубой мозаикой душевой кабиной, унитазом, двумя раковинами и большим зеркалом. Внизу белоснежные полотенца, наверху косметика марки «Ша» с натуральными ароматами. Жутко дорогой, я знаю, заказывала в прошлом для подружки Доминика. Если бы не иллюминаторы по обе стороны, решила бы, что просто вошла в ванную дорогого отеля.

– Оставьте меня одну, – прошу я, поймав в отражение любопытный взгляд стюардессы. – И уберите цветы. У них слишком навязчивый аромат.

— Да, конечно, — возвращается она к профессиональной улыбке. — Если что-то понадобится, здесь и в спальне есть кнопки для связи.

Она разворачивается на высоченных шпильках и скрывается за дверью, а я раздумываю о том, что она слишком хорошенькая. Большеватый рот, густые брови, взгляд нежной косули и стройная фигура. А еще рассматривала меня слишком внимательно, когда думала, что не вижу. Интересно, Рамон с ней спит? Человеческие женщины слишком легко западают на идеальных хищников, а вервольфы этому и рады! Август трахал все, что движется, о чем не стеснялся мне рассказывать.

Вот зачем Чарли напомнила мне о бывшем? Теперь я буду их все время сравнивать! А еще замечать взгляды женщин, и раздумывать, кто с ним делит постель. Принюхиваться, чтобы уловить его запах на их коже.

Р-р-р! Ну нет. Если хочет выполнения пункта со мной в роли любовницы, ему придется забыть о своих поклонницах со взглядами косуль!

Я помыла руки, нашла расческу и привела в порядок растрепавшиеся пряди. Легкий дневной макияж решила оставить: для перелета самое то. А вот воды лучше выпить, мне сейчас не только о себе нужно заботиться, но и о малыше.

В этот момент из динамика раздался приятный голос капитана, сообщающего, что мы готовы взлетать.

Что значит «взлетать»? А как же Рамон? Я, что, лечу без него?

Я бросила полотенце на раковину, так и не просушив ладони, и рванула в спальню. Убежала бы дальше, но распахнув дверь, натолкнулась на темный, как бездна, взгляд верховного. Он стоял возле кровати и... раздевался.

Точнее, успел сбросить пиджак, избавиться от галстука, и сейчас расстегивал последнюю пуговицу на рубашке. При виде темной поросли коротких волос на мужской загорелой груди, литых мышц живота, из моих легких будто резко выкачали весь воздух. Дыхание сбилось, а все мысли разом выскочили из головы. Те, что должны были там быть! Остались лишь воспоминания о том, как я касалась его кожи: руками, губами, чувствовала всем телом, когда он входил в меня...

Я тряхнула головой, чтобы прогнать видение, и оторвала взгляд от идеальной мускулатуры, чтобы встретиться глазами с вервольфом и споткнуться снова. На этот раз о его тьму, что горела во взгляде. Смотрел он так, будто разрывался между желанием трахнуть меня и желанием выбросить меня за борт пока еще не взлетевшего самолета.

Ладно бы смотрел, я за эту минуту осознала, что меня устраивают оба варианта! Но злиться на притяжение истинных – все равно, что пытаться убежать от потревоженного осинового роя. Бесполезно! Лучше сделать это своей силой.

Не только Рамон действует на меня возбуждающе, он тоже меня хочет. Это видно по тому, как бьется жилка на его шее, по изменившемуся аромату, даже по тому, как он смотрит. Поэтому я, изящно откинув волосы за спину, бесстрашно шагаю вперед и плавно опускаюсь на кровать.

– Не терпится скрепить договор? – интересуюсь я. И тут же оказываюсь в капкане рук Рамона. Он опирается ладонями по обе стороны от меня, втискивается между моих бедер, а между нашими лицами остаются считанные сантиметры.

– Ты при виде каждого мужика течешь?

– Как грубо, – мне хочется отодвинуться, потому что, несмотря на мою браваду, его слишком много. Он слишком близко. Но вместо этого я просто откидываюсь на локти, запрокидываю голову, демонстрируя шею – жест покорности и незащитности. – Истинный у меня один.

– То есть до и после меня у тебя никого не было, – сарказмом Рамона можно отравиться, настолько он едкий.

– Нет. Ты не лишил меня девственности, если, конечно, переживаешь на этот счет.

Я снова заглядываю ему в глаза, дразняще провожу пальцем по мускулистой каменной груди, и оказываюсь не просто прижата: распластана по кровати, с зафиксированными руками над головой и с откровенно задранной юбкой. Перед глазами темнеет вовсе не от возбуждения, а от страха. Дыхание с хрипом вырывается из моей груди. Я дергаюсь, чтобы вырваться, но кто бы мне позволил? Я будто бабочка, наколотая на иглу. Как когда-то.

Меня выбрасывает в воспоминания: жуткие, в те, что я хочу забыть. Я распята на деревянном столе, ноги и руки привязаны крепко,

не пошевелиться, и есть знание – пугающее знание, что никто не придет и никто не поможет. Никто не спасет меня.

Как сейчас.

– Пусти! – рычу я, из последних сил выталкивая себя из муторного видения.

На Рамона это не действует, он проводит ладонью по моей ноге, ощутимо сжимает ягодицу. Касается меня, будто клеймит, и, несмотря на все мои не самые лучшие воспоминания, несмотря на грубую ласку, возбуждение снова возвращается. От прикосновения его горячей кожи, от аромата истинного. Особенно когда он накрывает мою промежность, сдвигает трусики в сторону, сжимает и перекачивает между пальцами чувствительный бугорок клитора.

Если бы я могла, я бы выгнулась дугой: ощущение острое и одновременно приятное.

– Никогда не провоцируй меня, пена, – спокойствия в его голосе столько, сколько во мне желания. – Иначе действительно получишь то, на что ты так активно напрашиваешься.

А вот это уже унижительно!

– Осторожнее, – шепчу я хрипло. – Не навреди нашему малышу.

Это срабатывает, потому что меня резко отпускают. Он даже юбку на меня приглаживает, проведя ладонью по краю чулка.

– Моему ребенку.

– В договоре сказано, что он наш.

– Это не отменяет того, что в следующий раз лучше подумай, прежде чем пытаться мной манипулировать.

Рамон припечатал меня темным взглядом и скрылся в ванной, хлопнув раздвижной дверью, а я решила, что мне лучше остаться лежать. Для ребенка полезно. Для внутреннего равновесия тоже.

Равновесия не получилось: в спальню буквально тут же заглянула Мария. К счастью, сейчас, а не минутой раньше.

– Пожалуйста, пересядьте в кресло и пристегните ремень безопасности. Мы готовы ко взлету.

Пока мы с верховным выясняли, кто кого перевозбудит, самолет действительно мягко двигался, выруливая на взлетную, но сейчас остановился. Поэтому я сделала, как попросила стюардесса – заняла одно из кресел и щелкнула ремнем.

Рамон, видимо, решил не щеголять обнаженным перед Марией, потому что на ее стук сразу вернулся в спальню, переодетый в синий спортивный костюм из мягкой шерсти, и занял кресло напротив меня. Значит, любит летать с комфортом? А я думала, что он выпрыгивает из пиджаков и брюк исключительно ради секса и принятия душа.

Двигатели самолета загудели сильнее, и я непроизвольно вцепилась в подлокотники: летать я не любила больше аэропортов. Те хотя бы на земле находятся.

– Сколько нам лететь? – честно, я бы вообще с ним не разговаривала, но, по крайней мере, так получалось немного отвлечься от разгоняющегося самолета. – Девять часов? Десять?

– Четырнадцать.

– Значит, мы летим не в столицу?

– Мы летим ко мне домой.

– А дом где? На Западном побережье?

В этот момент самолет уходит вверх, и, так как я сижу лицом по ходу движения, меня спиной вдавливают в кресло, а внизу живота рождается противная щекотка. Как на карусели в детстве. Я крепко зажмуриваюсь, пока мы взлетаем выше и выше, но, когда открываю глаза, наталкиваюсь на взгляд рассматривающего меня Рамона.

– Ты позеленела.

– Ты просто мастер говорить комплименты, – огрызаюсь я. Он-то выглядит так, будто для него это нет разницы: автомобиль это или частный самолет.

– Боишься летать. Почему?

– Боюсь разбиться. Насмерть.

– Не бойся. Это мой личный самолет и моя команда, я летаю с ними более шести лет. Они все прошли проверку безопасности, а самолет проходит полный техосмотр перед каждым вылетом. Техниками и охраной.

– Охраной?

– На случай, если кто-то захочет его заминировать.

– Это ты так меня успокаиваешь?!

Кому вообще придет в голову закладывать бомбу в самолет верховного старейшины? Он просто параноик, или есть причина для опасений? Что-то я не готова обсуждать в небе врагов Переса. Предки, с кем вы меня связали?

– Я же сказал: не бойся, – спокойно повторил Рамон. – Теперь здоровье и жизнь моего ребенка – моя забота. Так что расслабься и наслаждайся полетом.

Ребенок. Малыш. Хотя в этом с Рамоном мы солидарны – в том, что волчонок превыше всего. Поэтому я глубоко дышала, пока мы набирали высоту, а после попросила свой чемодан. Быстро приняла душ, переоделась, заплела волосы в косу и оккупировала кровать. На самом деле я хотела смыть аромат истинного, но это не помогло: в салоне все равно все пахло им. Даже чистые наволочки. Как так?!

Где будет спать сам Рамон, мне, честно, было без разницы, да хоть рядом. Я на сегодня окончательно выдохлась, потому что, немного поворочавшись под одеялом, практически сразу уснула. А когда проснулась, то обнаружила верховного в кресле.

Он не спал, что-то читал на планшете, но мой взгляд почувствовал сразу.

– Выспалась? Хочешь пить или есть?

– Сколько я спала? – сквозь закрытые створки иллюминаторов не пробивалось ни единого солнечного луча, а значит, сейчас по-прежнему ночь.

– Одиннадцать часов.

– Сколько?!

Рамон – удивительный мужчина. Рядом с ним я все время то удивляюсь, то чуть не падаю в обморок от шока.

Я никогда столько много не спала, но, наверное, так надо было ребенку. Чарли рассказывала мне: когда носила Анхеля, у нее полностью поменялись вкусы в еде, раздражали знакомые запахи, и скакало настроение. С аппетитом со всеми этими нервами у меня было сложно, а вот верховный меня раздражал еще как!

– Мы летим на запад, поэтому сейчас по-прежнему ночь.

И поэтому я чувствую себя не очень. Будто проспала максимум час, а не одиннадцать. Поднявшись, пересела в кресло напротив Рамона, и он тут же нажал на коммуникатор:

– Мария, принесите завтрак для меня и моей спутницы.

– Какой завтрак? Ночь на дворе!

– В Крайтоне сейчас около восьми. Самое время для завтрака.

– Спасибо, но я правда не хочу.

Рамон сдвинул густые брови и припечатал меня к креслу строгим взглядом.

– Моему ребенку нужно есть, а значит, ты будешь есть.

– Нашему ребенку, – машинально поправляю, подобрав упавшую челюсть и подавив раздражение. – Я не буду есть. Ты же не станешь меня заставлять.

Верховный подался вперед:

– Стану. Можешь выбрать – есть самостоятельно, или я тебя накормлю.

Он не просто удивительный, он, предки, невозможный!

– Мне перебраться к тебе на колени, чтобы удобнее было меня кормить? – не сдерживая сарказма, интересуюсь я. – Так я запросто.

Прищур Рамона становится звериным.

– Снова провоцируешь?

– Кто кого?

Хорошая волчица должна склонять голову перед своим волком, но я ведь по версии верховного плохая девочка, так что взгляда не опустила, выдержала всю тяжесть его воли. Пока он не перестал давить, откинулся на спинку кресла.

– Я рассчитываю на твое благоразумие.

– Кто сказал, что у меня оно есть?

– Потому что ты тоже заботишься о... *нашем* ребенке.

А вот это запрещенный прием!

– Я не хочу есть, – повторила и ушла в ванную, скорее, для того, чтобы поставить точку, чем ради того, чтобы привести себя в порядок. Принимать душ не стала – для меня было странным делать это на высоте в несколько десятков метров над открытым океаном, просто умылась, почистила зубы и стянула волосы в высокий хвост. Несмотря на явный пересып выглядела я хорошо: глаза сверкали, на скулах румянец, а вид в целом томный. Ну и хорошо, пойдет для поддержания имиджа!

Растягивая время возвращения в спальню, залипла на звездное небо в окошко иллюминатора. Правда, мигающие огоньки на крыле и свет в салоне мешали рассматривать совершенно другие, южные созвездия. А когда все-таки вернулась, узнала, что Мария успела принести завтрак. Теперь на столике расположились большой поднос с нарезанными кусочками тропическими фруктами, омлет с колбасками

и убойной дозой шпината и свежеиспеченные булочки. Последние вполне вызывали у меня гастрономический интерес. Булочки и кофе в кофейнике на полочке. Очевидно, кофе должна была подавать Мария, но ее поблизости не было, и я решила, что не гордая и налью себе кофе самостоятельно.

Вот только не успела и шага ступить: меня ухватили за талию, потянули на себя, и я вмиг оказалась сидящей на коленях у верховного старейшины. Дыхание перехватило, в меня ударило его ароматом, всю обожгло этим прикосновением, будто на мне не было одежды вовсе.

– Сначала завтрак, – безапелляционно заявил он.

– Мне нужен кофе! – рыкнула я.

– После завтрака.

– Такого условия нет в договоре!

– Есть забота о тебе и ребенке, чем я и занимаюсь.

Я посмотрела на его непробиваемую морду и, расслабившись, поерзала на мужских коленях. Исключительно, чтобы устроиться с удобством! Мысленно хмыкнула, когда у верховного дернулся правый глаз.

– Признай, тебе просто нравится меня лапать.

– Я хочу тебя накормить.

– А я думаю – просто хочешь.

Рамон то ли рыкнул, то ли хмыкнул, но подвинул к себе тарелку и наколот на вилку кусочек омлета, а затем поднес ее к моим губам. Меня замутило от запаха еды. Я до последнего считала, что он блефует. Что сейчас спихнет меня со своих колен и сдастся. В конце концов, я надеялась на это! Но гадкий койот не обманул и остался верен своему слову.

– Пойми, я не завтракаю...

На последнем слове я чуть не подавилась, потому что он все-таки запихнул в меня омлет.

– Не боишься, что меня на тебя стошнит? – уточнила, прожевав и проглотив воздушный кусочек.

– Меня сложно напугать, пена.

– Так ты меня видишь? Крошкой? Маленькой девочкой?

– Сейчас ты ведешь себя именно так.

Ленивая улыбка Рамона ударила в само сердце, а я разозлилась, потому что она снова напоминала мне о нашей совместной ночи. О

моем истинном, а не об этом жестком хищнике, который кроил всю мою жизнь. Это чувство отрезвило меня. Я увернулась от нового кусочка и попросила:

– Давай лучше фрукты, иначе я за себя не отвечаю.

– Ребенку нужен белок. Мясо.

– Тогда возьму колбаску!

Я подхватила пальцами одну из колбасок и сунула в рот. Откусывать не спешила, с самым невинным видом принялась посасывать ее, глядя Рамону в глаза. Как ни странно, в отличие от омлета, от мяса меня действительно не воротило, а дразнить верховного вовсе было забавно, потому что он откровенно, как замороженный, наблюдал за скользящими движениями моих пальцев и губ, туго обхватывающих колбаску. Для закрепления эффекта я прикрыла глаза и застонала, почувствовав, как в мои ягодицы упирается его возбужденный член. А открыв – чуть не скатилась с мужских колен. Взгляд у Рамона был такой, будто он готов насадить меня на себя без всякой подготовки.

Возбужденный и злой волк.

По моему телу пробежала волна дрожи, когда он подался вперед. Я была уверена, что он меня поцелует, как это было в отеле. Жестко, властно, умопомрачительно. Но вместо этого он только произнес спокойно:

– Твои фокусы со мной не работают.

Потом поднялся вместе со мной и усадил меня в соседнее кресло.

– Работают же, – хмыкнула я, дожевывая колбаску и взяв кусок арбуза.

Еще как работают, верховный.

– Ешь! – не иначе как приказом это было не назвать.

Дальше мы ели молча. Ну как молча: я периодически мычала от удовольствия, пробуя спелые тропические фрукты, облизывала пальцы и ловила на себе жадные взгляды Рамона, которыми он одаривал меня, когда считал, что я этого не вижу. В итоге съела я больше обычного, с аппетитом, оставив место исключительно для булочки и кофе, поэтому протянула пустую чашку своему истинному:

– Кофе после завтрака.

– Кофе беременным вредно.

Я бы с ним подралась.

Вот честно, не будь я беременной и не рискуй малышом, я бы перекинулась в волчицу и покусала его. Плевать, что он верховный и неприкосновенный. Р-р-р!

Мои пальцы все-таки трансформировались в когти, когда я поднялась и ласково положила ладонь на подлокотник кресла Рамона.

– Если считаешь, что договор позволяет тебе диктовать мне любые условия и контролировать мою жизнь даже в таких мелочах, то ты глубоко в этом заблуждаешься.

Вервольф и бровью не повел:

– Пока ты носишь моего ребенка, пока его жизнь зависит от тебя, я буду контролировать, что ты ешь, что пьешь и как себя чувствуешь.

Я чуть не рассмеялась:

– Верховный, разве тебе никто не говорил, что нельзя контролировать чужие чувства?

– Чувства – нет, а вот здоровье и самочувствие – вполне.

У меня даже зубы свело от гримасы-улыбки.

– Тогда из тебя плохой контролер, Рамон. Потому что сейчас все мои чувства сосредоточены на том, чтобы не вцепиться тебе в лицо.

Маска холодного спокойствия, которую нацепил верховный, кажется, пошла трещинами. В темных глазах мелькнули желтые огни близкой трансформации. Даже не желтые – оранжевые. Я такого яркого, насыщенного оттенка не видела ни разу. Я удивилась и, возможно, поэтому до меня не сразу дошел смысл его слов:

– Когда мы прилетим, у тебя будет много свободного от меня пространства.

– Насколько много? Личный район в городе?

– Целый остров.

Ага, конечно. Буду волком бегать среди аборигенов.

Я убрала ладонь, вернула пальцам привычный облик и пересела на кровать. Без кофе я чувствовала себя ужасно, плюс новость о том, что Рамон не жаждет меня видеть рядом с собой почему-то сильно задела. То есть он везет меня непонятно куда, чтобы оставить там в покое. Замечательно вообще! Не мог сразу в Табатор отпустить?

Остаток пути я слушала музыку в наушниках и размышляла о том, в заднице ли моя жизнь или пока не совсем. Может, действительно, к лучшему оказаться на обещанном островке свободы. Только судя по рвению верховного, в центре будет колышек с цепью!

Правда, островок оказался вовсе не островком. Когда пилот объявил по громкой связи, что мы пошли на снижение, и я вернулась в кресло, то спустя некоторое время обнаружила, что внизу не сияющий огнями ночной город. Мы вынырнули из густой пелены облаков, чтобы заметить приближающуюся яркую точку. Которая совсем скоро разделилась на две части суши, окруженные водой.

— Остров? — выдохнула я. — Мы, действительно, летим на остров? Ты же говорил о доме.

Рамон приподнял брови.

— Это и есть мой дом.

Глава 6

«Дом» приближался, из маленьких точек превращаясь в большие. Засияли фонари какого-то небольшого городка или, скорее, поселения, а после – мерцающие огоньки взлетной полосы, шасси мягко коснулось земли, самолет прокатился по асфальту и остановился. Я же продолжала пялиться на небольшое здание с крышей из высохших пальмовых листьев. Потому что других зданий поблизости не было: как бы я не напрягала зрение, дальше простиралась бесконечная чаща джунглей, взбирающийся даже на холмы гор дикий лес.

Я удивилась? Да я была в шоке! Наверное, поэтому с абсолютно заклинившим даром речи пошла за Рамоном. Чтобы снаружи окончательно убедиться, что я в джунглях. В тропиках. И зря не переоделась.

Воздух оказался таким густым и влажным, что было сложно дышать, а одежда мигом прилипла к коже. Поэтому я стянула спортивную кофту, оставшись в одной маечке, и с радостью нырнула в салон привычного черного внедорожника с работающим на полную кондиционером. Правда, тут же поймала крайне злой взгляд верховного.

– Не советую так одеваться, пока мы связаны договором.

Ну да, я без белья, и природа была ко мне щедрой в этом смысле.

– Если бы ты предупредил, что мы летим в тропики, я бы пробежалась по магазинам, – отрезала я.

Потому что в Табаторе сейчас зима, и в моем чемодане свитера и джинсы, а не купальники.

– И вообще, ты же не хочешь, чтобы я поймала тепловой удар?

Впрочем, в машине мне это не грозило, но из вредности кофту я все-таки не натянула. А потом и вовсе забыла про наши конфликты: мы поднялись по горе, вынырнули из джунглей и выехали на серпантин, извивающимся вдоль океана. Небо над ним постепенно из темно-синего приобретало фиалковые оттенки, менялось, будто волшебные клубы дыма уличных фокусников, вспыхивало искрами, словно там проявлялись горы или целые облачные города, и так до тех пор, пока его не прорезали оранжевые лучи рассвета.

Как глаза моего истинного.

Я оторвалась от прекрасного зрелища рассвета на океане и украдкой посмотрела на мужчину рядом. Его не интересовали ни рассвет, ни океан, а что интересовало – для меня загадка. Он сам для меня загадка.

Пока раздумывала над этой мыслью, водитель свернул вглубь острова, проехал через широко распахнутые кованые ворота и остановился перед большим особняком в старинном вилемейском стиле: камень и дерево, белые колонны, высокие окна, обнимающие здание широкие веранды и балконы. Этот дом больше похож на семейное гнездо, чем на берлогу холостяка. Хотя, я понимаю, что строить его могли для клана или стаи, а жить Рамон может здесь один. Иначе он бы меня сюда не привез? Или привез бы?

– Мне нужно о чем-то знать? – интересуюсь я, когда он помогает мне выйти из машины. Или о ком-то? – Чтобы не получилось, как с тропиками.

Верховный колеблется: на долю секунды, потому что тут же расслабляется, насколько вообще умеет расслабляться.

– Сейчас все спят.

– Все – это кто?

Вопрос получается риторическим, потому что топот шагов я улавливаю почти сразу. Вычленяю из общих звуков пения птиц и стрекота цикад. На веранду буквально выбегает девушка с длинными рыжими волосами, перепрыгивает через ступеньки и, игнорируя меня, бросается на шею Рамону.

Все, что я успеваю понять – она человек.

– Я соскучилась! – пропела рыжая, а у меня будто слетели тормоза. Я инстинктивно выбросила руку вперед, дергая девчонку за волосы и буквально оттаскивая ее от моего истинного.

Истинного.

Только моего.

– Ай! – взвыла она, а мое тихое рычание перекрыл угрожающий рык верховного. Волна звериной силы остановила меня, отпихнула от девчонки: Рамон перехватил меня за талию, прижимая к своему телу и не позволяя моей волчице порвать соперницу на рыжие клочки.

«Он мой. Мой. Мой!» – продолжала волчица биться внутри, но в объятиях пары начала успокаиваться.

– Твою ж мать, – пробормотала девица, проводя пальцами по щеке, где набухал кровавый след от моих когтей. Глаза у нее при этом стали огромными-огромными. – Она волчица?! Какого беса?

– С рождения волчица, – выплюнула я.

– Молчать, – Рамон голос не повысил, но у меня по спине пробежали морозные мурашки, и это при такой жаре!

– Мишель, в дом, – приказал он рыжей.

Она разразилась длинной истеричной тирадой на вилимейском, даже слезу пустила, указывая ему на щеку.

– Приложи лед и позвони Матиасу. Скоро вернусь.

Последнее обещание царапнуло, но высказаться мне не позволили.

– Ты – со мной.

Как будто у меня был выбор: меня подхватили за локоть и повели в другую сторону. Мы обошли особняк, обогнули большой бассейн и оказались в беседке с крышей из пальмовых листьев. С видом на океан и на два небольших коттеджа, расположенных уровнем ниже. Только тогда Рамон меня отпустил и, впившись темным взглядом в мое лицо, поинтересовался:

– Что это было?

Хотела бы я знать. Чем дальше мы отходили от рыжей, тем спокойнее я становилась. А когда меня окончательно отпустило, поняла, что еще ни разу не нападала на людей. Я вообще ни на кого не нападала. Без предупреждения и причины.

Хотя, тут причина как раз была. Большая такая причина. Стоит передо мной, сложив руки на груди.

– Не знаю. Инстинкты, наверное. Ты же мой истинный.

– Я не твой истинный.

– Считай как хочешь, – я пожала плечами и ткнула пальцем ему в грудь: – Сказал бы, что мне предстоит разговор с твоей любовницей, я бы морально подготовилась. Или ты решил устроить мне переживания, чтобы я поскорее потеряла ребенка? Нет ребенка – нет проблемы.

Кажется, с Рамона даже загар слетел, потому что он сначала побледнел, а потом сверкнул оранжевой радужкой глаз. Шагнул вперед, упираясь рукой о деревянный столб за моей спиной. От его

близости мне стало сложно дышать, и дело вовсе на этот раз было не в возбуждении.

– Не смей этим шутить.

– Не буду, – согласилась я, поежившись. – Я хочу ребенка. Но и нервы у меня, знаешь ли, не железные.

– Мишель тебя больше не беспокоит.

– То есть она здесь надолго?

– Она здесь живет.

Логично. Это дом Рамона, а его любовница под боком. Одного не объяснить – почему меня снова накрывает этим горьким разочарованием? Он прав, своим истинным его считаю только я, у него на этот счет другое мнение. Но где-то в глубине души я надеялась, что мы будем одни, что мы сможем проводить время вместе, что сработает это притяжение, которым меня тянет к нему...

Венера, ты вроде взрослая, а до сих пор веришь в сказки?! Когда-то ты надеялась, что Август тоже исправится и полюбит тебя!

– Пусть держится от меня подальше, – напоминаю я. – Иначе могут и не заштопать. Беременность. Гормоны. Прочее.

Дерево за моей спиной опасно захрустело:

– Коснешься Мишель еще раз, запру в коттедже, – до жути ласково пообещал Рамон.

Я проследила за его взглядом и почти что забыла про рыжую девку. Гостевые коттеджи стояли уединенно и были похожи, как близнецы. Белые, деревянные, утопающие в зелени. Будь это отель, такие номера были бы самыми роскошными и дорогими, но в моем случае это означало, что меня просто-напросто отселяли.

– Я буду жить отдельно?

– Я обещал тебе много личного пространства.

– Какая забота, – как я собственным сарказмом не подавилась, загадка. – О благополучии Мишель.

– Она человек, Венера, и более хрупкая, чем мы с тобой.

«Ты не человек, – дернулась я от жалящего шепота в воспоминаниях, – ты волчица. Я могу делать с тобой все, что угодно. На тебе все заживет».

Я развернулась и направилась к одному из коттеджей. Нужно же познакомиться со своим новым домом! У нему вели узкие дорожки-лесенки, такие же тропы уводили ниже, очевидно, к океану, вид на

который открывался изумительный. Не будь Мишель, всей этой ситуации с Рамонем, я бы, наверное, остановилась и полюбовалась накатывающими на берег с рокотом и бурлящими пеной волнами, а так я хотела как можно скорее остаться одна.

Да, именно этого я хотела! Ничего кроме.

Дверь в коттедже оказалась не заперта, когда я ее толкнула, чтобы шагнуть внутрь. Рамон намеревался последовать за мной, но я преградила ему путь.

– Ты обещал мне личное пространство. Пусть так и будет.

Я попыталась закрыть дверь, но на этот раз это не позволил Рамон.

– Ты же понимаешь, что это все мое, – он мотнул головой, подразумевая весь остров, – и ты теперь тоже моя.

– Я твоя, – не стала спорить, – но что тебе с этого?

Я оставила в покое дверь и просто пошла вглубь коттеджа. Мне даже все равно было, реши Верховный идти за мной. Но он не решил. Наверное, отправился смотреть, как будут штопать прекрасное личико своей любовницы! В то, что она его любовница, сомневаться не приходилось – Рамон меня не поправил, когда я ее так назвала. И если честно, надеюсь, она здесь одна, потому что на фотографиях в интернете я видела его с совершенно другой женщиной.

С такими мрачными мыслями я прошла дом насквозь, минуя большую гостиную с плетеной мебелью, мягким ковром и какими-то декоративными масками на стенах, вышла на широкий балкон с видом на океан и золотистую кромку пляжа. Солнце успело подняться и светило вовсю, освещая зеленые холмы, белоснежные облака, сейчас расплывчатую, в дымке, линию горизонта. От близости леса кружилась голова, от рокота разбивающихся о берег волн и песен перекрикивающих друг друга экзотических птиц, от всей этой тропической картинке веяло таким умиротворением, что спустя несколько минут созерцания и глубокого дыхания я поняла, что больше не могу злиться.

Все. Беру тайм-аут для переживаний. Надо осмотреться. Например, спуститься к бассейну, который видно отсюда.

Как оказалось, из гостиной вели две лестницы: одна вверх, другая – вниз. На первом уровне располагался тренажерный зал, бар, столовая и джакузи. А под открытым небом – маленький, но мой

личный бассейн. На третьем уровне были спальня и ванная комната с панорамными окнами. Над кроватью натянут белый, полупрозрачный балдахин, есть туалетный столик, кондиционер работает на полную. Если бы не настоящая причина моего здесь пребывания, я бы как девочка смеялась от восторга. Когда еще удастся побывать в тропическом раю? Это не холодный Табатор, для ребенка в самый раз.

Если бы не верховный старейшина.

И его Мишель.

Дурацкое имя!

Услышав какую-то возню возле входа, я снова спустилась в гостиную и обнаружила, что незнакомый мне вилмеец в белой униформе доставил мой чемодан.

– Спасибо, – поблагодарила я, на что он ответил что-то на своем языке и ушел, прикрыв за собой дверь.

Надеюсь, тут кто-то из прислуги знает легорийский, иначе придется изъясняться на пальцах или звать Рамона. Или Мишель. Она как раз знала мой язык, более того говорила на нем как на родном, но я скорее себе хвост откушу, чем попрошу ее о помощи.

От воспоминаний о недавней встрече я снова начала заводится, поэтому решила позвонить Чарли. Мне нужно было поговорить с кем-то, кто меня не бесит.

Меня ждал неприятный сюрприз: сети на телефоне не было. Тогда я прогулялась по коттеджу, поднялась в спальню, но ничего не менялось. Сеть не появлялась ни на одно деление. Преследуемая самыми мрачными предчувствиями, я достала ноутбук и убедилась в том, что вай-фая в моем райском домике тоже не наблюдалось. Как и телевизора. Только музыкальный проигрыватель для виниловых пластинок!

– Какого? – рыкнула я и, хлопнув входной дверью, направилась к заранее ненавистному особняку.

Все мое умиротворение сдуло ураганным ветром. Я сама сейчас была ураганным ветром, который неотвратимо наступал на дом верховного. Появись у меня вожаемая сеть, возможно, я бы повернула. Я бы точно повернула! Но на моем смартфоне сейчас можно было только в игры играть и делать заметки. Телефон без сети и доступа в интернет не полезнее блокнотика!

Двери здесь, очевидно, не запирались, потому что парадный вход был не закрыт, я просто толкнула дверь и будто бы оказалась в другой эпохе. В отличие от «современного» дизайна моего коттеджа, здесь было все стилизовано под начало прошлого века. Зеленые, с веточками и сидящими на них яркими птицами, обои украшали стены, бронзовые светильники сейчас были выключены, отчего холл освещал только льющийся через окно лестничного пролета свет. Широкая лестница вела наверх, а потом расходилась крыльями на уровне второго этажа. Здесь пахло деревянной мебелью, каким-то экзотическим маслом и солью. А еще – моей парой. Эти терпкие, манящие нотки я ни с чем не спутаю!

Принюхавшись сильнее, я обнаружила ощутимую вмятину на стене возле двери – как от удара кулаком. Это и был удар кулаком. Свежий. Рамон сбил костяшки до крови, поэтому остался запах. Так переживал за любовницу? Да плевать! Я рванула направо и натолкнулась на полную женщину в знакомой белой униформе.

– Мне нужен ваш босс! – потребовала я и, когда она ожидаемо зататорила на другом языке, добавила: – Рамон Перес.

Женщина закивала, и я последовала за ней по лестнице на второй этаж. Вот только привела она меня вовсе не к верховному, а просто в его спальню.

Я поняла это по едва уловимому, почти стершемуся, выветрившемуся аромату. Не действуй на меня Рамон, как мой личный афродизиак, возможно, я бы даже это не почувствовала, но я почувствовала и покрылась мурашками вовсе не от холодного воздуха кондиционера.

Помимо этого спальня была чисто мужской: темно-синие с узорами обои, тяжелые портьеры, погрузившие комнату в полумрак, никакого балдахина над кроватью, никаких картин или масок, вообще никаких лишних деталей, все лаконично, сдержанно, выверено.

Именно такая жизнь верховного старейшины? Все рассчитано на годы вперед? Теперь понятно, почему он как с цепи сорвался, когда узнал про ребенка.

Где он сам?

Этот вопрос волновал меня больше всего, потому что самого Рамона не наблюдалось, хотя я побродила по комнате, отметила, что стационарного телефона тоже нет, заглянула в гардеробную и в

ванную, белоснежную, на контрасте с темной комнатой. А Мишель живет отдельно, или прислуга успела убрать ее зубную щетку?

Предки, я же как ревнивая жена, что следит за благоверным. Да какая мне разница?!

Все, ухожу. Почему женщина вообще привела меня сюда? В спальню Рамона. Ответ напрашивался сам собой: все гости верховного попадают в его постель. Самец!

Я только перешагнула порог ванной, как мой волчий слух уловил шаги за дверью. Мягкие шаги надвигающегося на свою жертву хищника. Аромат истинного стал ярче, а через пару мгновений Рамон собственной персоной толкнул дверь. Толкнул и, оказавшись в спальне, захлопнул ее.

Если бы можно было пришить взглядом, я бы уже висела на стене в качестве картины. Потому что этот взгляд врезался в меня расплавленным янтарем. Меня бросило в холод, а затем в жар. Я почувствовала себя вором, застигнутым врасплох на месте преступления. Пробравшись в эту спальню обманом.

Янтарь раскалился, Рамон по-звериному повел носом и прикрыл глаза, будто мой аромат ему сильно нравился или, наоборот, не нравился. А потом в считанные мгновения он оказался рядом со мной.

– Я...

Собственно, «я» – это все, что я успела сказать, потому что меня действительно пришили к стене. Его ладонь легла мне на затылок. Сила истинного ворвалась в меня вместе с его поцелуем: глубоким и властным. Лишающим воли, как океан во время шторма. Рамон раскрывал мой рот, вжимал меня в стену и в собственное тело так откровенно, что моя волчица, все мои инстинкты вмиг отозвались на его желание. Аромат вожделения стал ярче, за что я сейчас почти ненавидела свою природу вервольфа. Когда нужно казаться равнодушной, а ты как на ладони!

Треск ткани, и Рамон ощутимо сминает мою ставшую чувствительной грудь, сжимает пальцами сосок. Да во всем моем теле сейчас нет ни одного нечувствительного сантиметра! Мой стон больше напоминает всхлип, а он подхватывает меня, побуждая обхватить его ногами и почувствовать, как член упирается между бедер.

Это до отвратительного напоминает наш первый раз.

До отвратительного, потому что в памяти прекрасно вспыхивает то, чем этот «раз» закончился. Было приятно, а после не очень. Воспоминания действуют холодным душем на мое разгоряченное тело, слегка притупив желание идти за истинным.

Разве что сейчас Рамон грубее, напористей, хотя не сказать, что это не заводит. Особенно его ладони на моих ягодицах и губы, оставляющие следы засосов на горле и ключицах.

– Стоп, – мой голос звучит хрипло. Слабо. – Я пришла не за этим.

Рамон отрывается от моей шеи и смотрит на меня почти зло:

– Что?

– Я пришла не за сексом, – повторяю я, пока меня всю перетряхивает под звериным взглядом.

– Без разницы.

Что?!

Впрочем, спросить я не успеваю. Я даже вскрикнуть не успеваю: звуки застревают в горле, когда вервольф перехватывает меня, как куклу, а в следующий миг я оказываюсь на постели, лежащей лицом в подушку. Подняться же просто не получается: меня придавливает к матрасу чужой аурой.

Это не клятва альфы, это что-то совершенно другое, но по моему вытянутому в струну телу пробегают жаркие волны чужой силы. Меня всю скручивает от возбуждения, так, что срывается дыхание, а пульс грохочет в ушах. Я не могу пошевелиться, потому что я сейчас какой-то сплошной сгусток желания.

Щелкает пряжка ремня, вжикает молния. Матрас прогибается под его весом: я охаю, когда с моей задницы сдергивают штаны вместе с бельем. Холодный воздух обжигает чувствительную кожу. Я вся горячая и чувствительная.

– Нет, – хриплю я из последних сил, когда он подхватывает меня под живот, подтягивая к себе. – Перестань.

– Что я говорил про провокацию?

Я получаю ощутимый шлепок по заднице, вскрикиваю, и жара во мне будто становится еще больше.

– Это насилие, – рычу я.

– Почему тогда ты не вырываешься? – его губы задевают краешек уха, посылая по телу армии будоражащих мурашек. Ладонь ложится на мою шею.

– Не могу.

– Не хочешь.

Он входит в меня на всю длину. В этой позе, когда из-за штанов я не могу даже толком раздвинуть ноги, член кажется просто огромным. Он заполняет собой целиком и практически не дает мне времени привыкнуть, выходя и входя в меня снова всей своей мощью. С каждым толчком он будто нанизывает меня на себя, не позволяя хоть как-то перехватить контроль или даже подстроиться. Рамон ни капли не заботится о моем удовольствии, он просто имеет меня, как ему хочется.

Это заводит. Его аромат, тяжесть его тела. Не просто заводит: в его руках я будто податливая глина. Все во мне горит от удовольствия, разжигает пламя с каждым его толчком, с каждым нажатием уверенных пальцев на мое горло. Рамон держит крепко, а я уже себе не принадлежу. Забытое острое чувство опасности вспыхивает во мне, мое тело выгибается от мощного оргазма, а с губ срывается протяжный крик.

– Сразу бы сказала, что любишь пожестче.

– Мерзавец, – цежу я.

– Ты. Пришла. Ко. Мне. Сама. Nena.

Его мощное тело дрожит, когда он кончает в меня, а я кричу от второй волны дикого, болезненного наслаждения. Я словно рассыпаюсь, чтоб собраться заново.

Совершенно другой волчицей.

Рамон почти сразу скатывается с меня, но не уходит, разваливается рядом на кровати. Тоже приходит в себя? Я же утыкаюсь лицом в покрывало, считая до десяти. Во мне до сих пор все дрожит от пережитого оргазма, и вместе с тем изнутри поднимается ярость. Потому что судьба по отношению ко мне просто сучка какая-то! Я сбежала от одного «любителя пожестче», чтобы что?.. Попасть к другому? Правда, на этот раз с гарантией оргазмов. Да еще каких! Множественных.

Меня пробивает на смех, я им давлюсь, почти хрюкаю в уголок подушки, врезающуюся в мою щеку. Лежу тут со спущенными штанами и ржу над своей судьбой. Докатилась, Венера.

Вздрагиваю от ощущения горячей ладони на спине и от мурашек, что следуют за этим прикосновением. Смех застревает в груди: еще

одного марафона я не выдержу. Не физически, эмоционально. Но Рамон внезапно привлекает меня в свои объятия, прижимает мою голову к своей груди. Этот жест настолько нежный, он так ласково гладит меня по волосам, что мой смех перерастает во всхлип, а потом я просто начинаю реветь, ничего не могу с собой поделать. Август наказывал за слезы, он запрещал мне плакать, говорил, что его раздражают сопли, а Рамон терпеливо дает выплакаться.

Какого беса он меня утешает после того, как сам же надавил своей аурой? Так нежно, будто собирается стереть воспоминания о жесткости.

Ответ напрашивается только один.

– Ты наконец-то вспомнил о ребенке? – шмыгаю носом.

– Да.

Я поднимаю на него взгляд, но по выражению его лица сложно сказать, как он относится к соплям и слезам. А главное – его отношение ко мне.

– Я разгадала твой план, Рамон. Ты хочешь относиться ко мне, как к ребенку – гладить, утешать, кормить с ложечки, поправлять штанишки, если понадобится. Но у тебя это не получится. Все это, – я высвобождаюсь из оков его рук и неопределенно киваю, – не получится. Ребенок во мне не равно я. Ты меня только что трахнул, и захочешь сделать это снова. Ты будешь хотеть меня всякий раз, как будешь видеть, и плевать мне, считаешь ты меня своей истинной или нет. Природе плевать.

Теперь его лицо меняется: верховный яростно сжимает зубы. От нежного мужчины не остается и следа.

– Я завтра улетаю, так что некоторое время мы не будет видеться.

Улегшаяся вместе со слезами ярость снова вспыхивает в груди.

– И когда ты собирался об этом сообщить?

Вопрос риторический. Потому что кто я, чтобы передо мной отчитывался сам верховный.

– В отличие от тебя, у меня есть дела.

Рамон поднимается, застегивает брюки и уходит в гардеробную. Я тоже натягиваю штаны, а вот с майкой проблема: она погибла в неравном бою со страстью вервольфа и теперь свисает, обнажая грудь. Но, как оказывается, верховного тоже не устраивает мысль, что я буду бегать по его особняку в чем мать родила. Он приносит собственный

пиджак и набрасывает мне на плечи. Ткань пахнет им, но выбирать не приходится.

– Мне нужна связь.

– Что? – он сдвигает брови.

– Мне нужна мобильная связь и интернет. Я пришла за этим. Искала тебя, а одна добрая женщина решила проводить меня сюда.

Кажется, не нужно знать вилемейский, чтобы понять, что Рамон в сердцах выругался. Эмоции никто не отменял.

– На острове только спутниковая связь, и она у меня.

– То есть здесь совсем нет сети? Почему?

– Ради безопасности.

– Боишься, что я стану передавать твои секреты Доминику? – доходит до меня.

– И это тоже.

Я вскакиваю.

– Это бред! Мне нужен телефон. Мне нужно созваниваться с психологом. С подругой. С доктором, в конце концов.

Это не просто бред, это кошмар! Темный век. Но мои аргументы не достигают цели.

– У тебя будет доктор и психолог, если пожелаешь. Я вернусь с лучшими специалистами, и подруге позвонишь в моем присутствии.

Спорить с Рамоном, все равно что лаять на слона, будучи чихуахуа!

– Спасибо, обойдусь.

– Венера, – он перехватывает меня за локоть, когда я собираюсь уйти.

– Оставь меня в покое, – цежу я.

Верховный прищуривается: не нравится, что я диктую условия. А я еще не начала. Копия их с Домиником договора есть на моем ноутбуке. Правда, пожаловаться на исполнение и неисполнение его пунктов я не могу. Я даже попросить еды и воды не могу. Судя по всему, никто из персонала не знает легорийского.

Предки, я застряла на острове без цивилизации!

Я легко нахожу обратный путь, но в конце коридора сталкиваюсь с Мишель. Волчица во мне утробно рычит, потому что и так ясно, куда направляется девчонка – в спальню к верховному. Она действительно девчонка, я бы дала ей не больше двадцати. Симпатичную мордашку,

которую украшает большой пластырь, перекашивает от злости, когда она замечает меня.

– Ты! – шипит она рассерженной рыжей кошкой, но с дороги убирается. Видимо, не хочет второй рубец для симметрии.

– Я его уже удовлетворила, детка, – подмигиваю ей. – Так что тебе придется постараться, чтобы пробудить его младшего волка.

Мишель вспыхивает и бросается в спальню к Рамону. Жаловаться, не иначе.

– Она ужасная! – ловлю я волчьим слухом, но заставляю себя двигаться вперед.

Не обращая внимания ни на кого, кто попадает на моем пути, выхожу из особняка, спускаюсь по дорожке вниз, а рядом с коттеджем поворачиваю в другую сторону. Да, теперь это мой дом, по крайней мере, на несколько месяцев, но возвращаться туда сейчас совсем не хочется. Поэтому я бреду вниз, до самого пляжа и лижущего золотой берег лазурного океана. Здесь нет лежаков и зонтиков, как на картинках туристических буклетов, и я просто опускаюсь на теплый песок. Солнце уже палит, но я продолжаю кутаться в пиджак Рамона в поисках защиты.

Защиты от окружающей реальности.

А реальность что-то совсем безрадостная: я одна, на острове, где единственный говорящий на понятном мне языке человек – последний человек, с которым я хотела бы общаться, и это совершенно взаимно. Я снова во власти мужчины, которому безразлична. Я снова будто двигаюсь в темноте...

Вдох-выдох. Вдох-выдох, Венера.

Хочешь плакать, плачь. Хочешь – побей руками песок. Хочешь – поори на волны. Не сдерживайся. Делай все, чему тебя учили на терапии. Но ты должна собраться, иначе поедешь рассудком в первый день. А тебе нельзя. Тебе еще рожать и наслаждаться материнством!

Прижала ладонь к животу и почувствовала биение крохотного сердечка, что глухо вторило ритму моего.

– Прости, родной. Мама сегодня перенервничала и поругалась с папой. Но это ничего, что он нас не любит...

Вспомнив про утешение в объятиях Рамона, осеклась. Если раньше я была уверена, что ребенок нужен ему ради продолжения рода или просто из принципа, то это проявление нежности пошатнуло мою

веру в его безразличие. По крайней мере, в отношении ребенка. От своего отца я не видела ни нежности, ни утешения, он не считал это мужской задачей. Бывший муж вообще признавал только язык силы. Из-за этого, как считала Хелен, мне нужен был ласковый и терпеливый партнер. С терпением у Рамона кажется было не очень, но вот насчет ласки... Его двойственность меня просто убивала!

Глава 7

Мой чуткий слух уловил шуршание листьев, а затем шаги по песку. Вскинулась и заметила идущего ко мне невысокого молодого мужчину в белом. Слугу. Человека. Подойдя ближе, он поклонился мне и неожиданно заговорил за легорийском:

– Пиретта Венера, добро пожаловать на остров Найя, что означает «радость». Меня зовут Альваро, верховный назначил меня вашим помощником.

Произношение у него было не таким чистым, как у Рамона или Мишель, со слишком явным акцентом, но я его понимала. Я его понимала! Действительно радость.

– Вы здесь, чтобы шпионить за мной? – уточняю я, но Альваро лишь открыто улыбается, обнажая белоснежные зубы.

– Если вы подразумеваете заботу о вашем благополучии, то да. Я здесь ради этого и еще немного для языковой практики.

Хитро!

Интересно, чем ему Мишель не угодила? Или с ней он не практикуется? Хотя какое мне дело до пассии Рамона, пусть он с ней разбирается, я только что пообещала своему малышу любовь и заботу. Вот и буду любить и заботиться!

– Что входит в обязанности моего помощника?

Если бы не обстоятельства моего нахождения на «радостном» острове и отсутствие интернета, мне бы понравилось. Да что там – весь день Альваро только и делал все, чтобы мне здесь понравилось. Для начала меня проводили в заботливые руки невысоких, но крепких массажисток, которые устроили мне настоящий СПА-рай, разминая мое тело и втирая в кожу и волосы разные масла. Неудивительно, что после всех этих процедур я снова вырубилась на пару часов, а когда проснулась, внизу меня ждал обед из множества мясных закусок, какого-то местного наваристого супа и свежих овощей. Альваро отказался есть, но присоединился ко мне за едой и все время пил ледяной чай из местных трав.

– Он здорово освежает. Когда круглый год живешь в тропиках, начинаешь ценить прохладу.

– На материке не так?

– Вилемия большая и разная. Я родился на севере страны, зимой там холодно.

– Думаю, не так холодно, как у меня на родине.

При упоминании Легории у мужчины зажглись глаза:

– Расскажи о ней. Я мечтаю там побывать.

Да, я почти сразу попросила, чтобы мы перешли на «ты»,

– Ты никогда не был в Легории? – приподнимаю бровь. – И так хорошо знаешь язык.

– У меня была практика, – уклончиво ответил Альваро.

– Если ты любишь холод, тебе понравится. С некоторых горных вершин даже летом не сходит снег, а солнечные дни в Крайтоне можно пересчитать по пальцам.

Я, конечно, утрировала, лето и солнце в Легории тоже бывали, и даже в море можно было купаться. Вervольфам и людям-моржам.

– Здесь океан очень теплый, – сообщил Альваро.

– Но у меня нет купальника.

Что меня искренне расстраивало.

– Я думаю, мы можем решить этот момент.

– Чужой я не надену, – предупредила поспешно, представив, как мой помощник одалживает одежду у Мишель.

– Такое я бы даже не предложил, – понимающе усмехнулся парень. – Солнце на острове настолько агрессивное, что местные стараются поменьше обнажать тело и купаются в специальных костюмах. Я попрошу до завтра сшить тебе такой.

– Ты будешь лучшим мужчиной на свете!

Жди, океан! Завтра я погружусь в твои волны.

Во второй половине дня Альваро устроил мне экскурсию по острову, правда, настоял, чтобы я надела принесенную им шляпу. Чтобы избежать солнечного удара. То, что я гораздо выносливее любой человеческой женщины, его как-то не волновало, поэтому я не стала отказываться. Что говорить, подобная забота была мне приятна, а еще я не знала, как на жару или палящее солнце может отреагировать малыш. Благодаря его отцу почитать об этом я тоже не могла!

Сначала мы обошли территорию возле коттеджей и особняка, Альваро рассказал, что этому поместью более двухста лет, и что его восстанавливали из руин после разрушительной силы урагана. Но это

было в прошлом веке. Особняк и острова, помимо этого было еще два поменьше, принадлежали семье людей, но сорок лет назад их выставили на торги и «Радостный» с младшими братьями перешел в собственность отца верховного старейшины.

— А где его родные сейчас?

Как бы ни хотелось в этом признаваться, сам Рамон интересовал меня гораздо больше истории острова.

— Отец верховного погиб, а мать, насколько мне известно, живет в стае на материке.

— В стае Рамона?

Альваро замялся, кажется, впервые за наше общение.

— Нет. Верховные старейшины не принадлежат ни к одной стае.

Я даже остановилась, как раз возле той беседки, где мы с Рамоном спорили утром.

— Это как?

— Таковы правила, но подробностей я не знаю. Лучше спроси у самого верховного. Кстати, можем подняться на гору, там есть смотровая площадка, и посмотреть на закат.

Альваро старательно избегал взгляда и так быстро сменил тему, что только очень наивная волчица подумала бы, что ему действительно ничего неизвестно. Наивность я потеряла давно. Ясно же, что мой помощник сболтнул лишнего!

Но что значит — нет стаи? Ее нет только у изгоев, какой была я. Верховного старейшину вряд ли можно считать изгоем, его власть практически не ограничена. Тогда это загадка. Мой истинный — сплошная тайна, которую хочется разгадать. Даже после случившегося сегодня. Тем более после случившегося сегодня в его спальне. Я хотела знать, как он это делает. Как лишил меня свободы воли. Как, даже не прикасаясь, превратил меня в стонущее, изнывающее от желания животное? Он же как-то это сделал, и мне надо знать, что и как, чтобы в следующий раз подготовиться. Противостоять этому притяжению.

До вершины горы мы добрались на джипе, и вид сверху оказался не просто великолепным, а каким-то сказочным. Теперь я смогла рассмотреть два других острова, поменьше того, на котором мы находились, но они были такими же зелеными с белыми штрихами естественных пляжей и отвесными скалами. В общем-то, острова и

океан – единственное, на что здесь можно было смотреть: повсюду, куда хватало взгляда, простиралась бесконечная водная гладь.

– Сколько отсюда до ближайшей земли? – спросила у Альваро.

– Три часа на самолете.

Ничего себе!

– Далеко забрался, – пробормотала я.

– Что? Я тебя не расслышал.

– Хотела спросить: надолго ли улетит верховный?

– Этого я не знаю. Никто не знает. Спроси у него...

– Сама, – закончила за него. Прошрое мое «спроси» закончилось совершенно не так, как я планировала, так что останусь в счастливом неведении. Если, конечно, их верховное койотище не соизволит меня навестить. – Хорошо, я поняла. Что будем делать дальше?

Дальше был ужин, после которого Альваро оставил меня одну, пообещав завтра вернуться с альтернативой купальника, а я, чтобы не идти в дом, сбросила белье на прогретые солнцем доски и погрузилась в маленький бассейн с теплой водой. Он оказался не таким уж маленьким: я смогла даже сделать несколько гребков до противоположного края бортика. Вода мягко обволакивала тело, и я перевернулась на спину, расслабилась, позволяя ей себя укачивать.

Только выходя из бассейна, я почувствовала чей-то взгляд, откровенно скользящий по обнаженной коже. Сейчас мне не нужно было даже угадывать его владельца, но я все равно вскинула голову. Рамон стоял возле беседки, сложив руки на груди и рассматривая меня. Из окон особняка мой «дворик» было не видно, а вот из беседки вполне – об этом я не подумала. Но и прятаться теперь не собиралась: своего тела и своей наготы я не стеснялась. Поймала горячий мужской взгляд, просто потянулась, демонстрируя себя во всей красе. Даже сейчас скажешь, что я тебя провоцирую?

И направилась в дом.

Правда, ночью я поняла, что вервольфы тоже восприимчивы к сменам часовых поясов, потому что я проснулась в три и уснуть уже не смогла. Ворочалась с боку на бок, пока не бросила это дело. В итоге перебралась в гамак на веранде и смотрела на южные звезды, пока небо не начало светлеть. Рассвет наступил очень быстро, и в воздух поднялся самолет, на котором я сюда прилетела: Рамон покинул остров. О том, что я чувствую по этому поводу, я старалась не думать.

Не облегчение точно, скорее, злость на то, что он прислал помощника, а сам даже не захотел нормально поговорить. Но эту мысль я гнала прочь, тем более что Альваро, как и обещал, принес мне местный купальный костюм.

Он напоминал обтягивающий комбинезон цвета карамели, прикрывал все, что можно прикрыть. Покрутившись перед зеркалом, я решила, что в нем можно не только плавать, в нем можно гулять по улице. Особенно в жару. Пока мы спускались на пляж, Альваро рассказывал мне технику безопасности.

– Наш остров окружает риф, так что волны здесь небольшие и нет акул.

– Последнее меня особенно радует, – рассмеялась я.

– Но я все равно прошу тебя далеко не заплывать. Течения здесь бывают коварными и могут отнести далеко от берега.

– Не переживай! Я не экстремалка.

Оставив моего помощника, я с радостным визгом, достойным беззаботной трехлетки, вбежала в океан. Легко преодолела пенные барашки у берега и нырнула в соленую водичку.

Океан был теплым. Океан был ласковым. Он встретил меня приветливо, обнимая, качая на волнах. Я ныряла, гребла, отдыхала – и снова погружалась в воду. Не знаю, сколько времени прошло, но до меня донеслось:

– ...ты сделал это специально! Знаешь, что я люблю плавать в это время!

Обернувшись к берегу, я заметила возле Альваро Мишель.

Девушка была в таком же, как у меня, только в голубом костюме и в белой широкополой шляпе, прикрывающей лицо. Очевидно, чтобы защитить себя от появления веснушек: с такой светлой кожей при таком солнце это неизбежно.

– Не вижу проблемы, Мишель, – Альваро был самой невозмутимостью. – Пляж большой.

– Он мой!

– Пляж и остров принадлежат верховному старейшине.

– Который тоже мой!

Ничего себе заявление! Я решила перестать делать вид, что у меня нет волчьего слуха и вышла на берег.

– А Рамон в курсе, что он твой?

Рыжая стояла спиной, поэтому даже подпрыгнула от моего вопроса, резко обернулась, махнув тугой косой. Покраснела так, что уже существующие веснушки стали ярче.

– Я единственная женщина, которую он привез в свой дом и поселил здесь, – Мишель вздернула подбородок и расправила плечи, пытаясь выглядеть выше и сильнее на моем фоне. Ну точно раздувшаяся от страха и злости кошка! С выше у нее получилось – у меня небольшой рост, а вот в объемах в нужных местах она мне явно проигрывала. Там, где комбинезон должен обтягивать, на рыжей он просто висел.

Я демонстративно отжала волосы и перекинула их за спину.

– Это ты сейчас так изящно меня мужиком назвала? Как видишь, он меня тоже привез к себе на тайный остров.

– Это ненадолго.

– Уверена?

Уверенности у Мишель не было: это читалось по ее растерянному, злому виду.

– Ты волчица.

– И?

– Рамон не любит волчиц.

Я усмехаюсь:

– Меня, как видишь, полюбил.

– Тогда почему не поселил в своих комнатах?

Туше, рыжая! А ты не такая глупая.

– Возможно, чтобы мы не залюбили друг друга до смерти. Истинные пары не могут устоять перед притяжением в первые месяцы знакомства.

– Истинные – что? – Мишель буквально уронила нижнюю челюсть, а потом рассмеялась. В отличие от истеричных ноток, когда она отчитывала Альваро, к моей досаде, смех у нее оказался красивым. Он будто преобразил ее, что мне совсем не понравилось. – У Рамона не может быть истинной.

– Почему?

– Из-за его крови. Так что особо ни на что не надейся.

Что не так с его кровью?

– Он вервольф, что не так с его кровью?

Она повернулась к молчавшему Альваро и процедила:

– Я приду завтра. В то же время. Надеюсь, мы друг друга поняли.

– Я все еще здесь, – напомнила я.

– Ненадолго, – хмыкнула рыжая и потопала к единственной лестнице, ведущей наверх.

Честно, очень хотелось догнать ее и устроить допрос с пристрастием, потому что Мишель явно знала о Рамоне больше остальных, и в отличие от него, язык у нее был без костей. Но вряд ли верховный обрадуется, вернувшись на остров и узнав, что я пытала его... Кто она вообще? Подруга? Любовница? К тому же, что-то мне подсказывало, что пытать Мишель мне просто не позволят. Альваро или еще с десятков охранников.

Поэтому этот порыв я тщательно подавила. Единственный, кого стоило в этой ситуации пытать – верховный старейшина, который бросил на острове и меня, и Мишель, не объяснив правила игры.

Что ж, вернется это койотище, я все у него выпытаю, потому что если произошедшее в люксе Кингтона еще можно было объяснить простым притяжением, то секс-помешательство в его комнате явно было на двоих и для двоих.

– Прошу прощения за все это, – извинился Альваро, подавая мне полотенце. – Мишель действительно спускается сюда в это время, но я не подумал, что это вызовет такую реакцию.

Я тоже проблемы рыжей не поняла. Пляж тут не особо длинный, но вряд ли мы мешали бы друг другу.

– Это единственный пляж?

– Ближайший. Есть еще гавань с южной стороны, но туда нужно добираться на джипе. Если хочешь, отправимся туда завтра.

Чтобы показать Мишель, что я убежала, поджав хвост? Точно нет!

– Мне нравится здесь.

Кажется, Альваро тяжело вздохнул, но сейчас на его потуги сгладить углы мне было наплевать. Моя волчица была со мной солидарна. Это моя территория, чтобы там не говорила рыжая. Поэтому пасовать я не собираюсь.

На следующий день я спустилась к океану в то же время и наплавалась от души. Мишель тоже приходила, мелькнула ярким голубым пятном комбинезона. Ее яростный взгляд я почувствовала кожей, но ждать меня на берегу она не стала, просто развернулась и взлетела по лестнице. Мне от этого стало только смешно: как-то по-

детски это все выглядело – не буду плавать с тобой в одном океане! Но настроение оставалось замечательным на протяжении всего дня. Особенно когда я уговорила Альваро учить меня вилемейскому. На самом деле, его даже особо уговаривать не пришлось – стоило только попросить и пообещать, что буду помогать в работе с его акцентом.

Эти два дня прошли на удивление приятно, не считая купания в океане, мне делали массаж, я обедалась фруктами и полежала в джакузи, научилась пользоваться акустической системой и начала книгу, которую нашла на полке в моей комнате. Классический роман про кругосветное плавание. Удивительно, но мне зашло настолько, что я вместе с ней уснула, забыв выключить верхний свет, а проснулась от странного прикосновения к ноге и к лицу одновременно.

Теплого, но какого-то скользкого. Вынырнув из дремоты, я раскрыла глаза, и в моем горле буквально застрял пронзительный крик.

В моей постели копошились полосатые тропические змеи.

Не просто в постели, по мне.

Змеи! Мамочки!

Я все-таки дернулась, и одна из потревоженных червякоподобных раскрыла пасть и зашипела, обнажив тонкие, как иглы, клыки. Теперь я не то что как двигаться, я забыла как дышать. Закрыла глаза, мысленно взмолилась предкам: пусть это будет просто кошмар, ничего больше! Но когда их снова открыла, змеи оказались на месте.

Сколько их?

Раз, два, три... Четыре! Всего лишь четыре небольшие змейки. Безобидные змейки. Безобидные ли?

Я не знала. Я вообще не разбираюсь в этих ползучих! Знаю только, что бегая по лесу волчицей на маленьких черных лучше не наступать, еще смотрела фильм, где большая полосатая анаконда задушила здорового мужчину. Мои ночные гости не были похожи ни на тех, ни на других. Они были яркими, желто-красными с тонкими шоколадными кольцами и уродливыми головами. Они могли быть как безобидными, так и ядовитыми. Ядовитыми даже для меня! У вервольфов великолепная регенерация, не спорю, но яды мы переносим плохо. Очень плохо. И если меня еще смогут откачать, то малыш... Он может не выжить!

Я снова зажмурилась и заплакала. Тихо, потому что змеи передумали куда-либо ползти и укладывались спать прямо на мне. Нет! Как бы я хотела, чтобы они просто исчезли. Расползлись по темным углам, а я бы просто соскользнула с кровати, и все. Но они решили дремать на мне, как на теплом камне.

Тварь! Какая же она тварь!

Я даже не сомневалась в том, кто это сделал и зачем. Пляж я ей не уступила, и Мишель решила от меня избавиться. Напугать или реально избавиться: зависело от наличия или отсутствия яда на острых змеиных клыках. От этого зависела жизнь моего малыша.

Как ей это удалось? Не просто притащить змей в мой домик. Самый безопасный на свете! (с) Рамон Перес. Как я ничего не услышала? Не почувствовала?

Кажется, я превратилась в сплошной сгусток ужаса. Ужаса и злости. Последняя придавала мне хоть немного сил. И я решилась. Решилась выползти из этого жуткого гнезда. Если сделаю это медленно, то возможно справлюсь. Я просто не смогу лежать так до утра и ждать, когда придет Альваро и найдет мой холодный труп! А если что-то пойдет не так, обернусь волчицей. Тогда у меня будет преимущество! Быстрее реакция, звериные инстинкты.

Я шмыгнула носом и двинулась к краю кровати. Потихоньку. Примеряясь к каждому движению. Будто шла по заминированному полю! Я почти выползла из-под трех, осталась последняя, расположившаяся прямо на моих волосах. Очевидно, ей они понравились, а может ей пришлось по вкусу запах кокосового масла, потому что на все мои попытки сдвинуться, она отзывалась копошением и отказом уползать прочь. Тогда я решилась сделать все резко. Рванула...

И наткнулась на пятаю.

Еще одна, на этот раз черно-желтая приподнялась на хвосте, вскинула свою уродливую башку возле моих ног. Раскрыла широкую пасть и метнулась вперед.

Время для меня будто остановилось, замерло. Я даже не успевала инстинктивно прикрыться, смотрела, как атакует это чудовище. Ударившая о стену дверь сбила все ее намерения, как и метнувшийся к моей постели Рамон. Он голыми руками схватил змею у основания головы и отшвырнул в угол, а меня подхватил в свои объятия.

Не помню, как мы оказались на втором уровне: слезы застилали мне глаза. Стоило мне почувствовать сильные руки истинного, я разрыдалась от облегчения, цепляясь за его плечи. Но он опустился вместе со мной на диван и принялся ощупывать и осматривать меня.

– Венера. Венера! Она успела тебя укусить? Где болит?

В его голосе было столько несвойственного ему беспокойства, что я отказалась от первого порыва огрызнуться или изобразить раненую.

– Не успела. Но они все еще там!

– Я сейчас проверю.

– Нет, не уходи!

Я ухватилась за талию Рамона, как утопающий за спасательный круг. Из-за этого мужчины это все! Но отпускать его я не намерена, он сейчас был моей защитой. Моей и малыша.

– Больше не вздумай оставлять меня одну, – зарычала угрожающе. – На проклятом острове, где меня хотят убить.

Даже сквозь слезы я заметила, как исказились черты лица вервольфа. Я едва подавила желание отшатнуться, настолько злым он сейчас выглядел, но потом смахнула это ощущение – злость Рамона сейчас была направлена не на меня.

– Не оставляю, – прозвучало неожиданно. Еще более неожиданным стало то, что он опустился на диван и снова привлек меня к себе. Это было похоже на то, как Рамон укачивал меня после того раза в его комнате, и не было похоже ни на что. Прикосновение к волосам было таким приятным, поглаживания такими умиротворяющими, что хотелось ластиться. – Тот, кто это сделал будет наказан.

– Начни со своей подружки, – вздохнула я.

– Подружки? – гладить меня перестали.

– Мишель. Или у тебя их много?

– Это не Мишель.

Мне резко перехотелось обниматься и все такое. Я вскинула голову и посмотрела в глаза верховному. В них всполохами таяли оранжевые искры, а еще горела непробиваемая уверенность в собственных словах. Я бы еще и отодвинулась, но меня не пустили.

– Это Мишель, – повторила я. Спокойно, насколько вообще можно быть спокойной, когда тебя всю трясет от пережитого стресса. – Я отобрала у нее пляж.

– Пляж?

– Очевидно, еще и место под солнцем. И эту часть океана.

Кажется, я переоценила свою способность оставаться спокойной в любой ситуации. Несколько лет личным ассистентом проработала, даже общалась с пассиями Доминика, до его встречи с Чарли, но с настоящими змеями дело имела впервые. Поэтому мой сарказм про океан получился не таким тонким, а голос поднялся на пару октав.

Пришлось делать вдох-выдох и вцепиться в рубашку верховного.

– Это повод убивать тебя?

На очередном выдохе я поперхнулась.

О-оговорочка!

– Значит, эти змеи были ядовитыми?

Видно было, что Рамон не желает развивать змеиную тему, но ответил он все-таки честно:

– Только одна. Похожая на осу.

Я бы грохнулась в обморок! Точно грохнулась бы, не лежи я удобно на верховном. Падать ниже просто некуда, причем буквально. Черно-желтая – это та, которая чуть меня не укусила. Не появившись Рамон так скоро, даже думать не хочу, что могло произойти. Уже и так передумала сотни ужасиков, когда лежала в змеином гнезде.

Видимо, я начинаю снова дрожать, потому что объятия Рамона становятся крепче, он кладет ладонь мне на затылок и накрывает мои губы своими. Поцелуй получается неожиданным, он словно высекает из меня искру, вмиг разжигая в моей крови пламя желания. Неожданным, а еще настолько властным, что уже не получается думать о чем-то кроме самого поцелуя. Именно этой своей властностью и уверенностью он меня успокаивает. Когда он все-таки прерывает поцелуй, дрожу я уже не от страха.

– Теперь можешь сделать из нее сумку и носить как трофей, – говорит он, поглаживая мою щеку. Не знаю, что выдергивает меня из предстрастного состояния: этот знакомый и интимный жест, или же напоминания о змеях и той, кого нужно за них благодарить.

– Или подарить Мишель!

Рамон отстраняется:

– Это не она, – повторяет этот убежденный в невинности своей подружки койот.

– Почему ты так уверен? Между прочим, от ее «шутки» мог пострадать твой ребенок.

Снова меня обжег злой взгляд с оранжевыми искрами, и по моей спине пробежал холодок. С таким взглядом убивают. И не только змей.

– Я найду виновного.

Да что ж ты такой упрямо тупой?!

Рамон поднялся, я вскочила следом.

– Проверь ее!

– Это не Мишель – и точка!

Наши крики, наверное, половину острова перебудили, но мне было все равно. Я хотела справедливого возмездия за свои погибшие нервные клетки. Кажется, то, что мы уже орем друг на друга, понял и верховный, потому что он сбавил обороты:

– Я найду виновного, – пообещал он. – Кто бы это ни сделал, он понесет соответствующее наказание.

– Какое?

– На острове ты его больше не увидишь.

Это меня устраивает. Наверное.

– Даже если это рыжая? – уточняю я.

Видно, что Рамону хочется со мной поспорить, но он лишь складывает руки на груди:

– Я разберусь с тем, кто это сделал.

То есть рыжая не под прицелом? Вот дрянь! Что с ней? А что с ним? Но кажется, здесь мы не договоримся. От того, чтобы зарычать, я едва сдерживаюсь. Приходится снова глубоко дышать. А после придется самой проследить за тем, чтобы Рамон наказал мерзавку!

– Что мне делать в этом райском домике со змеями?

– Переедешь в мою спальню в главном доме. Прямо сейчас, а здесь приберут.

От такого приглашения я в первую секунду дар речи потеряла. Потому что злить Рамона своим постоянным присутствием это хорошо, но и ходячий соблазн в одной кровати для меня перебор.

– Стоп! Ты обещал мне мою территорию!

– На время, пока я не найду того, кто на тебя покушался. Найду сегодня, вернешься сразу сюда. Идет?

Он протянул мне ладонь, за которую я ухватилась. Как будто у меня есть выбор?

Но есть еще вопрос, о который я споткнулась, когда мы покинули домик, вчера казавшийся мне раем. Сейчас я боялась каждой тени,

поэтому охнула, стоило Рамону заметить мой страх и подхватить меня на руки.

– Как ты здесь оказался?

– Я прилетел на остров два часа назад.

– Я не об этом. Как ты оказался в моем домике?

Плечи, за которые я цеплялась, напряглись и мгновенно расслабились. А в глаза было не заглянуть, я могла изучать только волевой подбородок.

– Спускался к океану и услышал твой крик. Открыл дверь и успел вовремя.

– Но я не кричала!

– Кричала. Ты просто не помнишь. Перенервничала.

Я не кричала. Точно не кричала. Или кричала? Я ведь запомнила, если бы это было так.

– Не помню, – растерянно повторила я.

– Как бы я узнал, что тебе грозит опасность?

Действительно, как?

Пока я пыталась придумать, что на это сказать, Рамон добрался до особняка. Толкнул дверь ногой, взбежал по лестнице, и спустя пару минут мы были в знакомой мне спальне. Только там он опустил меня на пол, а до меня внезапно дошло, что я босая, и из одежды на мне легкая пижамка в мелкий цветочек. И то лишь потому, что я ходила в ней по дому перед сном. При воспоминаниях о ночных «гостях» меня снова передернуло, по спине пробежали мурашки прохлады. А может, это от того, что Рамон больше не обнимал меня.

– Ты можешь отдыхать, – не то разрешил, не то приказал верховный и повернулся к двери. Чтобы уйти. – Здесь ты в безопасности.

В безопасности? Этот мужчина в своем уме? Меня чуть не убили, а он предлагает мне – что? Поспать?!

– Я не буду в безопасности, пока тварь, что натравила на меня этих гадов, не будет наказана!

– Я займусь этим.

– Тогда я пойду с тобой.

Я действительно направилась следом и уткнулась ему в спину, когда Рамон резко остановился.

– Нет, – отрезал он, повернувшись и поймав мой взгляд. Пригвоздил своим. – С тебя достаточно. Ты должна думать о ребенке.

– Тебе тоже стоило подумать о ребенке, прежде чем привозить меня на остров к своей девочке.

– Девочке? – угрожающе тихо переспросил он.

– Рыжей такой. Слегка истеричной. Или она не одна? – я приподняла брови.

Рамон прикрыл глаза ладонью, будто пытался справиться с раздражением.

– Этот остров – самое безопасное место.

– С безобидными змейками.

Как вспомню, меня всю трясет! Но еще больше меня трясет от его пронизывающего взгляда. Если представлять верховного старейшину, то именно таким. Зверем. Надеюсь, таким его увидит Мишель.

– Мне казалось, мы договорились, что ты останешься здесь.

– Ты сказал, что я перееду в твою спальню, но я не обещала не принимать участие в расследовании. Я хочу посмотреть ей в глаза, а на казнь так уж и быть не останусь.

– Я не стану делать ничего из того, что может отразиться на здоровье моего ребенка, – прорычал Рамон. – Тем более потакать твоим капризам.

Я может и сдала бы назад, но не после того, как заглянула в глаза смерти. Желто-черной такой, шипящей и извивающейся.

Капризы? Я сама адекватность и терпеливость!

И, кажется, в этом моя проблема. Все остальные на этом острове неадекватны! Потому что Рамон снова подхватил меня на руки и опустил на кровать. А потом сделал то, чего я не ожидала – просто поцеловал. В лоб, как будто я была ребенком!

– Отдыхай, – приказал он, и, пока я приходила в себя от шока, хлопнул дверью и запер меня.

– Я – единственная свидетельница преступления, – прокричала я, подорвавшись с кровати и тарабаня по массивной двери, пока он далеко не ушел.

Остановился.

– И что ты видела?

Я задумалась, действительно пытаюсь вспомнить. Расплывающееся строчки книги, а потом я очнулась.

– Ничего! В том и дело, что я ничего не видела и не слышала. Я читала книгу, а потом словно выключилась, и даже не почувствовала, как на меня свалили этих змей. Словно меня чем-то опоили.

– На вервольфов не действуют большинство наркотиков.

– Без тебя знаю. Выпусти меня!

– Позже, когда ты отдохнешь и успокоишься.

– Я вылезу в окно и догоню тебя!

– Удачи.

Хотелось зарычать и завывать одновременно. Но сегодня в мою кровь впрыснулось достаточно адреналина, потому что я немедленно бросилась к окну, дернула задвижки, толкнула ставни и свесилась вниз.

Я не учла, что дом старинный, и высота потолков в нем приличная. Спрыгнуть точно не получится. К тому же, рядом нет каких-либо труб, вместо кирпича гладкие доски, а я все-таки волчица, не шимпанзе! Тут даже вторая ипостась не поможет. Вишенкой на торте стало появление Хавьера и еще троих вервольфов из охраны, очевидно, на случай, если придется ловить карабкающуюся меня. Но именно это меня окончательно остановило, потому что я теперь не знала, кому из людей верховного можно доверять, а кто больше любит Мишель, чем меня.

Кто из них опоил меня и оставил умирать? Меня и моего малыша. Вряд ли сама рыжая собирала змей в джунглях и подливала мне в воду яд. Значит, с ней кто-то действует заодно.

Поэтому я влезла обратно в комнату и закрыла окна, а после закопалась в одеяло и тихо заплакала. Сегодня «самый безопасный остров» превратился в поле битвы, где никому нельзя доверять. И где главный тюремщик мой мужчина.

Глава 8

То ли дрянь, которой меня опоили, до конца не выветрилась, то ли закончилось действие адреналина, но я уснула. Закрыла глаза, когда была ночь, а открыла, когда уже всю светило солнце. Но проснулась я не столько из-за солнца, сколько из-за шагов Рамона за дверью и щелчка ключа в замке.

Я смахнула остатки сна и села, уставившись на злого и уставшего вервольфа.

– Все узнал? – поинтересовалась я. – Всех наказал?

– И да, и нет.

Сарказма во мне поубавилось. Немного так.

– То есть?

– Я все расскажу, – пообещал он. – Но только если пройдешь обследование. Я привез с собой доктора.

После такой «незабываемой» ночи мне захотелось послать Рамона и его доктора заодно, но в этот момент на первый план вышла моя рациональная часть. Я теперь забочусь не столько о своем здоровье, сколько о здоровье малыша, так что я сползла с постели и спросила:

– Мне так идти?

Учитывая, что верховный откровенно так залип на созерцание моих ног, кажется, до него не сразу дошел вопрос, а когда дошел, он проворчал только:

– Тебе принесут одежду, приводи себя в порядок, – и удалился, снова меня заперев.

Злиться по этому поводу я устала, поэтому направилась в ванную. Вид у меня был ожидаемо бледный, а под глазами – темные круги, но замаскировать их было нечем. К тому же, пусть верховный видит, до чего довел меня своей заботой! Приняла душ, смыв даже призрачный след змеиного прикосновения, посушила волосы и почистила зубы его зубной щеткой.

А вернувшись в комнату, я сразу же на застеленной постели нашла желтое платье от известного вилемейского бренда «Юлла». Я всегда интересовалась модой, не просто интересовалась, фанатела. Такая вышивка, что струилась по подолу и рукавам-воланам, была их

знаковым элементом и присутствовала на всех изделиях. Бирка только подтверждала бренд, правда, я видела их последнюю коллекцию – этого платья там не было, значит, это из новой, еще непредставленной. Не знаю, как Рамон его достал, но даже факт, что это от него, не испортил моего восторга. Хотелось бы казаться равнодушной, но равнодушной я не была, а рядом никого не было, поэтому влезала в наряд я с чисто женским трепетом.

К платью прилагались белые босоножки на плоской подошве и нижнее белье. От последнего я решила отказаться, потому что фасон платья обнажал плечи и не предполагал наличия лифчика, а летящая юбка в пол не просвечивала и прикрывала все, что нужно прикрывать.

Успела вовремя одеться: щелкнул замок, и я тщательно стерла с лица любой намек на улыбку. Я не наивная школьница, чтобы растаять от одного платья «Юллы». Наоборот, это был жирный намек на то, что Рамон теперь все обо мне знает. О моих привязанностях, интересах, слабостях.

– Это подарок, – поинтересовалась у верховного, – или ты сжег коттедж вместе со змеями и моим гардеробом?

По его каменной физиономии сложно понять, чего он ждал, разве что неодобрительно прошелся по обнаженным плечам, которые успели слегка загореть.

– Какой вариант тебя устроит?

– Пожалуй, оба.

– Тогда без разницы.

Без разницы так без разницы. Это для меня такое платье две зарплаты, а он, наверное, даже не видел, что притащил его ассистент. Помню, после нашей истинной ночи он так же оставил мне платье, но, как оказалось, это ничего для него не значило, как и сама ночь.

Вот бы это ничего не значило для меня.

– Что ж, – кивнула на дверь. – Веди меня к доктору.

На самом деле далеко идти не пришлось: мы прошли по коридору, перешли в другое крыло, и Рамон распахнул передо мной ближайшую дверь. За ней оказался самый современный медицинский кабинет, который я когда-либо видела. Стены в белоснежном кафеле, кресла, кушетки, ширмы, различное оборудование, о назначении которого по большей части я понятия не имела. Предки, да здесь при желании и должной санобработке можно проводить серьезные

операции! И этот кабинет явно не для меня оборудовали. Сильно сомневаюсь, что для рабочего персонала. Тогда для кого это все?

Нас встречали две женщины: одна пожилая, в халате доктора, другая моложе, в светло-розовом костюме медсестры. Судя по черным волосам и смуглой коже, тоже вилемийки. Волчица и человек.

– Венера, это доктор Франческа Сураза и ее ассистентка Донателла Крус.

– Добрый день, – поздоровалась я, пытаюсь осмыслить, что впервые вижу волчицу-доктора. Обычно волчиц в такие серьезные профессии «не пускали». Это означало посвятить если не всю жизнь, то ее половину своему призванию, а главным призванием женщин-вервольфов считалось продолжение рода.

– Доктор Сураза не говорит по-легорийски, – «обнадежил» меня Рамон. – Донателла знает несколько общих фраз.

Можно я его стукну вот тем длинным прибором на ножке?

– А врачей, говорящих на моем языке, ты не нашел?

– Второго такого доктора, как Сураза, в целом мире не найти. Я ей доверяю. – Заметив мой скептический взгляд, он добавил: – Действительно, доверяю. Она помогла появиться на свет мне.

На такое мне было нечего ответить.

– И как мне с ними общаться?

– Я буду вашим переводчиком.

Час от часу не легче.

– А как же врачебная тайна?

– Какие тайны, если это мой ребенок?

– Пока что он мой ребенок, – не сдавалась я. – Он внутри меня.

В глазах Рамона мелькнули ярко-оранжевые всполохи:

– И сегодня я его увижу.

– А ты этого хочешь?

– Больше всего на свете, – нетерпеливо, не задумываясь, ответил он, отчего заставил меня задаться вопросом: он действительно хочет этого ребенка? Не из-за надо, как продолжение его рода, и не из-за мести, чтобы наказать меня за ту ночь, а потому что правда хочет.

Почему тогда у него нет детей? И что не так с его кровью, а главное, как это отразится на нашем общем малыше?

Влезть в голову Рамона я не могла, но решила, что после обследования прижму его к стенке и обо всем расспрошу. Хватит

секретов! Достану свое самое страшное оружие, буду давить на хрупкую неуравновешенную психику беременной женщины.

– Добрый день, – повторила я на этот раз по-вилемейски и протянула доктору ладонь, которую она пожала по южной традиции двумя руками. Здраваться и прощаться, говорить «спасибо», «пожалуйста», интересоваться, как дела – то, что я успела выучить благодаря Альваро. А вот полноценно общаться я пока не могла, поэтому оставалось надеяться на добросовестность своего «переводчика».

Впрочем, оказалось, что присутствие Рамона было единственным фактором, способным меня смутить. Доктор и ее ассистентка были сама теплота, а главное, знали, что делают, и по их же словам помогли появиться на свет не только верховному старейшине, но и множеству детей, как человеческим, так и детям вервольфов. В конце концов, я не смогла сдержать своего любопытства:

– Как получилось, что вы стали доктором? – поинтересовалась, переодеваясь в сорочку для УЗИ.

Спасибо Рамону, к своей роли переводчика он подошел добросовестно, так что перевел вопрос для Франчески. Ответила доктор быстро и охотно.

– Она говорит, что после первых родов больше не могла забеременеть. Ошибка доктора. Поэтому посвятила собственную жизнь другим женщинам.

Я почувствовала себя дико неловко.

– Я прошу прощения за такой вопрос.

Ответ долго ждать не пришлось.

– Не извиняйся. У нее прекрасный родной сын и много малышей, которых она приняла.

– Спасибо, – поблагодарила я волчицу, вернувшись из-за ширмы. У самой почему-то на глаза навернулись слезы. – За всех детей в мире.

Франческа широко мне улыбнулась и что-то быстро спросила.

Рамон перевел взгляд на меня:

– Посмотрим на малыша?

Я понимала, что это дословный перевод вопроса доктора, но все равно в устах Рамона он прозвучал странно. Нежно что ли, с заботой. Непривычно. Кажется, верховный и сам это понял, потому что как-то резко отвернулся в сторону аппаратов для УЗИ. Я уже проходила

подобную процедуру в Крайтоне, а вот для него это все было впервые. Если это его первый ребенок!

Почему-то раньше эта мысль мне в голову не приходила. А вот сейчас она отозвалась в груди болезненно-острым чувством ревности. Глупость, конечно, но она словно не вытащенный вовремя осколок засела во мне и отказывалась исчезать. Из-за нее более чем удобное кресло показалось деревянной лавкой, а собственные уговоры, пока я размещалась на нем, что личная жизнь Рамона не мое дело, совсем не помогали. Как и самоубеждение – что изменится, если я вдруг узнаю? О детях Переса в СМИ не писали, но и Мишель я там не видела. Может, он их прячет на соседнем острове?

– Что не так? – поинтересовался вервольф, когда я в очередной раз передвинулась на кресле.

– Это твой первый ребенок? – выпалила я, готовая смириться с любой правдой. Гораздо лучше, чем накрутить себя и умереть от любопытства.

Рамон нахмурился, вглядываясь в мои глаза, будто пытался прочитать мои мысли. Что невозможно. Некоторые из вервольфов могут считывать чужие чувства, эмоции, особенно, если есть связь в паре. Но между мной и ним никакой связи не было, верховный вообще убеждал меня в том, что истинность невозможна.

– Это имеет значение?

– Так сложно просто ответить?

Если бы не Франческа, задравшая на мне подол сорочки, мы бы с ним так и продолжали буравить друг друга взглядами. Рядом с этой женщиной не хотелось злиться, хотя у меня было много вопросов к Рамону.

Гораздо больше, чем он может представить.

Я вздрагиваю от первого ощущения холода на животе, когда ассистентка наносит специальный гель для скольжения датчика аппарата, отвлекаясь от нашего нового спора. И, только сосредоточившись на действиях доктора, все-таки слышу:

– Не первый.

Что?

ЧТО?!

Желание выругаться настолько велико, что я едва сдерживаюсь. Исключительно потому, что «знающая пару фраз» медсестра вполне

может меня понять, а краснеть потом мне. Надеюсь, взгляд передает весь спектр моих чувств! Транслирую: «Я желаю тебя покусать, койот-обманщик!» Наверное, не передает, потому что Рамон в лице не меняется.

– И когда ты собирался мне сообщить о своих детях?

– У меня нет детей, Венера.

– Но...

Этим «но» я буквально поперхнулась, потому что сквозь ярость и возмущение до меня доходит. Доходит, что у Рамона *был* ребенок. Маленький пушистый волчонок, к тому же, наверняка, любимый.

И по какой-то несправедливой причине он его потерял. Навсегда.

Комок в горле не позволяет мне говорить, а слово «неловко» совсем не передает моих новых, изменившихся чувств. Мне грустно, мое сердце сжимается от печали и боли. Сочувствие неизвестной волчице, которая потеряла дитя. Рамон любил ее? И где она сейчас? Что-то подсказывает, что мне не стоит настаивать на подробностях. О таком рассказывают сами.

И все равно он мог рассказать. Я бы поняла. Но что теперь ответить? Мне жаль?

Пока я кусала губы и приходила в себя, доктор Сураза вывела на экран изображение и о чем-то воодушевленно рассказывала Рамону. Верховный тоже оживился, суровые черты смягчились, он более чем заинтересованно всматривался в экран, показывающий маленький эмбрион волчонка. Правда, с тех пор, как мы с ним «виделись», мой малыш значительно подрос. Думала, что чувства, что я испытала в первый раз, не повторятся, но они снова меня захлестнули, стоило вновь всмотреться в него.

– Какой же он хорошенький, – выдохнула я.

– Хорошенькая, – поправил Рамон.

Я вскинула голову, глядя на него.

– Что?

– Это девочка, – ошарашенно подтвердил верховный. – Дочь.

– Ты не рад, – не знаю как, но догадалась я. Стало больно. Больнее, чем осознать, что не нужна своим истинному. Больнее, чем почувствовать сомкнувшиеся змеиные зубы. Больнее, чем узнать, что он не может полюбить, потому что уже любит кого-то, но не тебя.

Рамон ничего не ответил, полностью переключившись на доктора и ее рекомендации.

Вот это раздражало больше всего! Бесило до зубовного скрежета. Нет, совсем не то, что он внимательно слушал Франческу, то, что снова игнорировал меня, мои потребности и чувства. Будто даже медицинское кресло, на котором я лежу, ценнее и важнее меня самой. Хотя, что это я? Уверена, в мире верховного старейшины Волчьего союза я нахожусь в самом низу иерархии вервольфов, людей и вещей!

Я должна была радоваться. Должна была радоваться, что у меня будет дочь. Прекрасная девочка, которая вырастет чудесной волчицей. Но разочарование Рамона, очевидно, передалось и мне. Не из-за пола ребенка, конечно! С этим у меня никаких проблем не было: я уже любила ее. Но я, как последняя дура, в глубине души надеялась, что, рассмотрев на экране крошечный эмбрион, Рамон смягчится. Передумает.

Что наши отношения переменятся.

Что мы, возможно, станем семьей. Что у меня будет настоящая семья, маленькая стая, как когда-то я мечтала.

С чего я вообще так решила?

– Если тебя не устраивает девочка, отпусти меня, – пробормотала я, когда Франческа отошла. – Нас.

Мне определенно удалось привлечь внимание Рамона: теперь он посмотрел на меня так, словно с ним кушетка заговорила.

– С чего ты взяла, что меня что-то не устраивает, Венера?

– Ты не выглядишь счастливым отцом.

– С мальчиком все было бы проще.

Ну и что это значит?

– Почему? – ответа я снова не дождалась. – Почему ты просто не объяснишь? Я ничего не понимаю.

– Тебе не нужно понимать.

На этой вроде бы простой фразе вся моя выдержка полетела бесу под хвост. Я схватила полотенце, стирая остатки геля со своего живота в несколько быстрых рывков-движений.

– Не нужно! – я одернула сорочку и шагнула к ширме. – Мне вообще ничего от тебя не нужно!

Он, конечно же, встал у меня на пути.

– Вернись на место, Венера, – меня перехватили за талию, прижимая к себе. Но я была настолько взвинчена, что сейчас его близость только еще больше разозлила. – Не устраивай сцен.

– Это ты верни меня домой, Рамон!

– Теперь это твой дом.

Это не дом, это тюрьма!

– Я про нормальный дом, а не про этот бордель с твоими любовницами, – прошипела я. – Хотя, нет, это не бордель. В борделе проститутки – бизнес-конкуренты, у тебя же самый настоящий гарем! С наложницами и со змеями!

Я поймала удивленные взгляды Франчески и Донателлы и поняла, что действительно хочу оказаться как можно дальше отсюда. Если не подальше от острова, то хотя бы подальше от Рамона!

– Мне нужно на улицу, – сказала, выровняв голос до холодной вежливости.

– Франческа не закончила.

– Мне все равно. Закончила я.

Я поняла, что еще немного, и я начну задыхаться. Грудь сдавило, будто внутренности стягивало узлом, а дыхание стало резким, прерывистым. Перед глазами мелькали мушки, по рукам пробежала знакомая дрожь, предшествующая панической атаке.

Не знаю, что сработало, но Рамон меня пропустил. Он шагнул в сторону. Наплевав на мнение доктора и ее ассистентки, я нырнула за ширму, с армейской скоростью влезла в платье и метнулась обратно.

– Простите меня, – выдала на ломаном вилемейском и выскользнула из медкабинета. А дальше шла, хотя вернее будет – бежала, куда глаза глядят. Только когда оказалась в знакомой беседке, оперлась о перила и выдохнула.

Голова кружилась, а пульс грохотал в ушах, пульсировал во мне. Я обхватила себя руками, чувствуя этот внутренний холод, несмотря на жару. Даже техника глубокого дыхания не помогала, будто ночью с нападения змеи внутри меня сдвинулся какой-то предохранитель, и все, что я долгое время сдерживала в себе, стало прорываться наружу.

И дело не только в змеях! Я словно снова вернулась в то время, когда я была абсолютно бесправной. Запертой в четырех стенах. Во власти сильного альфы, который мог сделать со мной все, что захочет.

Не просто мог, он делал. Ломал мое тело и душу, и я тогда поклялась, что это никогда не повторится.

Никогда не говори никогда.

Я думала, что давно избавилась от этого ощущения. Ощущения капкана, металлических клыков, болью впивающихся не в тело, в самое сердце. Но ночь и это утро доказали, как легко снова оказаться в клетке, созданной мною в моем же сознании. В клетке из самообмана и иллюзий, в жажде любви. И как сложно из нее выбраться. Как сложно мыслить трезво. Как сложно сражаться с миром в одиночку.

Его присутствие я почувствовала сразу, еще до того, как Рамон шагнул в беседку. Я вообще слишком остро его чувствовала, с самого начала. Может, поэтому пошла за ним тогда, в отеле, поверив в то, что он истинный. Не обернулась, и поэтому вздрогнула, когда он остановился за спиной и положил ладони на перила, по обе стороны от меня. Наверняка, чтобы не сбежала! Не объятия, но все равно слишком близко. Когда и нервно, и жарко, и вся моя суть то тянется к верховному, то желает от него сбежать.

– Я рад, что у меня будет дочь.

Он мог начать разговор с любых слов. Да даже мог ничего не говорить! Но начал с этого, и уже я не нашлась, что ответить. Таинственность этого мужчины порядком мне надоела. А я, между прочим, жду от него дочь!

– Я хочу этого ребенка. Наследника или, как мы только что узнали, наследницу.

– Но?

– Не существует никаких «но». Я давно мечтаю о детях.

– Но у тебя их нет, – напомнила я. – И ты не женишься.

Разговаривать вот так, не глядя друг другу в глаза было в разы проще, и кажется, не только мне. Еще бы чувства были не такими острыми, потому что я ощущала его грудь спиной так, словно мы соприкасались кожа к коже. Сейчас это вовсе не успокаивало – раздражало.

– На это есть свои причины, – хриплый выдох пощекотал мои волосы на макушке.

– Из-за того, что случилось в прошлом?

– И поэтому тоже.

– А почему еще?

Если я рассчитывала хоть на какую-нибудь откровенность, Рамон, очевидно, считал иначе, потому что не спешил ничего объяснять. Я до этого спокойной не была, а теперь снова готова была закипеть, как капли росы под обжигающим солнцем.

Я крутанулась в его захвате, поворачиваясь лицом к лицу:

– Послушай, так у нас ничего не получится. Вообще ничего не получится. Я не жду от тебя близости или, да видят предки, любви истинного. Но нравится тебе или нет, у нас общий ребенок, Рамон! Через несколько месяцев родится наша дочь. Если родится! Со всеми этими нервами и змеями я уже не уверена...

– Не шути этим!

– Шучу? Ни капельки! Я серьезна как никогда. Так вот: я жду от тебя ребенка, но ничего о тебе не знаю. Ни о прошлом, ни о настоящем, не говоря уже о будущих планах. Кроме того, что ты собираешься выселить меня с «райского» острова после рождения дочки. Если тебе важно держать всех и каждого на расстоянии, потому что ты гордый волк-одиночка, то мне это совсем не подходит.

– Ты ждешь от меня любви, Венера?

Это все, что он успел понять из моих слов? Так мы никогда не договоримся.

– Я ждала от тебя простого внимания. Ко мне и дочери. Другого отношения. – Я глубоко вздохнула, пытаюсь оформить собственные мысли в слова. – Ты не хочешь рассказывать о своем прошлом, тогда расскажу я. Мой бывший муж-садист держал меня в поместье, на территории своей стаи, которое я покидала исключительно с его позволения. Я сидела на цепи. Теперь тоже сижу, разве что вместо поместья у меня остров. Но что я тебе рассказываю, – я пожалала плечами, – ты, наверное, обо мне и так все знаешь. Не мог не узнать.

Во взгляде Рамона зажглись оранжевые молнии, а сам он выругался по-вилемейски.

– Ты сравниваешь меня с ним?

– Да, сравнивала. Нет, я не ищу и не жду твоей любви. Я просто хочу домой.

На последнем слове – этом чрезвычайно сладком слове – моя выдержка снова хрустнула. И я захотела уйти. Что удивительно, Рамон даже не стал задерживать меня. Он даже принес мою обувь, которую я

забыла в кабинете, прибежав в беседку босиком: я наткнулась на стоящие возле арки-входа босоножки. И не только на них.

Его слова заставили меня остановиться и забыть про обувь:

– У меня должен был быть сын. Но он не родился.

– А его мать?..

– Счастлива в браке с моим братом, альфой Золотых холмов.

Рамон ко мне не повернулся, но голос его звучал ровно:

– Ты любил ее?

Его плечи будто окаменели, напряглись.

– Брат справляется с этим лучше. Я отказался от нее. Тем более что любовь – роскошь для верховного старейшины Волчьего союза.

– Даже к дочери? Ведь ты не сможешь ее не любить, Рамон! А если сможешь... – Мое сердце сжалось от боли и подобной несправедливости. – То в этом мире станет на одну несчастную девочку больше. Лучше сразу отпусти нас. Отпусти меня домой.

– Нет, – он посмотрел на меня и повторил: – Нет.

– Тогда я не стану больше пытаться тебя понять, – бросила устало и ушла. На этот раз вернулась в комнату. В его, конечно, же, хотя я бы с удовольствием забила у какой-нибудь угол своего домика. Если бы там было безопасно, а так других углов я просто не знала.

Но в спальне Рамона меня ждал сюрприз, и не сказать, что приятный. Рыжий и беспардонный. С заплаканными глазками и соединенными в умоляющем жесте ручками.

– Рамон, я... – Мишель осеклась и замерла, осознав, что для начала театральной премьеры рановато.

Я сложила руки на груди и поинтересовалась у этого недоразумения, изображающего раненого в пушистую задницу зайчика:

– Ты что здесь забыла?

– Тот же вопрос к тебе, – мигом ошетибилась рыжая. Ну как ошетибилась, вы когда-нибудь видели угрожающего вам зайца?

– Рамон теперь хочет, чтобы мы делили спальню на двоих. – Что мне, жалко ей ответить? Ни капельки. – А ты почему не в тюрьме? Или какие тут аналоги у местных? Глубокая яма, из которой без лестниц не вылезти? Или сырой погреб по классике?

У Мишель даже веснушки почти исчезли, так сильно она побледнела: чувство вины налицо.

– Рамон не посадит меня в погреб!

– Значит, все-таки подземелье, – подытожила я, подходя ближе – попросту наступая на рыжую.

– Я ни в чем не виновата, – несмотря на подрагивающие губы и испуганные глазки, голос Мишель звучал твердо.

– Разве ты не подбрасывала змей в мою постель? Не сама, конечно. Исполнитель другой, но идея твоя.

Я устала. Я перенервничала. Я хотела домой. В Крайтон. Поэтому Мишель попала на моем пути очень вовремя. Для меня.

Я трансформировала ногти в звериные когти и поиграла лапкой. Красиво, изящно, действенно, потому что взгляд рыжей заметался туда-сюда, от меня к двери.

– Я хотела тебя напугать!

Опаньки! Не ожидала, что она так запросто признается. Думала, что Мишель будет до конца изображать испуганного зайца. Или, скорее, страуса, которые как раз водятся в Вилемии.

– Ядовитой змеей?

– Нет же. Они не ядовитые. Не должны были быть ядовитыми, – поправила она. – Это была ошибка.

– Ошибка – это то, что ты еще не в подземелье.

Рыжая задрала нос:

– Я пришла извиниться.

– Перед Рамоном? – решила уточнить я, приподняв бровь. – Помоему, ты пришла не по адресу.

– Но попала куда нужно. Я надеюсь, мы можем все уладить.

Я что, похожа на идиотку?

– Уладим, – кивнула я. – Когда я увижу тебя в камере.

– За что?! – взвилась эта Мышь. Не заяц она, а мышь. Рыжая крыса. – За то, что меня подставили? К тому же, ты вервольф! Тебе вообще не страшен никакой яд. Повалялась бы пару дней с температурой, и все бы прошло!

Мое рычание, наверное, можно было услышать на другом конце острова:

– Я могла потерять из-за тебя ребенка, рыжая дрянь!

Я не расцарапала ей лицо (второй раз за все время пребывания на острове) исключительно потому, что Мишель ойкнула и уставилась на меня во все глаза. Если до этого она смотрела с помесью бравады и

страха, то сейчас в ее взгляде отобразилось искреннее изумление. И не только во взгляде: эмоции рыжей были такими сильными, что я читала их инстинктивно.

– Ты беременна? – выдохнула она и добавила совсем тихо: – От Рамона?

– Что бы я делала на его острове?

– Но... – Мишель-Мышель совсем сникла, будто из нее разом выкачали всю ярость, юношеский максимализм и желание огрызаться. – Так нечестно!

Ладно, насчет ярости я поспешила с выводами, но теперь меня с головы до пят окатило ее обидой. В блеклых глазах мелькнули слезы.

– Нечестно, что у вас будет ребенок, а у нас с ним – нет!

– Прости, но у вас с ним не может быть детей, – решила уточнить я, – вы разные виды.

– Ты ничего не понимаешь! – рявкнуло это рыжее недоразумение. – Он не хочет от меня детей, но другие ему не светят! Знаешь, что это означает? *Они* уже о тебе знают. О тебе и ребенке. И *они* против. Змея только начало. Предупреждение. Если *их* шпионы уже на острове, то я лучше постою в стороне, когда они придут за тобой.

То ли изумление заразно, то ли меня настолько сбilo с толку упоминание каких-то шпионов, потому что я даже не попыталась задержать Мишель, когда она, обогнув меня, выбежала из спальни. Девчонка либо бредила, либо хотела себя выгородить.

Либо у меня появился могущественный враг, о котором знал мой истинный.

Знал и ничего мне не сказал.

Глава 9

Можно было искать Рамона. По-хорошему нужно было искать Рамона и во всем разбираться. Сразу. Но я поняла, что никого больше искать не буду. И бегать за кем-либо тоже. Настолько ясно это осознала, что впору было собой гордиться. Ну или эта ночь и это утро вымотали меня окончательно, даже короткий сон не спас.

Поэтому первым делом, на автомате, я заперла дверь. Старинный замок закрывался с двух сторон, и я просто переставила оставленный в дверях ключ. На том, кто его оставил, решила не сосредотачиваться, но безопасность прежде всего. После того, как заперлась, обнюхала каждый сантиметр спальни и, не найдя ничего подозрительного (мало ли какой подарок оставила Мишель или мой загадочный недруг), отправилась в ванную.

Наша с Рамоном ссора не прошла бесследно для платья: я все-таки измазала его в медицинском геле. Стало стыдно. Странно, но стыдно за слова верховному и угрозы рыжей мне не было, а за некрасивые пятна на желтой ткани – еще как. Вот только эти пятна легко исправит обыкновенная стирка, с моим пребыванием на острове все сложнее.

Скинув платье в корзину, к счастью, пустую, без змей и каких-нибудь тараканов, я опустилась в огромную ванную, в которую быстро набиралась вода. Сейчас мне был жизненно необходим уголок уединения, чтобы хоть немного успокоиться, расслабиться и подумать. По идее, думать как раз было лишним, потому что мысли и расслабление обычно ходят порознь, особенно мысли о том, что кто-то на этом острове хочет моей смерти. И кажется не только на острове.

Верить Мишель – последнее, что мне хотелось, но рыжая не лгала. По крайней мере, она считала именно так. Она гордилась тем, что знает больше меня.

А что теперь знаю я?

У Рамона есть враги, которые не хотят, чтобы у него появилось потомство? Не от меня, а вообще. Но Рамон, наоборот, хочет детей, и готов их мать спрятать на острове. То есть меня, раз так получилось, что это я. Мишель тоже хочет детей от Рамона, потому что... влюблена

в него? Но это ей не светит по понятной причине. Она человек. Если она человек, то кто эти загадочные «они»?

Сюда бы Чарли! Это она обожает детективы, читает и пишет. Ее первая книга стала бестселлером.

Сделав глубокий вздох, я полностью ушла под воду. Это всегда меня успокаивало. Досчитала до пяти и вынырнула. Увы, мысли не прояснились, озарение не наступило.

Ладно, бес с ней с Мишель! Речь обо мне и моей дочери.

Я погладила живот. Предки, со всеми этими нервами я даже забыла о том, что узнала пол ребенка. Доченька, прости малышка. Не твоя вина, что у мамы в жизни сейчас все нервно. Но, как ни странно, именно биение крошечного сердечка моей сладкой маленькой волчицы заставляло дышать глубже и спокойнее. А еще рождало глубокую уверенность: если что-то или кто-то угрожает мой дочери на этом острове, то ни один верховный меня здесь не удержит!

Сегодня Рамону придется ответить на все мои вопросы. Пусть разбирается со своими врагами сам, а не вмешивает в эту войну мою дочь.

Решение, что если с верховным не получится по-хорошему, я буду действовать по-плохому, действительно придало мне сил. И не только сил, какого-то злого куража. Меня не смущало даже то, что я оказалась в его спальне без сменной одежды. Впрочем, здесь я тоже решила не расстраиваться и, высушив волосы, прошла в гардеробную. Одолжу у Рамона брюки и рубашку, не обеднеет...

Вошла – да так и застыла, потому что с моего прошлого визита гардеробная претерпела изменения.

Теперь вся мужская одежда висела с одной стороны, а с другой разместились юбки и платья: яркие, летние. Впрочем, женские брюки и футболки здесь тоже были, а еще нижнее белье, классика, спортивное, кружевное и сексуальное. Внизу полочки занимали несколько пар туфель, босоножек, сланцев. Даже беговые кроссовки нашлись. Причем ощущение такое, что тот, кто все это покупал, ничего не смыслил в базовом гардеробе и скупал все подряд. Но не это поразило меня: вся одежда и обувь была новая и моего размера, как утреннее платье. Значит, Рамон привез мне подарки с материка.

В другой раз я бы расценила этот жест как предложение мира, сейчас же только разозлилась. Пока он прохлаждался на материке, на острове завелись шпионы. Или кто эти загадочные «они»? Но сама одежда и ее создатели не были виноваты в косяках одного койота, так что я выбрала белое белье, легкие брюки и блузку.

Стоило застегнуть последнюю пуговицу, как раздался стук в дверь. Я вернулась в спальню, прислушиваясь и принимаясь. Разговор за дверью велся на вилемейском, но голоса и запахи я узнала сразу: один принадлежал Хавьеру, а второй – Альваро. Вспыхнувшее было облегчение тут же растаяло под мигмом сменившей его паранойей. Мне хотелось бы считать, что у меня на острове появился если не друг, то хотя бы приятель, но потом случились змеи, мой переезд и разговор с Мишель. И я честно уже не знала, что делать и кому доверять.

Разговор прекратился, и Альваро перешел на легорийский:

– Венера, открой дверь, пожалуйста.

Хавьер, еще один койот облезлый, сдал!

– Сомневаюсь, что это хорошая идея. Пусть тебе Рамон расскажет, почему.

– Я в курсе того, что произошло ночью. – Когда Альваро волновался, его акцент становился ярче, как сейчас. – И хотел бы поддержать тебя.

– Тогда ты должен понять, что это невозможно. Пока верховный не поймал и не наказал исполнителя.

С предательницей и так все ясно!

– Дело в том, что он поймал. И передал, что если ты хочешь присутствовать на суде, то он состоится через полчаса, на заднем дворе.

Я едва не рванула к дверям. Вовремя остановилась. Бес с ним, со странным выбором места суда. Я по-прежнему никому не верю.

– Пусть придет за мной сам, – ставлю условие.

Дожила: полагаться на Рамона. Но он хотя бы заинтересован в моем выживании и безопасности.

Хавьер то ли ворчит, то ли тихо ругается.

– Что он сказал? – спрашиваю у Альваро.

– Говорит, что такая дверь для вервольфа не помеха.

Я хорошо помню, что Хавьер тоже знает легорийский, поэтому возвращаю ему шпильку:

– Если твой начальник хорошо попросит, ему я дверь открою.

Альваро уходит, Хавьер остается, а я жду. Достаточно долго, чтобы решить, что за мной никто не придет. Решить и решиться на самостоятельный выход. Но стоит схватить ключ и подойти к двери, как в коридоре раздаются знакомые уверенные шаги верховного. Дело даже не в шагах, у меня в груди словно екает от его приближения, и я пока не знаю хорошо это или не очень.

– Открой дверь, Венера.

– Пожалуйста. – Чтобы избавиться от странного чувства, я поспешно проворачиваю ключ в замке.

Рамон мрачный и сосредоточенный, но не спешит делать мне выговор за то, что оторвала их верховность от важных дел.

– Ты можешь доверять Хавьеру, он связан со мной клятвой верности. Как и все вервольфы из моей охраны. Все вервольфы на острове.

– Тогда предупреди его, что я беременна, и ему не стоит пугать меня выломанными дверями.

Взгляд верховного более чем красноречив, а я – что? Я правда беременна!

– Что насчет людей?

– Альваро обязан мне жизнью. Что касается остальных... Рад, что ты позвала меня. Это разумный шаг.

Я сделала большие глаза:

– Ты меня похвалил и не пошел дождь? Загадка природы.

Черты лица Рамона смягчились, будто он собирался улыбнуться, но все-таки не улыбнулся. А может, мне все это показалось. Да и какое мне дело до его улыбок и до его ободрения!

– Уверена, что хочешь видеть суд?

– Я хочу знать, кто угрожал моей дочери.

– Нашей. Идем.

Мы идем какими-то новыми коридорами и спускаемся не там, где бассейны и беседка, а возле площадки, напоминающей открытый зал для йоги или других тренировок на свежем воздухе. Впрочем, стоит оказаться на улице, ни о какой свежести и речи нет – как в печь сунул. Единственный плюс площадки: у нее есть крыша из сухих пальмовых листьев, отбрасывающая густую тень, а еще мы с Рамоном останавливаемся аккуратно под единственным работающим

вентилятором, вертящим огромными, как у вертолета, лопастями и гоняющим туда-суда воздух. Неподалеку от Альваро и Мишель.

Вервольфы-охрана выстроились по периметру, так и замерли, а в центре на коленях и с опущенными головами замерли трое людей. Одну из них я даже знаю: эта женщина приносила мне еду. А других парней вижу впервые, но, присмотревшись, вздрагиваю. Потому что они совсем мальчишки.

Дети!

Тем сильнее хочется повырывать рыжей ее длинные патлы. Она почему не на коленях? Впрочем, Мишель довольной не выглядит, скорее, бледной и напуганной, но я не Рамон, чтобы вестись на эту игру в невинность.

Верховный переходит на велимейский. Женщина вскидывает голову и что-то ему отвечает. Если бы я еще что-то понимала, а так остается лишь ловить каждый взгляд, каждую интонацию, каждую эмоцию. Зачастую эмоции выдают сильнее слов или жестов, и подделать их практически невозможно. Женщина и не пытается: ее голос срывается, она говорит быстро – объясняет. Оправдывается? В ней и страх, и раскаяние, и тревога. Не за себя, за детей, догадываюсь я, когда она начинает эмоционально жестикулировать, указывая на застывших мальчишек.

Рамон одним словом прерывает ее начинающуюся истерику, словом, а еще взглядом. И женщина слушается: всхлипывает, но сразу же замолкает. По ее щекам катятся слезы, но почти беззвучно, не будь я волчицей, даже не услышала бы тяжелого дыхания. Не почувствовала бы отчаяния.

Это ее дети.

Мне не нужно знать чужой язык, чтобы понять, что мальчики ее сыновья. Я это чувствую, сама скоро стану матерью. Но тогда мне тем более непонятно – зачем все это?

– Что она сказала? – спрашиваю у Рамона. Смягчаю голос, чтобы это не звучало как требование.

– Сказала, что подсыпала тебе сонных цветов, когда ты принимала ванную. Много, чтобы сработало наверняка, а ее сыновья принесли в твою спальню змей.

Я нервно сглотнула. Действительно, вчера заметила другой аромат, но он был приятным, расслабляющим. Я и подумать не могла,

чем все закончится, а главное – чем все могло закончиться.

– Зачем они хотели меня отравить?

Рамон хмурится, и я впервые чувствую его эмоции. Не скрытые за маской отчужденности, а настоящие, чистые. До спокойствия ему далеко: верховный в ярости. Его ярость настолько яркая, что мне хочется поежиться, пусть даже она направлена не на меня.

Он переводит взгляд на мальчишек, и допрос продолжается. В смысле, ему почти не приходится спрашивать: они рассказывают сами. Сначала один, потом второй. Братья гораздо более сдержаны в эмоциях, чем их мать, но видно, что они также боятся гнева вервольфа.

– Зачем они это сделали? – повторяю я.

Ответ на вопрос Рамона можно не переводить: все трое смотрят на рыжую, которая стремительно бледнеет, хотя кажется, что сильнее просто невозможно. Ее мне не жалко, от слова совсем, а вот несчастную мать и детей... Верховный, очевидно, озвучивает приговор, потому женщина начинает плакать сильнее, просить, умолять, тянуть к нему руки. Вервольфы из охраны подхватывают ее и мальчиков, чтобы увести, и все это выше моих сил.

Я невольно подаюсь вперед и обхватываю ладонь Рамона двумя руками, заглядываю ему в глаза. Наталкиваюсь на замешательство, но сейчас речь не про нас с ним или про наши отношения.

– Что с ними будет?

– Ты была права, они уверяют, что исполняли приказ Мишель.

– Но ты этому не веришь?!

– Верю, – признается Рамон, чем удивляет меня. Я уже решила, что верховный свои ошибки признавать не любит, поэтому и не признает. – Я просто разочарован.

Он не лукавит, прежде чем Рамон успевает закрыться, меня цепляет его усталостью и... Боль? Эти эмоции настолько поражают меня, что я практически забываю о своем изначальном вопросе. Но охрана не успевает далеко увести несчастное семейство.

– Ты не ответил? Что ждет этих людей?

– Как в твоей стае наказывают за измену?

– Изгоняют.

– Здесь так же. Сегодня они покинут остров.

Мне бы выдохнуть с облегчением, но почему-то не выдыхается. Эти люди пытались навредить моему ребенку, а еще решения альфы –

главного на этом острове, не обсуждаются. Но я знаю, что такое быть изгоем. Я на своей шкуре ощутила, как это – оказаться выброшенной за борт упорядоченной, знакомой жизни. Только я была одна, а у этой женщины дети!

Руки я не убрала, а Рамон ладонь не высвободил, так что я просто тяну его на себя.

– Послушай, виноваты же не они.

И наталкиваюсь на холодную стену вместо эмоций.

– Она подбросили тебе змей. Чуть не стали причиной выкидыша.

– Им приказала Мишель.

– В том то и дело. Приказы отдаю здесь я.

– Почему тогда они решили иначе? Может, потому что ты позволил им считать, что рыжая здесь на правах первой волчицы?

Первой волчицей в стаях становилась приближенная к альфе женщина, его супруга, реже мать. Она находилась на второй ступени власти, ее слово закон, если альфа не распорядился иначе. Правда, на моей памяти все первые волчицы занимались делами стаи, благотворительностью, помогали в управлении поселениями вервольфов. Никто не вредил своей стае нарочно, хотя мать моего бывшего была той еще стервой, сомневаюсь, что она пошла бы против Августа, подорвав его авторитет. Даже после того, как узнала, что детей у нас с ним не будет, она не вредила мне. По крайней мере, физически, обидные слова и презрительные взгляды не в счет.

– Здесь нет первых волчиц, Венера. На острове живут люди, они не стая вервольфов, но и не рабы. Они наемные работники, выполняющие свою работу. Если работник не справляется с задачей, его увольняют, если он нарушает закон – сдают в полицию.

Я почувствовала, как краска отливает от щек.

– Их сдадут в полицию?

– Они ответят по человеческим законам, но это не должно больше тебя волновать.

– А что меня должно волновать, Рамон? – Поняла, что по-прежнему сжимаю его руку, и отпрянула. – Какое сегодня платье надеть? Главное, чтобы тебе проблем не доставляла. Но я не тупая кукла, которую можно задобрить брендовыми шмотками.

Лицо вервольфа закаменело.

– Это подарок, – процедил он.

– Нет, не подарок. Это пункт в нашем договоре про мое обеспечение. Подарки – это нечто приятное, долгожданное, сделанное от всего сердца.

Темные глаза сверкнули янтарем:

– У верховных нет сердца, Венера.

С этими словами Рамон развернулся и направился в сторону главной преступницы сегодняшнего суда. Будто предлагая мне либо остаться, либо следовать за ним.

Я выругалась. Мысленно. Не на него, на себя! Вот и чего спрашивается я завелась? Тем более на виду у Мишель и Альваро, которые прислушивались к нашему разговору. Правда, не уверена, что что-то слышали: стояли они далеко, а волчьим слухом не обладали. Зато у них было преимущество в виде знания вилемейского, но когда рыжая затараторила на местном, Рамон строго перебил ее на легорийском:

– Завтра отправишься на Торо, Мишель. На четыре месяца. На этот раз ты перешла все границы.

– Четыре? Месяца?! – взвилась рыжая. – Да чтоб она сдохла!

– Восемь.

– Вместе со своим ребенком!

– Год. А будет больше, если я еще раз услышу такое про мою дочь.

Мишель снова запричитала по-вилемейски, разрыдалась и бухнулась на колени перед Рамоном. Правда, сквозь тарабарщину я смогла различить несколько уже выученных слов: «мой», «люблю» и «твоя». Кажется, она просила прощения и клялась в любви.

Даже мне стало неловко: это же надо так унижаться перед тем, кому ты совершенно безразлична. В последнем сомневаться не приходилось, Рамон смотрел на нее, как родитель на истеряющее дитя, требующее в магазине игрушку, но точно не как мужчина смотрит на женщину, с которой его связывают романтические чувства. Или постоянный секс. Максимум короткая интрижка.

Он ответил ей, но я опять поняла от силы треть фразы. Там было что-то про долг и сказки. При чем здесь сказки? Мишель надумала себе больше, чем было на самом деле? Учитывая, что верховный

обладает уникальной способностью всех от себя отталкивать, я в это легко поверила. А вот что с долгом?

– Альваро, – приказал Рамон, и помощник подхватил всхлипывающую и ругающуюся Мишель. Которая, правда, быстро пришла в себя и, посмотрев мне в глаза, выплюнула:

– Ты вернешься ко мне, когда они до нее доберутся. А я подожду.

Сбросив руки Альваро, отряхнула свое платье и с видом идущей на плаху королевы направилась к Хавьеру и охране.

– Торо? – переспросила я. – Это разве не второй остров к югу отсюда?

– Да.

Сказать, что я обалдела, значит, ничего не сказать. Понятно же, что рыжая там не в палатке жить будет.

– И ты считаешь, этого достаточно? Достаточно для той, что покушалась на жизнь нашей дочери?

– Этого достаточно для нее.

– Отошли ее на материк.

Рамон упрямо сжал губы:

– Я связан обещанием, Венера. Но ты ее больше не увидишь.

– Потому что через год меня здесь не будет? – догадалась я. – Ну так зачем ждать? С радостью улечу отсюда сейчас! Я не останусь там, где моей дочери угрожают твои долги, твои женщины или твои слуги.

Вспыхнувшей волчьей яростью взгляд сказал ответил мне лучше слов.

– Нет, – это короткое слово упало между нами с лязгом металла, стеной, за которой мое терпение разом кончилось.

– Значит, я здесь пленница? Накосычила рыжая, а отвечаю я?

– Если тебе хочется так думать.

Глава 10

Рамон

У ее разочарования был соленый привкус океана.

Только что Венера горела мстью, все в ней пылало от желания на него наброситься. Все в ней кричало об этом: сияющая желтым радужка, сжатые кулаки, сбившееся дыхание и высоко вздымающаяся грудь. Только что она хотела ударить его. Возможно, перекинуться в волчицу, укусить этого бесчувственного засранца, которого видела перед собой и который по какой-то нелепой причине оказался ее истинным. Только что она готова была сражаться, но после его слов просто разжала кулаки и отступила на шаг.

Тогда он и почувствовал ее разочарование на вкус. Не просто почувствовал, Рамона окатило им, сбило с ног, будто океанской волной. Слишком много разочарования за одни сутки, но ее чувствами ударило сильнее, чем собственными. Она смотрела на него так, будто Рамон отобрал у нее последнюю надежду.

Но разве не этого он добивался?

Оттолкнуть ее, чтобы волчица не строила никаких планов на то, что они смогут стать семьей. Не смогут. Потому что он верховный. Потому что его прошлое, его происхождение не позволит ему уйти в тень, не позволит просто жить и наслаждаться этой жизнью. Потому что он и так обманул Волчий союз, обошел главное правило, и им это не понравилось. Настолько не понравилось, что они только и ждали, когда же он оступится. Когда же облажается. И дождались.

Одна упрямая волчица и нестерпимое влечение к ней совершенно не вписывались в его планы. Рамон думал, что ночь в Легории наваждение, что подосланная Домиником Экротом секретарша просто скрасила его пребывание там. Но стоило улететь в Вилемию, он совсем скоро понял, что не может перестать думать о ней даже спустя месяц. Она снилась ему. Он искал ее черты в других женщинах и не находил. Поэтому вернулся. Вернулся и узнал, что у той ночи есть последствия.

Ребенок тем более не входил в его планы. Не вернись он за Венерой, Рамон так бы и не узнал, что она носит его дочь. Но он узнал, и не смог сделать вид, что ему все равно. Потому что все равно

ему не было. Ярость очень быстро сменилась... Радостью? Надеждой на искупление?

Он не знал. Но точно знал, что предки дали ему второй шанс.

Дочь. Волчонок. Не по бесовому договору, а только его. Его маленькая семья. Стая.

Когда Рамон увидел крошечный эмбрион на мониторе, его сердце забилося в разы быстрее. Восхищение. Волнение. Нежность. Страх. Все это смешалось в дичайший коктейль, потому что дочь означала новый договор с Союзом. Если в ней проявится хоть капля его проклятых генов! Лучше был бы сын. Но природа не выбирает, она всегда знает лучше. Как и в случае с тем, что у них с Венерой вообще получилось создать чудо.

Чудо, которому по-прежнему грозит смертельная опасность. От его давнего врага, не от Мишель. Пусть даже напугать Венеру змеями было ее идеей, редкую осиную гаргу, одну из самых ядовитых змей в мире, подбросила не она и не мальчишки. Хотя бы потому, что гарги на этих островах никогда не водились. Их отлавливали на материке, в джунглях Икьена. Сотни лет назад аборигены смазывали змеиным ядом дротики, чтобы охотиться на аирасу – перевертышей. Яд действовал на нервную систему вервольфов, вызывал временный паралич во всем теле и лишал возможности трансформироваться, зачастую это был необратимый процесс. Вервольф навсегда оставался волком. Или человеком. Как повезет. Не говоря уже об эмбрионе. Его дочь погибла бы, не явись он на зов Венеры!

Но это точно не те знания, которые можно отыскать в Интернете или в библиотеке, не говоря уже о том, чтобы отыскать и поймать гаргу. Не просто поймать: притащить змею на его остров. На такое был способен только *безликий*.

Один из которых по-прежнему находился здесь.

Как давно среди его людей затесался шпион? И кто он? Ясно то, что они в курсе всего, что здесь происходит. На его острове.

Рамон не вчера родился, чтобы не понимать, что они нацелены на Венеру. С тех пор, как узнали о ней. Как узнали о ребенке. Кошмар, который он испытал десять лет назад, грозил повториться, а у него как не было доказательств, так и нет. Ни тогда, ни сейчас.

Он подобрался к ним настолько близко, насколько мог, но недостаточно. Пока недостаточно.

Десять лет.

Десять лет он выпиливал из своей жизни любую даже самую малую слабость. Все, чем можно было его зацепить. И потом встретил ее.

Венера была уверена, что она его истинная. Но Рамон знал, что это не так. Не может быть так. Потому что у него уже была истинная. Женщина, ради которой он был согласен умереть. Которая, узнав правду, выбрала не его. Она предпочла считать его злодеем, обвинить во всем. Он любил ее, но где сейчас та любовь? Спустя годы он ничего не чувствовал, хотя когда-то считал, что расстается с половинкой души.

Венера говорила ему о любви, хотела ее. Но она ошибалась насчет их парности. У него не может быть истинной. Зато может быть дочь.

Будет дочь.

– Рамон, – Хавьер застал его бредущим по пляжу. Обычно это успокаивало, но не в этот раз. А вот голос вервольфа заставил напрячься еще больше.

– Что случилось?

– Венера. Она исчезла.

– Что значит – исчезла?

Его голосом можно было крошить скалы, тона не повысил, но до спокойствия, привычного равнодушия уже слишком далеко. Хавьер, который следовал за ним везде вот уже несколько лет, и тот едва не попятился. Был бы в волчьем облике, наверняка пригнул бы уши, а так поспешно пояснил:

– Марро провожал ее в спальню, но она не дошла, свернула в уборную на первом этаже. Сказала, что хочет умыться. Смыть слезы.

Живущее в нем чудовище заворочалось в груди, кольнуло в месте «несуществующего» сердца.

– Включила воду, и это помешало ему все слышать. А когда спустя пятнадцать минут Марро вошел в уборную, то обнаружил распахнутое окно. Она выбралась через него.

– И? – нетерпеливо потребовал Рамон, направляясь в сторону дома. – В чем проблема ее найти?

– Он не смог. И я тоже. След пропал. Оборвался. То ли она что-то сделала, то ли...

Хавьер не закончил, но в его же интересах, чтобы не было никакого «то ли». Рамон привык оценивать ситуацию трезво, по фактам, но до этого момента это не касалось Венеры и его дочери.

– Камеры?

– Одна зафиксировала ее возле особняка, – он показал запись на планшете. – Она ушла на север. Проверяем ту территорию, но она больше не попала в объектив. Приказать парням прочесать весь лес?

– Почему ты все еще здесь? – зарычал Рамон.

Хавьер был на полголовы его выше, но сейчас словно стал меньше. Пока безопасник отдавал приказы, верховный добрался до кромки леса, в котором, если верить записи с внешних камер, скрылась Венера. Коснулась ствола высокой пальмы, наступила на шелуху листьев, а после ее аромат действительно будто испарялся. Рамон коснулся пальцами тропинки, словно пытаясь впитать тепло ее шагов.

– Я не знаю, как такое возможно, верховный, – пояснил Марро, молодой вервольф и кузен Хавьера. – Я лучший следопыт, и все равно не могу восстановить след. Не по воздуху же она ушла!

Рамон шутку не оценил.

– Она беременна, щенок, – процедил он, выпрямившись. – И не хочет, чтобы ее нашли. Поэтому новый гормональный фон позволяет ей маскироваться круче спецназа.

Не говоря уже о том, что она носит его ребенка, и он понятия не имеет, как в ней раскроется его наследие и какими еще уникальными способностями отзовется.

Хорошая новость – Венера действительно ушла по своей воле. Плохая... Найти ее будет сложно даже несмотря на ограниченное пространство поисков. Куда вообще может пропасть с острова одна маленькая, но очень ценная волчица?

– Мы нашли одежду, – из чащи вышли еще двое вервольфов с одеждой и обувью Венеры. – Она ее сбросила.

– Она перекинулась, – подтвердил Рамон и заметил потрясенные лица Хавьера и остальных. – То есть, хотите сказать, что вы искали на камерах девушку, но не додумались высматривать волчицу? Предки, Харьер, она же не Мишель. Венера волчица.

Их можно было понять: долгие годы вервольфы следили за человеком, но и мозги тоже нужно включать.

Безопасники бросились работать, наконец-то действительно работать, и так накосячили по полной. Только спустя десять минут ему притащили запись сектора, где маленькая серая волчица все-таки попала на камеру. Достаточно далеко и достаточно давно, но у них была зацепка.

– Поднять в воздух вертолеты? – поинтересовался Хавьер, а Рамон поморщился, как от зубной боли, если бы последняя его когда-либо беспокоила.

– И напугать ее? – верховный сбросил туфли и принялся раздеваться. Хочешь сделать хорошо – сделай сам. – Следите за камерами. Чтобы никаких незваных гостей.

Одежда упала к его ногам бесформенной тряпкой, и Рамон шагнул в лес уже зверем. Шагнул и тут же сорвался на бег, обращаясь к тонкой хрупкой нити, что связывала его звериную часть с волчицей. Он все время блокировал ее, сдерживал, но сейчас наоборот отпустил себя и спустя мгновение услышал слабый отклик.

Этого было достаточно, и он ринулся вперед.

Венера

Как все волки, я любила бегать в лесу. Быть ближе к природе. Но сегодня мне это было не просто важно – жизненно необходимо. Я чувствовала себя снова в клетке, зажатой в тисках капкана. Мне не хватало воздуха, прутья моей тюрьмы будто сдвигались, и хотелось почувствовать хотя бы тень свободы. Хоть бы на несколько минут забыть обо всем. И я побежала. Вернее, убежала.

Из особняка Рамона.

От того, кто посадил меня в клетку.

Под лапами хрустели сухие листья, тропический лес отличался от родного хвойного. Он был более громким: в Легории тоже пели птицы, но здесь они словно пытались друг друга перекричать, заводя каждая свою песню и соперничая со стрекотом многочисленных насекомых и далеким, но слышным для чувствительного волчьего слуха гулом океана.

Бег всегда помогал мне расслабиться, он был моей медитацией задолго до того, как я попала на терапию к Хелен. Психолог только подтвердила, что с помощью бега моя психика защищалась от стресса.

Лучший рецепт – перекинуться и бежать куда глаза глядят. Но на этот раз что-то пошло не так.

Возможно, потому что от переполнявших меня чувств хотелось остановиться и горестно завывать. А может, потому что в тропиках жарко, а мех моей волчицы приспособлен к более прохладному климату. В общем, я быстро устала, несмотря на то, что пробежала от силы пять-шесть километров, и захотела пить. К счастью, до ушей донесся шум воды, и я свернула к его источнику.

Это оказался не просто родник, а целый каскад небольших водопадов. Подобную красоту я видела разве что на обложках журналов про дикую природу и в рекламных проспектах. Там обычно предлагали посетить девственные экзотические леса и отдохнуть от человеческого обличия. Подобные туры действительно пользовались спросом среди вервольфов, выпущенный на волю зверь наполнялся чувством свободы, это словно объединяло нашу двойственную натуру. Лес на острове Рамона девственным не был: по пути сюда я выбирала самую чащу, но то и дело наталкивалась на многочисленные узкие дорожки и даже на широкую дорогу, по которой вполне мог проехать джип. Я их избегала, потому что где дорожки, там и люди, но не обманывалась. Стоит верховному послать за мной свою охрану, они вмиг меня настигнут.

Даже странно, что еще никто меня не догнал! Когда я вылезала в окно и перекидывалась волчицей, я действовала на инстинктах, не особо рассчитывая на успех. Но и сейчас понимала, что мою пропажу быстро обнаружат. Так почему нет слежки? Иногда я останавливалась, прислушивалась, но в музыкальной картине леса ничего не менялось. Птицы, насекомые, океан, теперь вот водопады. Их рокот вообще затмевал все звуки.

Последний и самый высокий водопад впадал в небольшое озеро. Спрыгивая с камня на камень, я осторожно спустилась в нему. Вошла по лапы в воду, чем распугала мелкую рыбешку, и принялась жадно пить. Несмотря на жару, вода оказалась прохладной. То, что нужно!

Напившись, улеглась прямо на камне, в тенечке. Положила морду между лап и тяжело вздохнула. Бег немного притупил мои чувства, но сейчас они вернулись снова. Меня настигло странное ощущение дежавю. Разве что вместо лавочки был камень, вместо снега – брызги воды. Ну и конечно, меня никто не прогонял – я ушла сама. Там, в

прошлом, была свобода, с которой я не представляла, что делать. Здесь, в настоящем, была моя крошка и ее невыносимый тиран-папаша. И если бы только он!

Невозможность общаться с друзьями.

Рыжая на соседнем острове.

Непонятные «они», что желают смерти мне и моему ребенку.

Люди до сих пор верят, что у вервольфов две личности: волк и человек. Что если перекинуться в зверя, на время забудешь все, что тебя беспокоит. Но это не так, нет никаких двух личностей. Да, вервольфы привыкли разделять себя и своего зверя, но это скорее разделение на разум и чувства. Рациональность и инстинкты. Сложно объяснить, но что женщиной, что волчицей, сейчас я чувствовала себя одинаково. Растерянной. Расстроенной. Раздавленной.

Захотелось повыть, и я от души, протяжно завывала, вкладывая в этот звук всю свою боль, все чувства. Получилось жалобно и горько.

Птицы испуганно сорвались с ближайших веток и взлетели в небо, и это меня отрезвило. Вернуло в реальность, в которой этот остров и этот лес не были домом. Если на территории Конеллов, в стае, где я выросла, или в Черной долине, на землях моего бывшего мужа, я хорошо все знала, то об этом месте не знала ни беса. Кроме того, что здесь растут сонные травки и водятся ядовитые змейки. А вдруг не только змейки?

О мысли о том, что еще я могу встретить в незнакомом лесу, зашевелилась шерсть на загривке. Когда я уносила лапы подальше от особняка, я не думала о том, куда, собственно, я их уношу. Лишь бы подальше от Рамона! Но сейчас осознала, что я действительно одна, где-то посреди не очень дружелюбного острова.

Не одна, мысленно поправила себя я. С крошкой. Но от этого совсем не легче. Совсем-совсем не легче.

Будто в подтверждение набирающему обороты волнению, птицы снова сорвались с насиженных мест, на этот раз с другой стороны озера и без моих заслуг. Я подскочила, прислушиваясь и всматриваясь в стену деревьев.

Правда, шум воды не позволял сконцентрироваться: ирония — именно так я сбежала от своего телохранителя. Но теперь это мешало мне. Поэтому я не услышала его появления, зато увидела.

К водопадам шагнул огромный зверь и без труда взглядом отыскал меня.

Сомнений не было – он здесь по мою душу.

Я выросла в стае и множество раз видела, как мужчины перекидываются в волков. Они были крупнее, больше волчиц. Но еще никогда мне не доводилось видеть подобного зверя. Темная шерсть, мощное тело, огромный череп и гигантская, больше, чем у любого волка, пасть с острыми зубами. При виде его зубов мне стало совсем нехорошо. А эти глаза убийцы!

Если против человека я в своем волчьем облики могла бы выступить, то против этого совершенного хищника у меня не было шансов.

Бежать! Слово ярким неоном вспыхнуло в моей голове, и я попятилась. Если рвану сейчас к истоку реки, у меня будет фора, потому что ему придется огибать озеро. Вервольф, а сомнений в том, что это существо разумно, у меня не было, будто просчитал мой ход и прыгнул с разбегу в воду.

Будь я человеком, я бы заорала, но сейчас я была волчицей и просто ломанулась вверх. Тем же путем, что попала сюда. Но поскользнулась на первом же камне, сорвалась, проехала на пузе и к своему огромнейшему ужасу свалилась в озеро. Если там, где я пила, было неглубоко, то чуть дальше я просто ушла под воду с головой. Сразу же вынырнула и, кашляя, попыталась забраться на берег, но лапы только царапали камень, а я соскальзывала вновь.

Когда меня сзади обхватили чьи-то сильные руки, я зарычала, цапнула его за запястье. Но монстр вдруг вытолкнул меня вверх, и я легко запрыгнула на валун. Развернувшись, готовая драться.

И натолкнулась на горящий оранжевым взгляд... Рамона?! Он стоял по грудь в воде и настороженно смотрел на меня. Весь мокрый: темные волосы намокли и налипли на мужественное лицо, грудь тяжело вздымается, как об быстрого бега или плавания. Инстинктивно я вскинула голову, заскользила взглядом по водной глади в поисках чудовища, что погналось за мной. Мозг все еще отказывался верить в то, что мы здесь одни. Хотя теперь волчица улавливала запах истинного. Теперь улавливала. Это значит, что...

Он и есть монстр?

– Венера? – голос верховного выдернул меня из оцепенения. – Обернись!

Короткий приказ, и я сменила ипостась совершенно произвольно. Моего контроля тут точно не было, я осознала себя уже человеком, точнее, сидящей голой задницей на валуне женщиной.

– Что? – я даже себя ощупала и попыталась снова перекинуться, но у меня ничего не получилось. – Как такое возможно? Я не давала тебе клятву преданности.

– Это не обязательно, если ты признала меня своим альфой. Или истинным, что сути не меняет.

– Ты знал, – дошло до меня. – И воспользовался мною, когда я случайно попала в твою спальню. Ты воспользовался этой властью.

То есть все хуже, чем я думала. Меня затрясло, но на этот раз мне не хотелось выть и плакать. Нет, теперь мне хотелось крови одного конкретного верховного!

– Ты в порядке? – поинтересовался вервольф, когда я опустила взгляд, прячась за завесой спутанных волос.

– Я не в порядке! – рыкнула я и резко прыгнула вперед, прямо на Рамона. – Чудовище! Ты напугал меня, из-за тебя я чуть не утонула. А еще... Из-за тебя меня чуть не убили! Привез сюда, закрыл и думаешь, что нам с дочерью этого достаточно.

Все это я выкрикивала вместе с ударами кулаками по его груди и плечам. Не сразу, но Рамон меня перехватил, а я дотянулась и укусила его за плечо.

– Это тебе за рыжую!

– Хватит, – меня встряхнули, а когда не сработало, он просто нырнул вместе со мной.

Воздух сорвался с моих губ многочисленными пузырьками. Глаза я так и не закрыла, поэтому успела заметить разметавшихся в разные стороны рыбешек и горящие глаза вервольфа. Это и успела заметить, потому что Рамон крутанул меня под водой, и вынырнули мы уже вместе. Только я оказалась прижатой к его груди спиной, а мои запястья он зафиксировал другой ладонью.

– Хватит, – повторил он мягче, случайно касаясь губами моего уха. Случайно ли? – Ты навредишь себе еще больше.

– Ты хотел сказать – наврежу ребенку.

Я перестала сопротивляться из-за дочери, и потому что все силы ушли в эту вспышку ярости. А еще осознала, что мы оба абсолютно голые и прижимаемся друг к другу в абсолютно недвусмысленной позе. Настолько недвусмысленной, что я чувствую ягодичами его возбуждение.

От этого осознания кровь сильнее побежала по венам, пульс участился, а дыхание сбилось, будто я по-прежнему была под водой.

– Я сказал то, что сказал.

– Да ты самый многословный волк из всех, кого я встречала!

К моему изумлению, он поднес мои ладони к своим губам и провел по ним языком, зализывая сбитые пальцы – результат моей неудачной попытки вскарабкаться на валун. Сначала один палец, затем другой... Рамон словно вознамерился облизать меня всю. Это и неудивительно, потому что после оборота звериная часть сильна. Даже я чувствовала это возбуждение. Это желание, струящееся по телу.

– Не нужно, – запаниковала я, чувствуя, как меня ведет. Как я снова теряю контроль. – Не заставляй меня.

– Разве я тебя заставляю, пена? – это милое словечко отозвалось в груди, прокатилось лаской по коже. – Это ты держишь меня на крючке.

Его признание заставило распахнуть глаза шире, и задохнуться от остроты ощущений, когда Рамон скользнул ладонью по моему животу, касаясь меня между ног. Пока что ласково, неспешно, будто пытался распробовать меня на вкус.

– С той ночи в «Кингтоне».

Дразнящий поцелуй-укус в шею – и меня всю бросает в дрожь. От этого, и от ласки его пальцев.

– Не выходишь из головы. Ты засела во мне занозой. Но знаешь...

Я с шумом выдыхаю, когда он вводит в меня сразу два пальца. Запрокидываю голову, подаваясь навстречу его движениям. Инстинкты сильнее меня, а колени давно меня не держат.

– Я одновременно хочу не думать о тебе, Венера, и просто тебя хочу. Сейчас. До. После. Рядом с тобой и вдали от тебя. Постоянно.

Не знаю от чего больше кружится голова: от его признания или от того, что движения во мне становятся ритмичными, резкими. Но мне этого мало.

– Ты можешь остановить меня. В любой момент.

Остановить? Он сумасшедший!

– Нет. Я тоже тебя хочу, Рамон, – выдыхаю. Хочу еще добавить, объяснить, но это не нужно.

Он понимает. Разворачивает меня к себе и подхватывает под бедра, входя одним резким движением и заполняя меня собой. Возбуждение гуляет в моей крови, поэтому я чувствую только восхитительное ощущение растянутости. Смесь боли и наслаждения. Вода слегка приглушает мою чувствительность, и лишь это не позволяет немедленно прийти к финишу, взорваться миллионами брызг экстаза. Растягивает удовольствие.

Мое.

Его.

Наше.

Мы слишком возбуждены, чтобы выдержать длинную гонку, хотя в сравнении с прошлым разом Рамон практически нежен. Как тогда, в Крайтоне, в ночь, которая связала нас друг с другом. Но каждый его толчок, каждое мое движение ему навстречу приближает меня к чему-то восхитительному.

Еще чуть-чуть.

Еще немного.

И внутри меня словно раскрывается дикий и горячий цветок удовольствия. Звериного, прекрасного, закручивающего меня в свои вихри. Затягивающего на самую глубину.

Я вскрикнула, сильнее обхватывая Рамона бедрами, сжала его внутри. Задрожала, впитывая его рычание и дрожь оргазма, сотрясающую его сильное мужское тело. А потом он меня подхватил, не позволяя без сил в очередной раз нырнуть под воду. Подхватил и вынес на берег.

Только оказавшись на ногах, которые не сказать, чтобы хорошо держали из-за отголосков пережитого удовольствия, поэтому держаться приходилось за Рамона, я поняла, что на мне нет одежды. И на нем ее тоже нет. Если в волчьем обликии это было нормально, то человеком захотелось прикрыться. Что я и сделала, обхватив себя руками и отступив, отвернувшись от верховного.

Момент близости прошел и оставил после себя сладкое послевкусие. Только я помнила, что не стоит им обманываться. После секса с Рамоном ничего не меняется, лишь больше возвращаться с

небес на землю. Особенно сейчас, когда сама ему все позволила, все разрешила.

– Прежде ты не стеснялась, – намекнул этот любитель подглядывать на мое дефиле из бассейна.

– Снова намек на недостаток нравственности? – я впила пальцами в плечи, но голос все-таки прозвучал спокойно.

– Нет, – удивил меня вервольф. – Я знаю, что с нравственностью у тебя все в порядке. Что ты к себе никого не подпускала после неудачного брака. Просто в это сложно поверить.

Я повернулась к Рамону, подозрительно прищурилась:

– Потому что мы занимались этим в озере, и я не краснела?

– Нет, – он шагнул, и я едва сдержалась, чтобы не попятиться. Не из-за страха, из-за нашей наготы. Из-за его аромата. Из-за воспоминаний обо всем, что сейчас между нами произошло. Он коснулся моих волос, намотал влажную прядь на палец. – Потому что ты очень отзывчивая. И очень страстная.

Рамон произнес это как факт, но мне снова стало жарко. Кожа вспыхнула, когда он коснулся моей щеки. Теплый камень грел ступни, а мне бы сейчас на льдину встать, чтобы остыть. Можно было признаться, что меня еще ни к кому так не тянуло. Но еще чего!

– Родилась такой. Еще бы на мужчин везло, вообще бы все замечательно было.

Рамон сжал губы и отнял руку.

– Не стоило тебе ко мне приближаться.

– Приближаться? Ты сам ко мне подошел! На быстрых свиданиях, где я рассчитывала познакомиться с человеком.

– С человеком?

Кажется, у меня получилось его удивить, потому что Рамон приподнял брови. Вид у него стал такой, будто я сообщила как минимум о каком-то извращении.

– Еще скажи, что ты расист, – хмыкнула я.

– На моем острове больше людей, чем вервольфов, похоже на то, что я расист?

А еще есть Мишель, чтоб ее катер до Торо не довез! Ну да, с выводами я поторопилась.

– Как я уже сказал, ты слишком страстная для человека. Почему ты не нашла себе волка?

– Мне не нравится этот разговор, – призналась я.

– Почему? – с нажимом повторил верховный, вернувшись к своему привычному образу, даром, что сейчас без штанов.

– Потому что у меня не может быть детей! – выпалила с горечью, и тут же исправилась: – Не могло быть... Врачи крест на мне поставили, поэтому то, что случилось после той ночи – чудо. Теперь понимаешь, почему я не откажусь от ребенка?

– Понимаю. Не понимаю, почему мужчины отказывались от тебя из-за такого. Идиоты.

Я мигом забыла и про наготу, и про дистанцию: шагнула к нему, быстро, яростно, задирая голову, глядя в глаза.

– Разве мужчинам от волчиц нужны не только дети? Продолжение их славного рода. Сексуальное напряжение может и любовница снять, а вот детей можно сделать исключительно в постели со своей расой. Вот ты, например! Ты тоже хочешь ребенка, я же тебе совершенно не сдалась.

– Я не пример, пена. Скорее исключение из правил.

– Почему?

Я спросила, не особо надеясь получить ответ. Весь мой опыт общения с Рамоном показывал, что вопросов с моим загадочным истинным больше, чем ответов. Он ходячий ребус и подсказок не дает! Тем неожиданней было услышать:

– Потому что веду свою войну, и рядом со мной находиться опасно.

Кажется, брачные игры в озерах развязывают язык или вправляют мозги! Понять бы еще, что стоит за этим его «опасно».

– Это ничего не объясняет, – я покачала головой. – Ничегошеньки. И, честно, пугает меня все больше и больше. Если мне рядом с тобой грозит опасность, то значит, и моей дочери тоже. Так какого беса ты притащил нас на этот остров?

– Потому что это самое защищенное место в мире. – Очевидно мой взгляд достаточно красноречиво сообщил ему о том, что я думаю о местной безопасности. – Было самым защищенным местом в мире. Это не отменяет того, что мне нужен мой ребенок, Венера.

– Зачем?

– Продолжить род, ты правильно все поняла. Можно сказать, это мой единственный шанс.

Приехали. У него вроде проблем с тем самым нет, в смысле, со страстью, с кульминацией, и с популярностью, наверное, тоже. А учитывая, как мы лихо заделали дочь, у него вообще с этим проблем нет. Тогда о каком шансе речь?

– Мишель считает иначе.

Глаза верховного вспыхнули, напоминая о чудовище, которое я видела, и у меня побежал холодок по спине. Вот и сейчас Рамон будто стал человеческой версией своего зверя – опасным.

– Что она тебе сказала? – не спросил, потребовал.

– Что хочет от тебя ребенка, – усмехнулась я, показывая свое отношение к подобным заявлениям. – Но это невозможно!

– Возможно.

– Что?!

По ощущениям мои глаза стали размером с блюдца, а может и вовсе как тарелки. Она же человек! Человек...

– Она имани?

– Имани? – нахмурился Рамон.

– Такая же, как Шарлин. Моя подруга, супруга Доминика.

– Да. Именно.

Меня натурально повело. Я чувствовал себя компьютером, который попросту завис. Так и я зависла.

– Но как? Откуда... Откуда тебе об этом известно?

Например, Чарли узнала, что она имани, случайно, когда забеременела от Доминика. Или есть другие способы определить, подходишь, как вервольфам или нет? Не говоря уже о том, что вся информация Рамона противоречила одна другой и отказывалась укладываться в моей голове. Мишель на острове, но моя дочь его последний шанс. Что вообще происходит?!

Правда, на этом лимит верховного красноречия иссяк. Потому что он посмотрел на небо и заявил:

– Нам пора возвращаться. Скоро закат, и ночной лес не самое приятное место. Сможешь перекинуться и бежать за мной? Только честно.

– Р-р-р-амон! Не уходи от ответа.

– Не буду. Но разговоры отменяются до возвращения в особняк.

Верховный был бы не верховный, не поставь он ультиматум, и я сдалась. Тем более что солнце действительно уже скрылось за

деревьями, и водопад перестал быть дружелюбным местом.

– Я устала, – призналась я. – Но обратную дорогу выдержу.

Меня смерили пристальным взглядом.

– Добежим до дороги, а после я прикажу прислать за нами машину.

– В смысле – прикажешь?

– Через камеры.

– Здесь камеры? – я даже подпрыгнула, оглядываясь.

У меня нет привычки краснеть, но сейчас на щеки натурально плеснуло жаром. То есть мы тут безопасникам бесплатный канал для взрослых устроили? И этот... койот бесстыжий меня не предупредил?!

– Здесь нет, – успокоил меня Рамон и тут же «обрадовал»: – Поэтому можешь забыть о самостоятельных прогулках по острову.

Мне такой поворот не понравился. Не то чтобы я стремилась изучать леса острова в одиночку, но вот эта категоричность и ограничение моей свободы бесили. Я даже зубами скрежетнула, когда перекинулась в волчицу. Вздрогнула, снова увидев зверя Рамона. Причем моя звериная часть теперь не хотела сбежать и спрятаться за высоким кустом, кажется, волчица поняла, что монстр наш защитник, поэтому можно ничего не бояться. Совсем! Бегать с ним по лесу было приятно: он выбирал самые простые участки, когда нужно пропускал меня вперед, следил за тем, чтобы не отставала. Такая забота по-волчьи. Можно было бы расслабиться и вообще ни о чем не думать. Но вот человеческим сознанием я это объять не могла, то и дело, украдкой рассматривала его крупные лапы или острые, как кинжалы, зубы. Только когда встречалась взглядом с бегущим рядом зверем, напоминала себе, что это Рамон. Оставалось понять, кто он, и почему такой.

Еще одна большая загадка, разгадывать которую сейчас сил не было. Да и расспрашивать я могла лишь в человеческом облике.

Дорога оказалась недалеко от озера, мы добежали туда еще до того, как солнце начало стремительно закатываться за горизонт. Здесь это происходило быстро – пятнадцать минут и темно. Так что звук приближающегося авто я расслышала, когда небо стало насыщенно-красным, мягко переходящим в лиловый. Через пару минут машина вынырнула из-за поворота, подмигивая светом фар.

Рамон мигом обернулся, чем вызвал у меня вздох облегчения. Просто так мне было привычнее. Он взял плед из рук вышедшего из джипа вервольфа, а после развернул передо мной ткань, заслоняя мою волчицу от любопытных взглядов.

Я не стала ждать, пока мне прикажут перекинуться и тоже вернула себе человеческий облик. И охнула, когда меня, как ребенка, замотали в плед и подхватили на руки.

– Я могу сама, – закопошилась я скорее из принципа, чем из желания куда-то топать. Меня напугало это ощущения уюта и безопасности – я прекрасно помнила, как бывает потом, когда забота верховного заканчивается. С него станется нести меня и уронить. Не буквально, конечно, но падать все равно будет больно.

– Босая?

Не отпустит? Ну и ладно. Может, мой побег что-то изменил...

Я тут же затолкала эту надежду туда, где ей самое место – на дно собственных фантазий, и поняла, что устала настолько, что даже если Рамон оставит меня в лесу, свернусь клубком и буду спать. Даже не твякну в сторону уезжающих джипов.

Конечно же, меня никто оставлять не собирался: Рамон забрался на переднее сиденье вместе со мной, благо размеры и отсутствие крыши у внедорожника позволяли поместиться. Плед оказался из какой-то приятной охлаждающей ткани, и я задремала, а проснулась, когда мы вернулись в особняк.

Правда, короткие взгляды Хавьера и других безопасников говорили о том, что меня теперь сильно не любят. Рамон им что, пытки пообещал за мой побег? Этих взглядов хватило, чтобы понять, что отныне мне лишнего шага не дадут ступить.

Плохо. Для волчицы клетка – вызов и большая печалька. В смысле, это вызывает во мне желание брыкаться.

Спать резко расхотелось, поэтому, когда Рамон притащил меня обратно в свою спальню, я заявила:

– Хочу есть.

– Я прикажу, чтобы тебе принесли сюда еду.

– Не надо сюда. Я хочу поесть нормально, за столом. Поужинаем вместе.

Я специально не спрашивала, а ставила его перед фактом: надо пользоваться, пока Рамон добрый. К тому же, он задолжал мне

объяснения. Про Мишель. Про себя. Про тех, кто охотится на нашу дочь.

– Хорошо, – кивнул верховный после короткого раздумья. – С одним условием.

– Каким? – напряглась я.

– Доктор Сураза сначала тебя осмотрит.

Против этого я ничего не имела. Все, о чем я жалела – что по-прежнему могу общаться с доктором исключительно на языке жестов. Но женщина подтвердила, что со мной и ребенком все в порядке. К счастью, дочери не навредило, что я перекидывалась в волчицу и обратно. Франческа даже порекомендовала хотя бы раз в неделю «выпускать» зверя, чтобы маленький волчонок приспособливался и привыкал к своей двойственной натуре.

Предки, я даже не подумала, что дочь будет перекидываться вместе со мной!

Эта информация довела меня чуть ли не до паники, и только мягкие заверения доктора Суразы развеяли мои страхи. Все нормально. Все хорошо. Даже замечательно. Просто поменьше стресса и побольше приятных эмоций. Например, секс.

Когда Рамон мне это озвучил, я поперхнулась:

– Ты сам это придумал?

– Нет, так считает Франческа. Она сказала мне об этом еще днем.

– То есть там, в озере, это было по предписанию доктора?

Стало обидно, горько, как может быть горько и обидно женщине, которой заявили, что ее хотят исключительно для пользы ее же здоровья. Не более.

Тем неожиданней было, когда Рамон склонился к моему уху, опалив чувствительную кожу дыханием.

– Nena, я не занимаюсь сексом с женщинами по доброте душевной. – Его голосом можно было порезаться, но властные нотки и это почти-прикосновение напомнили об испытанном мною наслаждении. – Ты-то сегодня должна была это понять.

Я кивнула, признавая смехотворность собственного предположения. Но что я могла подумать после того, как Рамон все время продолжал меня отталкивать? Или он просто тактику сменил? Стал хорошим папочкой для дочки, что я ношу? Возможно. Но как он

сам заметил, он меня хочет. Это не изменить. С сексом у нас и до этого был порядок, а вот что делать со всем остальным?

Так как доктор дала добро на обычную размеренную жизнь, то от ужина Рамон не отвертелся. Иначе у меня будет стресс и все такое! Судя по тому, что мне сразу принесли одно из новых платьев и проводили на террасу с видом на океан, он сегодня не планировал уходить от ответов. Здесь был накрыт столик на двоих, с белоснежной скатертью, украшенный цветами и уставленный блюдами, закрытыми крышками. Освещение дарили небольшие старинные бра и расставленные на полу большие свечи.

Романтично, если не знать подоплеку наших отношений!

Ну и не брать в расчет голод. От одного запаха рыбы и запеченных овощей у меня не то что слюнки потекли, я готова была съесть не только тарелки, но и цветы, и скатерть. Кажется, Рамон был со мной согласен, потому что сначала мы ели молча. И только когда я поняла, что последний кусочек в меня больше не лезет, отложила вилку и посмотрела на верховного, раздумывая, с чего начать. Или вернее сказать – продолжить?

– Спрашивай, – «разрешил» Рамон.

– О чем?

– Обо всем, о чем хочешь знать.

В чем тут подвох?

– И ты ответишь честно? – уточнила я.

Верховный нахмурился.

– На все вопросы, что так или иначе касаются тебя.

А вот и подвох!

Я покачала воду в бокале и спросила напрямик:

– Откуда такая щедрость?

– Ты беременна. Беременным противопоказаны волнения. Доктор Сураза это подтвердила. И я хотел оградить тебя от них.

– Поселив меня рядом со своей любовницей, – в один маленький хмык я вложила весь свой сарказм, но тут до меня дошло: – Подожди... Если Мишель имани, то она не может быть твоей любовницей. В смысле, может. Конечно, может. – Я вернула бокал на стол и попыталась облечь свои безумные мысли в слова: – Но тогда я в этом уравнении третья лишняя. Сущность имани сводит с ума даже

альф, она для них как наркотик. И они идеальные партнеры, которые могут родить не просто будущих альф, а очень сильных, выносливых вервольфов. Мишель оказалась бракованной? Или...

— Мишель мне не любовница, — прервал мой поток предположений Рамон. — Но она живет на этом острове с десяти лет именно по той причине, которую ты назвала. Из-за таких женщин среди вервольфов вспыхивают войны, поэтому Волчий Союз находит их и берет под свою защиту.

— Под защиту? — обалдело повторила я.

— Ограждает от любых посягательств со стороны мужчин. Полностью обеспечивает. Оберегает.

— Но при этом живут они как в золотой клетке.

Я тут меньше недели на острове, и уже на стену лезу. А если посидеть здесь лет десять, может, тоже стану такой злобной как Мишель?

— Свободы у них не меньше, чем у волчиц в любой стае.

То есть нет никакой свободы.

— Ты сказал — они? Сколько вообще имани в мире?

— Интересное название. Хантер постарался? Мы называем их ниренами, в честь легенды времен предков. В ней рассказывается о том, что боги создали людей и волков, но их одинаково любимые дети не смогли поделить территорию и стали вести непрекращающиеся кровопролитные войны. Это расстраивало высшие силы, и они придумали компромисс, подарили каждой из сторон дары. Некое преимущество. Волки обрели возможность становиться людьми, а среди людей стали рождаться нирены, женщины, имеющие власть над вервольфами.

Легенду о возникновении предков, так называемых первых вервольфов, я знала, как и любой на земле, а вот про нирен слышала впервые.

— Хантер считает, что это эволюция, а ты говоришь, что нирены появились одновременно с Предками?

— Да, более девяти тысячелетий назад.

Сюда бы нашего волка-историка, он бы забросал Рамона правильными вопросами, а мне оставалось только подбирать челюсть и стараться не так широко открывать глаза.

— Почему о них никто не знает?

– Потому что их практически истребили. Их и их детей.

Я поежилась от холодка, пробежавшего по спине, хотя даже в сумерках на острове было жарковато.

– Зачем?! Их дети же сильнейшие вервольфы.

В темных глазах верховного полыхнул оранжевый огонь: признак ярости или пока что раздражения. На секунду мне показалось, что он скажет – ты переволновалась, лавочка закрыта, сказке конец. Но я ошиблась. Наверное, Рамон понял, что мне лучше все рассказывать, иначе сама додумаю, и никому мало не покажется.

– Существует множество версий. По одной вервольфы боялись власти таких женщин. А она была: влечение Доминика к супруге ерунда по сравнению с тем, что могли нирены. По другой версии, что волки не знали об особенностях малышей, находили и истребляли полукровок. По третьей – не хотели родниться с людьми. По четвертой – убивали конкурентов в младенчестве. Но факты остаются фактами, их почти истребили.

– Почти, но не совсем.

– Именно. Продолжение легенды гласит, что боги обиделись и проклинали вервольфов. Обрекли их на вымирание. Поэтому волчиц с каждым столетием рождается все меньше и меньше.

Об этом я знала. Как и все ученые современности.

– Волчий Союз решил защищать имани? – додумала я. – То есть нирен.

– И держать в тайне их существование, – кивнул Рамон. – Чтобы не спровоцировать новую резню.

Но тайна раскрылась, когда Доминик женился на Чарли и на весь мир объявил, что они ждут ребенка.

– Ты из-за Шарлин приехал в Крайтон?

– Из-за нее в том числе.

– Для чего? – задала я логичный вопрос. – Зачем Волчьему Союзу нужны нирены-имани? Прости, но я не вчера родилась, чтобы считать вас просто защитниками вымирающего вида!

– В каком-то смысле, мы и есть защитники вида, – Рамон улыбнулся, и это получилось обезоруживающе. Я привыкла к тому, что он хмурится или пытается взглядом вкатать в пол, но улыбки верховного были из разряда фантастики. Редкие, как те имани, и какие-то... я бы такие запретила, потому что они странно влияли на мой

пульс, заставляя сердце непроизвольно ускоряться. – Например, предыдущий легорийский совет старейшин предпочитал умалчивать о так называемых «полукровках». И поэтому мало кто из них выживал. Хантеру Прайеру просто повезло.

– Хантеру? – вскинулась я, отмотав наш разговор назад и припомнив его слова про «из-за нее в том числе». – Он – настоящая причина твоего визита в Легорию? Волчий Союз даже не почесался, когда Чарли вышла за Доминика, но отправил тебя к нам, когда Хантер стал альфой!

Верховный перестал улыбаться. Теперь его взгляд стал хищным: не таким, когда хочется кого-то съесть, а таким, каким мужчина смотрит на женщину, которую хочет... Просто хочет. Восхищение пополам с предупреждением.

От таких взглядов я снова схватилась за бокал.

– Я сам себя отправил. У меня нет начальников, Венера. Каждый из членов Волчьего Союза защищает выверенную нам территорию и мир на планете в целом.

Я затаила дыхание и подалась вперед. Еще бы! Волчий Союз был и остается самой загадочной организацией в мире. О нем знают вервольфы-старейшины стран, они перед ним и отвечают, но больше всего они известны тем, что сохраняют нейтральную позицию. По крайней мере, я всегда так считала. А что они делают на самом деле?

– Мир и вымершие виды тоже, – усмехнулась я.

– Еще мы храним историю.

– Сюда бы Хантера. Он пришел бы в восторг!

Взгляд верховного опасно скользнул по мне, словно лезвие бритвы.

– Вы хорошо знакомы? – тон спокойный, но по спине почему-то побежали мурашки. Он что, ревнует?

Для израненной гордости волчицы и женщины эта мысль оказалась восхитительно приятной. На секунточку захотелось немного поинтриговать и заставить ревновать Рамона. В отместку за то, что сразу не рассказал про Мишель, чем хорошенько помотал мне нервы. Но потом я вспомнила верховного во второй ипостаси и передумала.

– Они дружны с Чарли, вместе изучают имани, а я ее ассистент. Была ее ассистентом. Поэтому иногда мы пересекались в особняке Доминика.

Еще он был единокровным братом моего бывшего супруга и однажды спас меня от Августа, когда тот выследил меня и решил вспомнить старое и позабавиться с одинокой волчицей. Ни до, ни после не встречала человека, который справился с волком-вервольфом голыми руками, но Хантер не был человеком, и полукровкой тоже. Интересно, какой он в своей второй ипостаси? Чарли видела. Говорила, что он огромный и сильный. Больше того чудовища, в которое перекидывается Рамон?

– И все? – уточнил верховный.

Ну что за мужчина? Я его истинным назвала, а он припоминает мне мимо проходящих вервольфов! Особенно тех, кто счастливо женат на своей истинной паре. Он бы меня еще к Доминику приревновал!

– Учитывая, что ты сделал мне ребенка, а после увез и запер меня на этом острове, даже не представляю, какой ответ ты хочешь услышать.

Рамон перестал буравить меня взглядом и выглядеть так, будто сейчас же отдаст приказ устранить всех моих несуществующих бывших. Расслабился и сделал глоток из бокала.

И вообще, с чего он меня именно к Хантеру ревнует? Почему он к нему прицепился? Если только...

– Вам нужны не нирены, – дошло до меня. – Волчьему Союзу нужны их дети.

Грудь сдавило будто тисками, мое открытие заставило меня похолодеть, сжаться. Потому что я сама носила дочь, а Рамон притащил меня на этот бесов остров!

– Зачем вам дети? – я в панике вскочила, готовая драться за мою малютку до последнего. Или снова бежать.

Зачем они им? Для экспериментов? Для выведения? Для чего?

– Сядь, – погасил мой порыв приказом верховный. Да, сейчас он был именно верховным, который одним словом пригвоздил меня обратно к креслу. А сам поднялся, обошел столик и склонился надо мной, при этом процедив сквозь зубы какую-то длинную фразу на родном языке. По ощущениям, выругался, но я все-таки зло уточнила:

– Ну и что ты сейчас сказал?

Рамон на секундочку прикрыл глаза, словно просил у предков то ли себе терпения, то ли мне мозгов. Но у меня с мозгами все в порядке! Я своего ребенка никому не отдам!

– Как же с тобой сложно, пепи, – а вот это было сказано хрипло и устало. Он распахнул глаза, впился внимательным взглядом в мое лицо. – Что бы ты там себя не придумала, это не имеет никакого отношения к правде.

– Откуда тебе знать, что я придумала?

– У тебя абсолютно бешеные глаза.

Я подавилась возмущением, последовавшим следом за таким сомнительным комплиментом.

– Что касается твоего вопроса, – продолжил Рамон. – Члены Волчьего Союза не забирают детей.

Сказать, что меня отпустило – ничего не сказать.

– Не забирают? А как же рыжая? Ты говорил, она здесь с десяти лет.

– Потому что Мишель сирота. И я пообещал ее отцу позаботиться о ней, поэтому не могу отправить ее на материк. Хотя то, как она поступила, тянет на гораздо большее наказание, чем ссылка на Торо.

Я моргнула, осознав, что Рамон так своеобразно только что извинился, и это странным образом меня успокоило. Все выглядело логичным, пусть даже до полноты картины было еще далеко. Несмотря на откровенность верховного, слишком много разрозненной информации я получила в последнее время.

– Надеюсь, она будет работать на плантациях и жить в палатке на берегу, – проворчала я.

– Мой дом на Торо поменьше этого, и плантаций у меня нет, – снова усмехнулся Рамон. – Но год в уединении, без развлечений – это худшее наказание для Мишель.

Он вернулся на свое место, а я мимолетно подумала, что, возможно, Мишель отбывает наказание на Торо не первый и не последний раз. Подумала, и отбросила мысли о ней в сторону. Потому что было еще много всего, что мне по-настоящему хотелось узнать.

– Я хочу тебе верить, но... Вы правда не забираете детей?

Рамон поколебался. На одно мгновение. На миллисекунду. Но поколебался. Не знаю, как у меня получалось его считать. Я бы даже сказала – чувствовать. Но я это делала. Ему хотелось не солгать, нет. Уверена, верховный ненавидел ложь, но как и в хорошей политике, он раздумывал как преподнести правду. Обогнуть острые углы, где-то смягчить, а где-то, может, приукрасить.

Я это поняла, но главное – понял он. Что со мной либо честно, либо никак. Его взгляд смягчился.

– Не совсем.

– И что это значит?

– Когда мы находим этих женщин, мы берем их под свою защиту. Но большинство из них продолжает жить человеческой жизнью. Большинство из них даже не догадывается о своей особенной природе, а кто узнает о себе правду, иногда не самым приятным образом, старается поскорее перелистнуть эту страницу.

Я поежилась, опасаясь даже представить это «не самым приятным образом». Свихнувшиеся вервольфы, зацикленные на своих человеческих любовницах. Таким был бывший муж Чарли. Когда он ее потерял, то решил испортить ей жизнь.

– Проблема в том, что нирен тянет к вервольфам, а вервольфов к ниренам. Но не у каждой из подобных пар получается потомство. Еще у меньшего процента потомство рождается психически здоровым. Иногда ребенок не справляется с дарованной ему природой силой, но того, кто справляется, мы защищаем. Ты уже знаешь, что среди нирен высокая смертность при родах, поэтому очень много детей остаются сиротами, как Хантер Прайер. Мы учим их выживать в этом мире.

– А дальше? Что происходит с теми, кто все-таки выживает?

– Они служат на благо Волчьему Союзу.

– Целая армия потомков нирен?!

– Ты сильно преувеличиваешь их численность, учитывая, что продолжительность жизни у нас одинакова. Не говоря о том, что мы придерживаемся нейтралитета. Союз ни с кем не воюет.

– Это радует, – выдохнула я и наконец-то задала мучивший меня вопрос: – Ты один из них? Из потомков?

Я всмотрелась в Рамона, не моргая – если захочет увильнуть, я пойму. Но на этот раз он ответил не задумываясь:

– Нет. Моя мать волчица.

– Но твой волк... Он огромный и пугающий!

– Ожидала кого-то более симпатичного? – саркастично поинтересовался Рамон, и мне показалось, что мои слова его все-таки задели.

– Я не знала, что такие вообще бывают.

– Моя вторая ипостась – Ужасный волк.

– Точно ужасный, – согласилась я и поняла, что сказала глупость. – В смысле – ужасный?

– Древний. Доисторический. Я прямой потомок предков, Венера.

Будь это фильм, в эту минуту должна была ударить молния, а с неба хлынуть дождь. Для драматизма, и чтобы нарушить воцарившуюся за нашим столиком тишину. Но погода не изменилась, мир не раскололся на части, и нужно было что-то сказать. Чего я категорически не могла выполнить. Ловила воздух ртом, как та выпрыгнувшая из воды рыбешка, и боролась с чувством смущения и шока.

Предки считались божествами не просто так. Они были первыми вервольфами, больше, сильнее, идеальными хищниками. Но так же считалось, что однажды все предки вознеслись, что на земле не осталось их потомков. Ученые были убеждены, что они просто вымерли в процессе эволюции, потому что такие вервольфы как я были совсем другими. Насколько мы отличаемся, в этом я как раз смогла убедиться сегодня.

То что мне в истинные достался исключительный мужчина, я поняла давно, но потомок предков?! Это как спать с божеством! Как забеременеть от божества!

– Наша дочь будет такой же? – вытолкнула я, когда пауза стала совершенно неприличной. В конце концов, Рамон не в том, что у него есть третья нога, признался!

– Да.

Видно было, что эта тема ему не нравится. И, наверное, моя реакция тоже. Но я не могла ничего с собой поделать. Древний! Это же какая сила! Я вообще выживу во время родов или меня ждет та же участь, что и большинство нирен?

Последняя мысль спустила меня с небес на землю с эффектом пинка под задницу. Может, Рамон ждет, пока я рожу ему дочь, а потом того... Отправляюсь к предкам. Правда есть еще те, кто хочет, чтобы я раньше к предкам отправилась. К тем, что на небесах.

Пока я обо всем этом думала, верховный поднялся:

– Вижу, ты больше не голодна. Пойдем, отведу тебя в спальню.

– Но мы еще не закончили...

– На сегодня закончили, – отрезал он. – Ты устала, мне тоже необходим отдых. К тому же, мы должны заботиться о дочери.

– Ты ответил не на все вопросы, – возмутилась я, но как-то вяленько. Пришлось с ним мысленно согласиться: сон сейчас бы мне не повредил. Я даже покачнулась, когда поднялась из кресла. Всего раз покачнулась, но Рамон заметил и подхватил меня на руки, а я в кои то веки решила не сопротивляться. – О тех, кто пытается меня убить.

– Отвечу, – пообещали мне. – Завтра.

И отнесли в спальню.

Романтический ужин вполне мог романтично продолжиться, если бы мы были обычной парой. Но обычной парой мы не были. Потомок предков и волчица, связанные случаем. Вынужденные делить одну спальню и спать на одной постели. О последнем я узнала, когда Рамон стянул рубашку и развалился на второй половине кровати.

Я поняла, что в данный момент устала настолько, что мне все равно. Всю ночь и весь день на адреналине сделали свое черное дело – я стянула платье и свалилась поверх прохладного покрывала. Только в полудреме почувствовала, как меня укрывают. Забота? Может быть. Хотя вероятно, что я раздражаю своим обнаженным видом верховного.

Не верховного. Божественного.

Который все-таки мой истинный. Иначе как бы он почуял меня в лесу? Как бы он так быстро меня нашел? К тому же, Рамон сказал, что я его приняла. Как альфу. Как старшего. Как своего мужчину. Если это так, то разве наша связь не должна работать в обе стороны? Завтра обязательно попробую, и не слезу с него, пока правду не расскажет, чем мне и малышке грозит его божественность.

Глава 11

Несмотря на то, что я легла рано спать, проснулась я лишь на следующее утро. Кто-то опустил плотные жалюзи, через которые не могло пробиться солнце, но по моим ощущениям было часов девять, не меньше. Верховного в спальне не наблюдалось, но аромат истинного остался на простынях и подушке по соседству. Настолько притягательный, что я неосознанно, с наслаждением ткнулась в нее лицом. Только после с рычанием отодвинулась, разрываясь между звериным желанием потереться о простынь, оставляя на ней собственный запах, и легким чувством стыда. Веду себя как животное! Конечно, в каком-то смысле все мы немного животные, но сейчас мне нужен холодный разум.

Аромат Рамона был едва уловимым, что означало, что он давно ушел, и это мне совсем не понравилось. Потому что каждый раз, когда он вот так уходил, я узнавала, что уходил он далеко. В последний раз вовсе улетел на материк! Поэтому мне жизненно необходимо было убедиться в том, что мой истинный еще не острове.

Вместо того, чтобы принять душ, который мне после пробежки по острову и ныряния в озеро так принять и не удалось (я собиралась сделать это после ужина, но после ужина мне было не до новых водных процедур), я быстро почистила зубы, стянула волосы в высокий хвост и влезла в первые попавшиеся платье и шлепанцы.

Мне важно было найти Рамона. Прямо сейчас. Немедленно.

Он не на все мои вопросы ответил! По правде говоря, даже на половину не ответил.

Дверь в спальню оказалась незапертой, но за порогом меня ждали вервольфы верховного. При моем появлении они выпрямились и повели носами. Вилемийцы, что с них взять? В Легории всем известно, что так откровенно принюхиваться – дурной тон. Не говоря уже о том, что лица у мужчин были мрачными.

– Доброе утро, – поздоровалась я. – Отведите меня к верховному старейшине. Пожалуйста.

Вервольфы переглянулись и предпочли ничего не отвечать.

– Супер. Рамон не догадался поставить охранять меня тех, кто знает легорийский. Хавьер же знает, а вы почему необразованные?

Если и существовала шкала мрачности, то судя по лицам мужчин она только что выросла на несколько делений. Чем подтвердила мою догадку, что говорить со мной кто-то не желает из вредности. За то, что вчера подставила их перед боссом.

Ладненько.

– Можете не отвечать, – разрешила я, смело глядя глаза тому, кто постарше. – Главное, отведите, куда надо.

Злые у Рамона волки, могли бы и сделать скидку на то, что я беременна!

Не знаю, что сработало, но тот, с которым мы играли в гляделки, указал на коридор, словно приглашая идти за ним.

Другое дело!

Правда, через несколько поворотов и переходов, я поняла, что ведут меня в медицинский кабинет, но точно не к верховному. Я его не чувствовала. Уже на подходе к комнатам, где меня вчера встречала Франческа, я резко остановилась и повернула в другую сторону.

– Значит, не хотите вести меня туда, куда нужно, злые волки? Так я сама его найду!

Напоминая себе, что вчера Рамон как-то нашел меня в лесу, я попыталась сделать то же самое. Настроить тонкую связь с истинным. Впрочем, долго прислушиваться к себе не пришлось, да и связь оказалась не настолько тонкой. Когда я позволила своей волчице рвануть к нашей паре, перед внутренним зрением будто возникла искрящаяся крепкая нить. Меня потянуло к Рамону с неистовой силой.

Волки не стали меня удерживать, видимо, этого им не приказывали, но последовали за мной.

До последнего опасалась, что он снова улетел и оставил меня. Без ответов, конечно же. Но он был здесь, расположился в кресле на террасе и разговаривал с кем-то по видеосвязи. Впрочем, при виде меня он быстро попрощался. Его тяжелый взгляд просканировал меня всю, но на меня это больше не работало. Вся эта грозная мрачность. Я в полной мере осознала, что я действительно его чувствую.

С моим появлением сердце вервольфа резко ускорило свой бег, до меня донесся тонкий аромат его возбуждения, и вместе с тем злость на собственную реакцию тела, которую не получается контролировать.

В моем присутствии.

Это не просто обнадеживает. Это будоражит. Потому что внутри растекается сладкое ощущение власти над сильным волком. Божественным хищником. И эту власть хочется немедленно попробовать. Она как деликатес, от которого слюнки текут.

Я подхожу к Рамону и без «реверансов» усаживаюсь к нему на колени. Внезапность наше всё!

– Привет, – говорю, забросив руки ему за шею.

Верховный разве что в камень не превращается. Причем во всех местах. А вот сердце у него хорошо кровь перекачивает. Я уже не уверена, чей пульс так громко слышу: его или собственный.

– Опять провоцируешь? – у него получается прорычать тихо, но все равно опасно. До мурашек. Но если раньше меня эти мурашки пугали, то после вчерашнего что-то изменилось. После разговора, а может, еще в лесу, на озере. Или раньше. Во мне сломалось чувство страха перед верховным.

– Не специально, – хлопаю ресницами. – Просто я проснулась, а тебя нет. Решила, что ты снова сбежал.

– И не ответил на все твои вопросы, – хмыкает Рамон.

– И не ответил на все мои вопросы, – соглашаюсь я.

Я провожу ладонью по его выбритой щеке, и мою руку перехватывают. Словно ловят в капкан: не больно, но крепко – не вырваться.

– Я не убегал, Венера. Я решал дела на материке. Но теперь не оставлю свою дочь без присмотра.

– Удобно.

– Удобно?

– Спихивать все на дочь.

Я подаюсь вперед и провожу языком по второй щеке. Вкус кожи Романа слегка солоноватый, но от запаха хочется урчать. Будто я не волчица, а кошка. Прежде чем Рамон-младший порвет ему брюки, я выскальзываю из его объятий и поднимаюсь. Верховный не пытается меня остановить, но прикрывает глаза и сжимает кулаки. Опять хочет вернуть себе контроль? Ну ладно, ты заслужил небольшую передышку.

Подхожу к перилам веранды и облокачиваюсь о них. Уф, жарко так, что даже легкий бриз с океана не спасает! Мою охрану, очевидно,

тоже сдуло бризом, потому что я даже не услышала, как они испарились. Не стали досматривать мой спектакль.

– Мальчики уже ушли.

– Они присматривают за тобой, когда меня нет рядом.

– А можно, чтобы за мной присматривал кто-то более приятный?

Я чувствую, как Рамон беззвучно перетекает со стула за мою спину. Но оказываюсь совершенно не готова к тому, что он прижимает меня к своей груди, ладонями скользит мне под юбку.

– Эй-эй, полегче! – рычу я, но меня только сильнее прижимают к перилам. Громко ахаю, когда он прикусывает кожу на моем затылке. Это волчья ласка. Ласка истинных.

– Разве ты не за этим пришла, пена?

Меня всю перетряхивает. От его возбуждения. От своего возбуждения. От нашего общего. Но я либо в очередной растаю льдинкой в его руках, либо научусь обращать эту связь против Рамона и доведу эти важные переговоры до конца. Для своего блага и блага своей дочери.

– Я пришла договориться, – прикусываю губу и перехватываю его руку, задирающую юбку.

– Разве мы не договорились? – В голосе вервольфа не угроза, предупреждение.

– Конечно, нет. Рекомендации доктора Суразы внесли свои коррективы, правда?

Рамон рывком разворачивает меня лицом к себе. Его радужка горит оранжевым, зубы сжаты, грудь тяжело вздымается, а по шее в вырез расстегнутой рубашки соскальзывают капельки пота. Он зол, он возбужден, и еще зол на то, что настолько сильно возбужден.

– Вчера мне было плохо, Рамон. Я почувствовала себя пленницей. Опять. Я не просто так убежала, а чтобы вернуть себе ощущение свободы. Тебе ли не знать, как это важно для волка. И, наверное, доктор объяснила тебе, что депрессия может плохо сказаться на ребенке.

Он делает шаг назад, теперь не касается меня, но кажется, это не сильно нам помогает.

– Что ты хочешь?

– Вежливую охрану, которая будет меня слушаться.

– Которая позволит уйти в лес?

– Которая проводит к тебе, если мне понадобится, – не ведусь я на сарказм. – А также мне нужен Альваро.

Рамон приподнимает бровь, и я спешу объяснить:

– Я хочу выучить вилемейский, чтобы не чувствовать себя немой на этой острове.

Немой и одинокой.

– И чтобы понимать доктора Суразу. Помимо этого мне нужно хобби.

– Хобби? – кажется, у меня получается удивить Рамона.

– То, чем можно заняться в свободное время, которого у меня теперь полным-полно. Конечно, массаж и купание в океане это хорошо, но до рождения дочери несколько месяцев. Мне нужно чем-то заниматься. Иначе я сойду с ума.

Верховный хмурится, и я решаю уточнить:

– Если, конечно, я остаюсь на острове.

– Ты остаешься на острове, – подтверждает он. – Какое хобби тебе нужно?

Я до конца не была уверена, что Рамон вообще согласится, поэтому сейчас импровизирую:

– Я была хорошим ассистентом. Управляла домом, планировала графики встреч...

– Это не хобби, Венера, – перебивает меня он. – Это работа.

– Но она мне нравилась!

– А что тебе нравилось еще?

– Покупать одежду, – признаюсь я и, прежде чем Рамон решит, что я шопоголик и транжира, уточняю: – Создавать модные образы. Мне всегда нравилось отправлять подарки для пассий альфы Доминика, а делать это для Чарли было особенно приятно. Не будь у нее меня, она бы ходила исключительно в растянутых свитерах и джинсах. Даже на вечеринки!

Я смеюсь, с теплой грустью вспоминая своих друзей.

– Но на острове это ни к чему, так что давай остановимся на вязании. Буду вязать шапочки и пинетки для нашей дочери.

– Хорошо, – кивает Рамон. Он смотрит на меня как-то странно, наверное, не верит, что я умею вязать. – Еще условия?

– Не условия, вежливая просьба, – я кладу ладонь ему на грудь и раздвигаю пальцы, чувствую, как под кожей перекачиваются мышцы.

Даже тонкий хлопок не способен скрыть это от меня. – Мне нужно поговорить со своим психоаналитиком. Не хочу, чтобы вернулись панические атаки. Это может быть вредно для ребенка.

Мне нравится исследовать, изучать своего истинного. Поглаживать. Прикасаться. Правда, меня останавливают при попытке опустить ладонь ниже живота. Рамон стискивает мои запястья, словно наручниками.

– Я подумаю.

Все же лучше, чем ничего.

– Что-то еще?

А это самое главное! Я подаюсь вперед, врезаюсь в него всем телом.

– Твое присутствие рядом со мной, Рамон. На острове. Вне острова. Общение. Никакого игнора.

Его глаза широко раскрываются.

– Зачем тебе это?

– Кто еще защитит меня и дочь, как не ты?

– Ты ведешь какую-то игру, пепя, – шепчет он мне в губы.

– Я? Никаких игр. Просто больше не хочу бояться.

Рамон мигом серьезнеет.

– Тебе не придется.

– Рада, что мы сходимся во мнениях, – ловлю его на слове. Конечно, верховный может отказаться, он тут вроде как главный. Например, он может посадить меня в комнате. Но я же могу и завянуть, как цветочек. Поэтому сейчас мы с божественным на равных.

– Я не самый приятный в общении вервольф.

– Мне ли не знать, – вздыхаю я. – Но ради нашей дочери можем друг друга и потерпеть.

– Ради дочери, – повторяет он и подхватывает меня на руки. В спальню меня не возвращают, это оказывается слишком далеко, а мы слишком возбуждены. Но волк-собственник явно не желает заниматься сексом на террасе, у всех на виду. В доме он толкает первую попавшуюся дверь, и я на полчаса забываю обо всем. Об условиях и мотивах. Своих. Его. Это просто секс, звериные чувства, управляющими нами снова и снова.

От этой мысли легче. От того, что теперь все просто.

Почти.

Потому что, если бы отношения можно было измерить качеством секса, мы бы с Рамоном давно были идеальной парой. Но это не так. Мы вместе ради нашего ребенка, пусть так и будет.

Кажется, верховный думает так же, а может, чувствует так же. Потому что все меняется. Начиная с того, что после всех обязательных консультаций у доктора и обеда ко мне возвращается Альваро, и заканчивая тем, что Рамон зовет меня зайти к нему перед ужином.

С Альваро я чувствую себя неловко, несмотря на то что сама попросила его в учителя. Все потому что некстати вспоминаю про близость парня с рыжей. Но он здесь, а значит, невиновен. Мы встречаемся на той же террасе, на которой разговаривали с Домиником. Кажется, я начинаю привыкать к жаре и влажности, поэтому настояла на том, чтобы заниматься вилемейским здесь.

– Если тебе не хочется продолжать наши занятия, я пойму.

– Почему я должен этого хотеть? – приподнимает брови парень.

Я выбираю быть честной.

– Потому что Мишель твой друг, а из-за меня ее сослали на соседний остров.

– Мишель сослали на Торо из-за нее самой, – поправил меня Альваро, нахмурившись. – Ей не хватило самоуважения принять выбор Рамона.

Я бы сказала, что ей не хватило мозгов, но да ладно.

– Значит, ты на меня не в обиде? – уточнила я.

– Я удивлен, что ты попросила возобновить наши уроки после всего.

– Это же не ты подбросил ядовитую змею мне в спальню.

Пошутила я неудачно, потому что парень побледнел.

– Пожалуйста, не шути так. Я хочу жить и жить нормально, а для верховного этот ребенок очень важен.

– Знаю, – поднимаю я ладони. – Больше никаких шуток на змеиную тему.

Вечером я пришла в кабинет Рамона, как он и просил. На этот раз моя охрана проводила меня туда, куда надо.

Я оказалась здесь впервые, но кабинет мало чем отличался от всех виденных мною. Большой письменный стол, развернутый к окнам, стеллажи с книгами, диван из черной кожи, журнальный столик.

– У нас будет деловой разговор? – интересуюсь я, когда Рамон встает из-за стола. – Или ты решил составить новый договор?

– Иди сюда, – кивает он на свое кресло.

Заинтригованная я подхожу ближе, а верховный легко надавливает мне на плечи, побуждая сесть перед открытым ноутбуком.

– У тебя сорок минут, – говорит он, – и доступ в Интернет. Можешь позвонить друзьям.

От удивления я даже рот открываю и, наверное, теряю отведенное мне на общение с друзьями драгоценное время. Но мне все равно! Сорок минут?! Он даже браузер развернул для моего удобства.

Рот я закрываю исключительно для того, чтобы сделать глубокий вдох, заодно не сказать ничего лишнего.

– Ты решил, что я заслужила один звонок, Рамон? Серьезно?

Ладно, можно не сдерживаться, я же не верховный, в конце концов. Это он у нас мастер маскировки чувств!

– По-моему, мы сегодня договорились, что ты здесь не пленница.

Я резко разворачиваюсь к нему: кресло позволяет.

– И ты мигом превратился в добренького волка? В чем подвох?

Глаза Рамона вспыхивают оранжевым, подозреваю, что мои тоже горят желтым, потому что зрение меняется на звериное. Краски бледнеют, становятся более размытыми, зато резкость будто выкручивают на максимум.

– Ты сегодня сказала, что тебе нужен психотерапевт.

– Я про него говорила еще в Крайтоне, – напоминаю я. – Про него и про мою семью. Про моих друзей. А ты меня от них отрезал. Я не смирилась с этим, нет, я приняла правила твоей игры. Посчитала это своеобразной платой за счастье быть с дочерью. Но с чего ты вообще стал таким добрым? Только не говори, что секс с истинной тебе понравился настолько, что у тебя мозг поплыл!

– Не поплыл, – удивительно спокойно отвечает Рамон. – Но такой реакции я не ждал.

– А чего ты ждал? – мне действительно это интересно. – Что я упаду тебе в ноги и буду благодарить? Насколько я успела узнать, здесь на острове почти военное положение. Связи не только у меня нет, а в принципе, она не каждому доступна.

Та же Мишель вовсе отрезана от большого мира. Если верить словам верховного, о ней вообще мало кто знает. Имани-невидимка.

– И теперь ты так легко предлагаешь мне позвонить кому угодно, – я подозрительно прищуриваюсь. – С чего бы это? Только не нужно говорить, что после слов доктора. Франческа сегодня завершила обследование, несмотря на весь бесов стресс, случившийся со мной... Не без твоего участия, кстати. Но с нашей дочерью все замечательно, уверена, тебе об этом тоже доложили. Так почему изначально мне нельзя было ни с кем связываться, а теперь ты передумал? Почему именно сейчас?

Видят Предки, я очень хотела позвонить Чарли. Услышать ее, Доминика, узнать, как там Анхель. Я хотела пообщаться с Хелен, не как пациент с доктором, а просто по-дружески. Я даже набрала бы Зару, хотя с женщиной, что однажды спасла меня, наши дороги давно разошлись. Мне этого всего очень хотелось. Но еще больше мне хотелось знать ответ на мой вопрос. Почему верховный изменил свое решение?

Рамон сжал зубы, минуту смотрел куда-то поверх моей головы, а затем присел на край стола. Кажется, он не злился.

– Я не доверял тебе. В Крайтоне все было странно. Мое влечение, волчица, заявляющая, что она моя истинная пара, и к тому же пытающаяся похитить моего ребенка.

– Я не пыталась...

– Ты сама знаешь, что это правда, пепя, – с укором перебили меня. – Но я посчитал, что это очередной заговор. Как ты понимаешь, по роду своей деятельности я часто сталкиваюсь с самыми разными людьми и вервольфами. Ребенок от меня – ценный приз. Вербочка для манипуляций.

– Ты решил, что я злодейка, – хмыкнула я.

– Я решил, что ты оружие, – поправил Рамон. – Шпион, которого я невольно впускаю в свое ближайшее окружение.

– Который расскажет о Мишель.

– Не только.

– Который расскажет о том, кто ты.

– И это тоже.

Уверена, тайн у верховного много. Очень много. Какую он оберегает больше всех?

– Так почему ты вычеркнул меня из списка шпионов?

— Когда понял, насколько для тебя важна наша дочь. — Он коснулся моей щеки, заправил прядь волос за ухо. — Ты для нее готова на все. Как и я.

Я снова почувствовал ее. Нашу связь. Потому что поверила в искренность его слов. Не просто поверила, я знала, что Рамон говорит правду. Знала, и всё.

Он с сожалением убрал руку, оттолкнулся от стола и направился к двери.

— Тридцать минут, — напомнил он. — Потом ужин. И еще... Пожалуйста, не рассказывай про Мишель. Это не наш секрет.

Делать мне нечего, обсуждать с Чарли рыжую!

— Не буду, — пообещала я. — Но включу в программу своей беременности обязательные ежедневные созвоны с Чарли.

— Идет, — кивнул божественный.

Перемены в поведении и поступках Рамоне были настолько кардинальными, что я не знала радоваться или поддаваться паранойе. Значит, раньше он считал меня шпионкой, но сейчас он мне доверяет и знает, что я ничего лишнего Доминику не скажу... Да что я вообще могу ему сказать? Про Мишель? Сдалась она мне! Про то, что он необычный волк? Думаю, мой альфа и так догадывается, что с Волчьим Союзом все непросто.

Голова кругом ото всего этого!

Важно только то, что мы вроде как сошлись на заботе о дочери, а еще — что я теперь могу позвонить Чарли, чем и занимаюсь.

Рамон выбрал это время не просто так. Подсчитав разницу во времени, я поняла, что сейчас в Крайтоне раннее утро. Самое то для быстрого звонка. Если, конечно, Чарли не спит.

Оказывается, что не спит: подруга отвечает почти сразу, включает видеосвязь. Передо мной домашняя и такая родная Чарли. Волосы собраны в небрежный пучок, губа прикушена, взгляд намекает, что меня собираются покусать, несмотря на то, что она человек, а не вервольф.

— Так-так. У вас там в Вилемее время течет по-другому, и ты только-только прилетела? Через неделю!

— Через шесть дней, — поправляю я, не сдерживая улыбки. Чарли любит «включить» альфу рядом с теми, кого считает своей стаей, и я безумно счастлива находиться в ее кругу.

– Я вообще-то переживаю за нее, а она... – подруга подтягивает к себе планшет и пристально рассматривает меня. – Загорает. И отдыхает.

– Ты настоящий детектив, альфа. Ничего от тебя не скроешь. Но я действительно на островах, и у меня были небольшие проблемы со связью.

Отделяюсь полуправдой, потому что врать не хочется, но и не хочется рассказывать все подробности наших с Рамоном непростых отношений.

– Надеюсь, они разрешились?

– Да, теперь все нормально.

Я жадно рассматриваю Чарли, шкаф с книгами и кусочек окна за ее спиной. Это кабинет, значит, подруга решила поработать над новой книгой. Мы обсуждали это раньше.

– А в остальном...

– Все прекрасно, – и я ни разу не лгу. Позвонила домой, и все стало прекрасно.

Морщинка между бровей подруги разглаживается, она смотрит на меня с тем же жадным теплом, с которым тянусь через экран монитора и через целый океан я.

– Это обнадеживает. Ты вообще вовремя позвонила, потому что я почти подбивала Доминика на спасательную операцию.

– Спасательную операцию? Звучит пугающе. Кого спасаем?

– Тебя, глупая ты волчица. Он за тебе тоже переживал. Звонил пару десятков раз верховному!

На глаза наворачиваются слезы, и я закусываю щеку изнутри. Доминик и Чарли беспокоились за меня. Все действительно прекрасно.

– Ты замечательно выглядишь, Ви. Просто сияешь.

– Спасибо. Это все беременность. – Я не могу перестать улыбаться. – Чарли, я уже знаю, кто у меня будет.

– Кто?

– Дочь.

– Вау! Поздравляю!

Чарли спрашивает меня обо всем. О дочери, о моем докторе, о том, где я живу. Нужно ли мне что-то. Мы так увлекаемся детской темой, что до Рамона и моих отношений с ним даже не доходим. Когда я слышу его шаги за дверью, то понимаю, что обещанные мне полчаса

истекли. А если верить часам на компьютере – час. Хотя он пролетел как мгновение. Впрочем, самое главное я узнала: у друзей и их волчонка все хорошо. Чарли даже показывает Анхеля, у которого отдых между завтраком и игрой.

– Как назовешь малышку? – ошарашивает она меня вопросом, и я теряюсь. Еще больше я теряюсь, потому что Рамон наверняка слышит эту часть разговора.

– Я не думала над этим. – Правда, ни разу не задумалась. До этого момента. – Чарли, мне пора идти.

– Как пора? – планшет подпрыгивает в руках возмущенной подружки.

– Меня ждет ужин и отдых.

– Бесова разница во времени! Наберешь меня завтра?

– Постараюсь. Привет Доминику.

– Обязательно передам.

Отключаюсь резко, потому что прощаться совершенно не хочется. Но после этого разговора в груди растекается тепло.

Рамон появляется в кабинете и ни о чем не спрашивает. Ни о разговоре, ни об имени дочери. Просто протягивает мне руку:

– Ужин?

– Ужин, – соглашаюсь я.

Что-то между мной и Рамоном изменилось, в тот вечер окончательно и бесповоротно. Верховный был само внимание. На этот раз он привел меня в столовую в светлых тонах. Здесь были старинные буфеты с декоративными тарелками. Освещали комнату две массивные с пузатыми плафонами люстры. Дополняли все это пейзажи на стенах, напольные часы, тропические цветы в вазах и свечи.

За длинным столом, накрытым скатертью цвета карамели, вполне могла поместиться большая семья (я насчитала восемь стульев), но ужинали мы вдвоем и говорили, внезапно, про Чарли. Хотя, вернее будет сказать, про мой разговор с Чарли, а после про мою дружбу с Чарли. Этой дружбы могло и не быть, я сложно сходилась с вервольфами, но подружка была человеком, возможно, в этом и весь секрет.

Сначала Доминик просто попросил меня подобрать для его новой любовницы наряды. Я занималась этим часто, часто выбирала подарки

для его пассий. Знала его вкусы в женщинах. Но Чарли не понравились подобранные мною образы. Как я тогда разозлилась! Решила, что она капризная и претенциозная. А оказалось, что она просто не похожа на бывших Доминика, и к ней нужен совершенно другой подход. Поначалу Чарли тоже считала меня засланцем от Доминика, с которым у них на тот момент было все сложно. Шпионом, прямо как Рамон! Видимо, у меня лицо такое. Или карма. Но мне удалось завоевать ее доверие искренностью.

С верховным это тоже сработало. Он перестал смотреть на меня, как на врага.

С Чарли разговор плавно перетек на меня, а может, он и так был про меня. Рамон спросил про моих родных, и я рассказала про маму. До этого я рассказывала о ней только Хелен. Точнее, о своих чувствах. Мама умерла, когда мне было восемь. Отец хотел второго ребенка, сына, и мама забеременела моим братом. Несмотря на предупреждения врачей о том, что у нее слишком хрупкое здоровье. В итоге остались только мы с отцом, и эта трагедия развалила нашу семью. Мы в принципе никогда не были с ним близки, я смотрела на него, как на божество, сильного волка, кузена альфы. Защитника. А он отдал меня Августу и отвернулся от меня, когда тот меня прогнал.

На сеансах у психотерапевта я могла часами рыдать по поводу предательства отца, но сейчас во мне все перегорело, и Рамон слышал только факты. Тем не менее вилка в его ладони в определенный момент просто погнулась.

— Ты, должно быть, ненавидишь мужчин.

— Нет, — покачала головой я.

— Тогда боишься.

— Мне повезло, что в моей жизни случались и хорошие мужчины.

— Доминик Экрот?

Я осторожно кивнула.

— Он мне помог вернуться к вервольфам. Принял в стаю.

— Что вас связывало? — кажется, включился ревнивый Рамон.

— Исключительно работа. Доминик встречался только с людьми, а я после Августа не подпускала к себе мужчин. Думала, вообще никогда не подпущу.

Пока не случилась та волшебная ночь.

Мы встретились глазами, и я снова почувствовала эту химию. Нить. Связь. И тоску Рамона. Мгновение – и все исчезло. Я снова была я. В себе. А на той стороне словно упала заслонка между мной и его чувствами.

– Ты заслуживаешь большего, Венера.

И почему у меня такое чувство, будто он говорит о себе?

Дальше мы не касались личного. Вообще Рамон очень быстро свернул разговор и проводил меня в спальню.

– Ты устала, – заявил он мне, и на все мои «нет» напомнил о ребенке.

Лишь когда я осталась в комнате одна, до меня дошло, что я настолько была впечатлена разговором с Чарли, буквально ослеплена эмоциями, что мы с верховным говорили о чем угодно, только не о его врагах и об опасности, грозящей малышке.

Заснула я раньше, чем Рамон вернулся.

Глава 12

Верховный своего решения не изменил, и на следующий день я снова позвонила Чарли. И на следующий. Вообще вся неделя прошла в графике: завтрак, визит к Франческе, вилемейский, обед, сон, массаж, вилемейский, звонок подруге, ужин, сон. Будь моя воля вилемейским я занималась бы целый день, но у Альваро были еще обязанности. Подозреваю, что без участия Рамона здесь не обошлось: вервольф так страховал меня от перенапряжения, и я, наверное, была ему за это благодарна, потому что освоение нового языка просто взрывало мне мозг. А это только разговорный вилемейский, что будет, когда я перейду к письменности?

С другой стороны всего за пару недель я начала понимать простые фразы, которыми перебрасывалась прислуга, мои охранники или доктор со своей ассистенткой. Этому, конечно, способствовало то, что все вокруг говорили на вилемейском, и моему мозгу ничего не оставалось, как смириться и начать впитывать, как губка, новые слова. На родном языке я разговаривала исключительно с Рамоном и Чарли. И еще с Домиником. Мне удалось поговорить с альфой. Ну как удалось – просто в один день на звонок ответила не подруга, а ее супруг.

Странно, что именно Чар пишет детективы, потому что в тот раз мне казалось, будто я на допросе у полиции. О чем я Доминику сообщила после очередного вопроса в лоб. Да, Рамон привез меня к себе домой, на остров. Да, у нас нормальные отношения. Ребенок в порядке. И я тоже. Никто меня не обижает и договор не нарушает. Было сложно привыкнуть, но я привыкла... А потом интерес альфы коснулся личного: в частности, о том, что будет после того, как я рожу.

– Я не отдам свою дочь, Доминик.

– Может, стоит это сделать.

– Что?! – я не поверила своим ушам. Даже несмотря на то, что регулярно получала такое предложение от самого Рамона, от альфы я такого не ожидала.

– Он ведь по-прежнему не считает тебя своей истинной, а значит, не изменил мнения в отношении тебя. Ему нужна только дочь.

Слова альфы больно ударили по сердцу. Он говорил то, что я и так знала: мой истинный расстанется со мной как только, так сразу.

– Скажи, что я не прав, и я больше никогда не подниму эту тему.

– Ты понимаешь, что предлагаешь? Отказаться от дочери?

– Понимаю. Я бы не смог отказаться от Анхеля. – Доминик плотно сомкнул губы и нахмурился, прежде чем добавить: – Но я своей жизни не представляю без Шарлин. Перес считает так же?

Я не ответила. Да и что здесь было отвечать? Лед тронулся, Рамон наконец-то перестал считать меня шпионкой! По сути, в наших отношениях это ничего не изменило. После того ужина Рамон снова от меня отдалился. Не в смысле уехал, теперь он постоянно находился на острове, мы спали в одной кровати и ели за одним столом. Верховный неизменно сопровождал меня в визитах к Франческе. Кстати, они с Донателлой поселились в особняке и иногда присоединялись к нам за обедом или ужином. В такие моменты мне казалось, что Рамон слегка расслаблялся, отпускал контроль, и я снова его чувствовала. Но стоило нам остаться наедине, все менялось. Опускалась эта невидимая заслонка, которая исчезала исключительно в моменты близости.

Спать в одной постели и не заниматься сексом – не для притяжения истинных. Не для тех, в ком звериное начало сильнее человеческого. Особенно когда мы с Рамоном окончательно перестали сопротивляться этой тяге. Иногда я просыпалась от того, как он ласкал и целовал мое тело, или сама провоцировала, поддразнивала его. Именно в эти моменты мы отпускали друг друга, погружаясь в чувства. До звездочек под полуприкрытыми веками, до каждого падения в пропасть удовольствия.

Но когда все заканчивалось, меня накрывало осознанием, что мы просто играем. По своим же придуманным правилам.

Не знаю, что на этот счет думал Рамон, но мне от этих игр было больно. Я ими не наслаждалась. И с рождением дочери это все должно было закончиться. Только я не лгала Доминику, когда говорила, что не отдам малышку. Не оставлю ее Рамону с его врагами и тайнами, которые он так и не спешил мне раскрывать.

Сначала это объяснялось моими нервами и заботой о дочери. Потом он просто мастерски уходил от ответа или просто уходил, ссылаясь на дела. Когда спустя столько дней мы так и не вернулись к

разговору о том, что грозит мне и малышке, меня осенило, что верховный не желает его продолжать.

И что нужно брать дело в свои лапы. Если понадобится, даже по лесу побегать!

Бегать не пришлось, Рамон сам предложил поездку в единственный на острове город, где я за все время своего здесь пребывания так и не побывала. То ли планировал это заранее, то ли почувствовал мою ярость, которую я охотно транслировала в наш общий эфир истинной связи.

Мне полагалось наслаждаться материнством, прекрасным, неповторимым временем в жизни женщины, выбирать имя малышке, а я злилась на ее отца. Так пусть почувствует сполна то, что чувствую я. Это он у нас любитель закрываться, я на такое не подписывалась. Сомнения, которые меня мучили с того разговора с Домиником, прорвались и теперь терзали своими когтями.

– Почему мы едем туда сейчас?

– Увидишь, – ответил этот загадок мастер. – Хочу показать тебе кое-что интересное.

– Что?

– Ты же любишь сюрпризы, – приподнял брови Рамон.

– Только приятные.

Ехать было минут пятнадцать, поэтому я решила: сначала сюрприз, потом разборки. Ни один сюрприз не сдвинет мою решимость!

Городок, в котором жили практически все жители острова, включая прислугу в особняке, оказался совсем крошечным. Я бы сказала, он даже на городок не тянул. Одна широкая улица параллельно океану и несколько тонких улочек, пересекающих ее, будто образующих решетку. Тем не менее здесь были двух и даже трехэтажные здания: банк, почтовое отделение, парикмахерская, популярный среди местных бар и разные магазинчики.

В городе мой гнев и желание разобраться с верховным немного поутихли. Я с любопытством рассматривала новое место и быт островитян, которые ездили на велосипедах или ходили пешком. Нам встретилась лишь одна машина и та с патрулем вервольфов.

Городок был скромным, будто застрявшим в другом времени, но таким колоритным! Стены деревянных домиков были выкрашены в

ярко-желтый, голубой или персиковый. Окна и балкончики украшали тропические цветы, и все неизменно выходило на гавань. Но больше всего я глазела на местных, особенно на встречающихся нам женщин. Привыкла, что в особняке они ходят в белой униформе.

Островитянки совсем не носили белый, она наряжались во все цвета радуги, а в косы вплетали цветы и яркие нити. Самая обычная женщина на улице выглядела так самобытно, так необычно и стильно, что я будто в кино попала или на неделю моды в Крайтоне. Я глазела на них с восторгом ребенка. Особенно засматривалась на вязаные платки, которые островитянки набрасывали на плечи или повязывали на талии, как вторую юбку. А некоторые носили платки вместо головных уборов. Но в восторг меня привело другое: каждый из этих платков был с уникальным, неповторимым узором.

Я так залипла на рассматривание очередного творения, что пропустила момент, когда Рамон припарковал машину возле одного из зданий. Спohватилась, стоило ему открыть передо мной дверь.

– Дальше пешком.

Пешком так пешком. Тем более что я была не против размять ноги. До этого гуляла я исключительно возле особняка, а вот доступ к океану мне временно закрыли. В целях безопасности.

Когда мы свернули на одну из поперечных улочек, я поинтересовалась:

– Ты ведешь меня по магазинам?

А все потому, что в витрине лавки на углу были выставлены манекены с длинными сарафанами. Про себя отметила, что нужно обязательно туда заглянуть в поисках прекрасных тропических, как я их уже окрестила, платков. Но мы прошли мимо.

– И да, и нет.

– Ты просто мастер интриги.

– Пришли, – он толкает резную дверь желтого домика-магазина. Стекланных витрин здесь нет, а название ни о чем мне не говорит.

Внутри прохладно и царит полумрак, но мои глаза быстро привыкают и по ощущениям становятся просто огромными. Потому что в меня ударяет буйство красок, узоров и нитей. Они свисают с потолков, разложены на столе, украшают стены. Такие волшебные, что взгляд не отвести.

Мы в магазине тропических платков.

Магазинчике, потому что он настолько мал, что мы с Рамоном едва помещаемся в тесном пространстве для покупателей. За столом сидит очень старая женщина, не просто старая – древняя. На ее загорелом до цвета шоколада лице столько морщин, а волосы на контрасте такие белые, что я боюсь даже предположить, сколько ей лет. В ее руках длинный крючок, моток ниток и недовязанное стильное чудо.

Как? Как Рамон узнал, что меня заинтересовали именно платки? Он может читать мои мысли?

Пока я впала в ступор, верховный поприветствовал женщину повилемейски. Я разобрала про добрый день, хорошую погоду и ее чудесный внешний вид. Потом он указал на меня, и островитянка радостно закивала.

– Почему мы здесь?

– Ты сказала, что тебе нужно хобби. Вязание. Поэтому я привез тебя к тетушке Марианне.

Я поперхнулась. Кто же мог подумать, что Рамон воспримет мою шутку про вязание буквально?

– Эти все прекрасные платки создала она?

– Она и ее дочери.

Теперь я смотрела на седую тетушку как на богиню и на ломанном вилемейском сказала:

– Добрый день. Ваши... творения сказочно красивы.

К счастью, она меня поняла и расплылась в улыбке. Еще она поняла, что я не настолько хорошо знаю язык, поэтому объяснила, что лучше будет мне показывать, а не рассказывать. Марианна выложила на стол еще платки, большие, размером с банное полотенце, и совсем крошки, которые можно повязывать на сумки или украшать ими волосы. У меня в голове принялись щелкать образы, с чем их можно носить, как сочетать.

Ну почему у меня с собой нет денег! Я бы скупила весь магазин. Впрочем, куда мне столько? А вот мировым модницам такое бы пришлось по вкусу. Такие уникальные узоры.

– Сколько за все? – поинтересовалась я у тетушки, отобрав пять платков. Желтый, розовый, черный с яркими цветами и два цвета карамели. Они отличались по размеру, но великолепно дополняли друг друга, если комбинировать. Поняла, что с ними я просто не расстанусь.

– Подарок, – снова улыбнулась она.
– Как подарок? – опешила я. – Но они бесценны.
– Подарок, – повторила женщина по слогам, видимо, решив, что я глупая туристка.

– Просто прими, – посоветовал Рамон, – и поблагодари.

Я так и сделала, даже обняла женщину напоследок.

– Это настолько прекрасно, что я не понимаю, как об этих платках еще никто не знает, – сказала я Рамону, когда мы вышли на улицу. – На Крайтонской неделе моды за них бы передрались. Твой сюрприз удался.

– Рад, что тебе понравилось, – усмехнулся он. – Но это не сюрприз. По крайней мере, не весь. Ты права насчет того, что о них никто не знает. Но ты можешь это исправить.

– Я?!

– Тетушка Марианна никому не выдает своих секретов, но для тебя согласилась сделать исключение. Раскроет все свои секреты и научит вязанию платков.

Я стояла и моргала, прижимая к груди платки. Рамон не просто предлагает мне научиться вязать, он предлагает мне бизнес. Да, я сама подала ему идея, но он нашел эту тетущку. Мне останется только учиться, потом все это оформить...

– Нет.

Сказать это было нелегко. Это как отказаться от мечты, которая в шаге от меня: руку протяни, и все будет.

– Нет? – Верховный хмурится, и явно не от яркого солнечного света. – Разве не ты говорила мне, что тебе нужно хобби?

– Это не хобби, Рамон. Это... – Я помахала свободной рукой. – Я не знаю, что это. Ты хочешь от меня откупиться? Исполнить мою мечту, чтобы я отдала тебе дочь?

Он сжал губы в тонкую линию. Рассердился? Пусть! Мне необходим этот разговор. Нам необходим.

– Хорошего ты обо мне мнения.

– У. Меня. Нет. О. Тебе. Мнения. Никакого, – чеканю каждое слово, чтобы он понял. Чтобы до него дошло. Отпечаталось в его голове. – Я тебя не знаю, Рамон. Верховный ты или божественный. Как только я прихожу к какому-то выводу, ты делаешь что-то вроде этого.

Теперь я вскидываю вторую руку, с зажатými в ней платками. Великолепными, фантастическими платками, от которых я сейчас отказываюсь.

– Делаю – что? – уточняет верховный.

– Хорошие вещи, добрые дела... Мне сложно придумать этому название. Но меня сильно интересует твой мотив. Зачем ты это делаешь? Из-за ребенка? Так не нужно настолько напрягаться. Ты же раньше не напрягался. Привез меня на остров, хорошо устроил, я постоянно прохожу обследование. Но это, – я ткнула пальцем в магазинчик, – это взятка.

– Это подарок, – рычание верховного настолько утробное, что у меня встают волоски на затылке. – Без условий.

– Зачем? – повторяю я, в бессилии опускаю руки. – Зачем это тебе, когда нас ничего не связывает? Будь я твоей парой! Твоей женщиной! Да хотя бы твоей подружкой... Я бы могла это понять! Я бы могла понять доброту, заботу, интерес. Но для тебя я всего лишь контейнер с ребенком. Драгоценный контейнер, на чувства которого наплевать. Ты же меня к себе не подпускаешь. Обещал все рассказать о тех, кто угрожает моей дочери, но не рассказываешь. Я тебя чувствую, но этого мало. Я тебя совсем не знаю, Рамон!

Решимость продолжать этот разговор пропадает. Меня вымотал этот всплеск ярости. Сгорел и превратил всю в горку пепла.

– Я не стану принимать подарки от незнакомца. И больше не буду надеяться, что между нами что-то возможно.

Это должно было поставить между нами точку. Ну или стать запятой, после которой Рамон передумает. Я всегда была оптимисткой, поэтому до самого последнего мгновения верила, что вот-вот он скажет, что мы не незнакомцы, или еще что-то не менее важное.

Я хотела, чтобы он поспорил со мной. Или согласился. Последнего я боялась, но это было лучше, чем неопределенность, в которой я варилась с тех пор как встретила истинного.

Я была готова ко всему. По крайней мере, мне так казалось...

– Все не так, Венера, – начал он и осекся.

Радужка Рамона вспыхнула оранжевым, он резко повернул голову, будто прислушиваясь, а затем бросился вперед, повалив меня на тротуар. Мир перевернулся. Буквально. Взмахнулись выроненные платки. А моя пятая точка ощутимо поцеловалась с землей. Затылок

ждала бы та же участь, не перехвати верховный меня за шею и не защити мою голову.

– Что?.. – подавилась я криком, цепляясь взглядом за его взгляд. Рамон вздрогнул, и еще раз, а я уловила отчетливый запах крови.

Мои глаза расширились, хотя куда больше? По ощущениям они из орбит вылезли. Потому что следующий выстрел я услышала. Хотя, вернее будет сказать, почувствовала. У снайпера была заглушка, или как это называется? Но Рамон не успел от меня ментально закрыться, и меня резануло его болью. Конечно, не такой сильной, что испытывал он, но мне хватило.

Я всхлипнула, и он подхватил меня на руки, продолжая прикрывать собой и ловить пули. Я насчитала всего шесть, пока мы не ввалились в лавку с платками. Тетушка Марианна схватилась за сердце, но мне сейчас было не до старушки. Все мое внимание сосредоточилось на истинном.

Я пытаюсь задрать на Рамоне рубашку, но он отстраняется от меня.

– Nena, сиди здесь. Я должен его догнать.

– Ты сумасшедший?! В тебя стреляли! Тебе надо в больницу или к Франческе.

Рамон смотрит на меня так, будто уверен, что сумасшедшая из нас двоих я.

– Я в норме.

– Ты истекаешь кровью!

А еще тяжело дышишь и на ногах с трудом не стоишь. Шесть пуль даже для вервольфа много. Даже для божественного.

– Я смогу его догнать, если перекинусь в волка. Послушай, он несколько недель не показывался, и это шанс разобраться с лазутчиком на моем острове.

– Или способ умереть, – я зарычала и дернула за его рубашку, оторвав рукав. Невыносимый. Невозможный мужчина. – Вдруг они именно этого хотят? Чтобы ты оставил меня здесь? Одну.

За себя я не боялась, а вот за малышку и ее безбашенного отца – вполне. Вот после всего того, что я ему наговорила, мне вообще плевать должно быть! Это в идеале, а в реальности...

– Они же стреляли в меня, – добавила неуверенно.

Рамон выругался на местном языке, некоторые слова я даже узнала. Например, там было про то, что он поймает снайпера, и больше у него не будет детей. А потом выхватил из кармана брюк телефон и позвонил Хавьеру. Не нужно быть гением, чтобы понять, как сильно он хочет поймать мерзавца, но сегодня, сейчас, он выбрал меня и дочь.

Пока он давал указания, я взглянула на его спину: рубашка пропиталась кровью, и меня замутило только от одного вида, но я не рискнула ее поднимать. Я не врач, в конце концов.

От собственного открытия было страшно. Одно дело разбираться с Рамоном, другое – опасаться за жизнь дочери. Которая сегодня оказалась на волоске.

Если бы не он, пуля досталась бы мне.

Если бы не он, в меня бы вообще никто не стрелял.

Такая двойственность.

– Nena, – он привлек меня к себе и зашептал на ухо, – мы здесь в безопасности. Через пару минут нас заберет патруль и доставит в особняк.

– А снайпер? – тихо уточнила, пытаясь не клацать зубами от внутренней дрожи.

– Скрылся, – голосом Рамона можно лед крошить, но я его понимаю.

Вервольфы действительно забирают нас через считанные минуты. Один из них остается с Марианной, дожидаться ее дочери, остальные сопровождают нас, на этот раз в закрытой машине. Ни о каком спокойствии и речи нет, я все равно нервничаю, но больше всего волнуюсь по поводу Рамона. Потому что до медицинского кабинета он самостоятельно не доходит, здоровяку Хавьеру приходится его поддерживать. В операции я, конечно же, не участвую, но меня, по крайней мере, не запирают в спальне, оставляют в смежном кабинете. И даже пускают к нему, когда все заканчивается.

Только оказавшись возле постели Рамона, глядя на него спящего, меня отпускает. Я тихо плачу, выплескивая эмоции.

– Венера, с ним все будет хорошо, – говорит Франческа, – идемте со мной.

– Можно я останусь?

С места не сдвинусь! И доктор, кажется, это понимает.

– Хорошо.

Она уходит, а я сижу возле постели до тех пор, пока не заканчивается действие анестезии, и Рамон не приходит в себя. Достаточно быстро, потому что организм вервольфа выводит все за минуты. Что плохо, потому что боль к нему, наверняка, возвращается.

Наши взгляды встречаются, но лишь на миг. После верховный смотрит в потолок и говорит:

– Хочешь знать про моего врага? Я тоже хочу знать, кто он.

Никак не привыкну к тому, что Рамон то закрывается от меня на семь замков, то вот так делает признания, совершенно сбивающие с ног. Хорошо, что я сейчас сижу на краешке свободной больничной койки.

Он достаточно резко садится, отчего я подскакиваю тоже.

– Доктор советовала лежать, а лучше – спать.

Еще бы его остановили советы Франчески! Верховный попытался слезть с койки, но я встала на его пути. Буквально! Между его бедер.

– Не тогда, когда по моему острову бродит убийца.

– Так он и бродил с тех пор, как змею мне подбросил, – напомнила я. – Побродит еще.

– Не смешно, Венера.

В меня метнули злой взгляд, но я успела научиться определять, когда Рамон злой-злой, а когда просто раздражается и жаждет действия. Сейчас это второе. Уверена, спина у него болит и чешется – нормальный процесс регенерации. Вот он и рычит. Такой крутой глава Волчьего Союза, а ведет себя... как обычный мужчина во время болезни!

– Я и не смеюсь. Или ты думаешь, это кто-то другой?

Я смотрю ему в глаза, взглядом предлагая мне всё рассказать. Всё-всё. Или не рассказывать. Тогда я просто уйду, как решила сегодня.

Рамон прикрывает глаза рукой, сжимает челюсти, а я делаю шаг назад. Мне почти не больно, потому что я действительно все решила. Но отойти дальше я не успеваю: меня перехватывают за талию так быстро, что в первую минуту становится страшно. Вдруг он снова меня от кого-то прикрывает! Но Рамон заключает мое лицо в ладони, а затем целует меня, властно раздвигая губы языком. Он подчиняет меня себе одним этим поцелуем, вытесняя из моей головы все мысли.

Почти, потому что краем сознания я помню, что Рамон ранен, и мне нельзя ни оттолкнуть его, ни прижаться к нему теснее.

– Это что? – выдыхаю я, когда он отрывается от моих губ. – Отвлекающее мое внимание соблазнение?

Вместо ответа меня сграбастывают в объятия, тесно прижимая к своей груди и зарываясь лицом в мои волосы.

– Я рад, что ты цела, – звучит так проникновенно, что я почти уверяюсь в своей идее со соблазнением и отвлекающими маневрами.

– Наша дочь цела.

– Нет. Я рад, что цела ты. Там... на улице я думал только о тебе.

Действительно, Рамон сильно рисковал, когда толкнул меня на тротуар. От шока я могла не успеть сгруппироваться, и наша девочка пострадала бы. Только сработавшие звериные инстинкты защитили ее. А он говорит, что думал лишь обо мне?

– Если бы я не знала, что это невозможно, я бы решила, что ты пьяный.

– В каком-то смысле, это правда. Эта дрянь до конца не вывелась. Какое-то новое средство для вервольфов.

– То есть, ты протрезвеешь и перестанешь быть со мной откровенным? Мне срочно нужна Франческа и название этого чудодейственного препарата!

Я шутила, а вот он, кажется, нет.

– Два дня назад нашли лазутчика, который подбросил тебя ядовитую гаргу. Наемник, что скрывался на острове. Я предполагал, что это кто-то из островитян, кто-то из тех, кто продан. Но оказалось, он приплыл на лодке и прятался в джунглях. А еще был достаточно умен, чтобы не попадаться на камеры или удачно маскироваться под прислугу моего дома. Не зря такие как он называют себя безликими.

У меня по телу прошла дрожь.

– Кто он?

– Человек. Наемник. Один из лучших в мире.

И опять до мурашек. Не прижимай меня к себе Рамон, меня бы, наверное, затрясло.

– Что с ним случилось? Он... жив?

– Нет. Но предвосхищая твой вопрос – убил его не я. Эти сволочи не сдаются в плен. Я ошибся. Решил, что он единственный.

– Их много? – Мне это не нравится почти настолько же сильно, насколько ему.

– Не знаю сколько, и это, как вы, легорийцы, говорите, бесит.

Пальцы Рамона сжимаются на моих волосах: не больно, но ощутимо, а сам он отстраняется, напряженно вглядываясь в мое лицо.

– Я был уверен...

– Не вини себя, – перебиваю я, кладу руки ему плечи. – Думаю, кто-то очень сильно хочет меня убить и не жалеет для этой цели людей и ресурсов. Но почему – вопрос уже к тебе.

Рамон морщится то ли от боли, то ли от того, что нужно что-то мне рассказывать и объяснять.

– Не волноваться у тебя все равно не получится? – уточняет он с надеждой.

– Сложно оставаться спокойной, когда в тебя стреляют, – шучу я с нервным смешком. Вот так попадешь под пули и начнешь хихикать вместо нормально смеха. Но вервольф снова заключает меня в объятия, гладит так ласково, без подтекста, что мой смех перерастает во всхлипы, а всхлипы в слезы.

К счастью, Рамон не из тех мужчин, что теряются при виде женских слез. А может, он просто понимает, что мне это сейчас нужно. Его поглаживания, слова утешения, милые словечки на вилемейском. Я действительно успокаиваюсь, насколько вообще это возможно в подобной ситуации. Но аромат Рамона, его присутствие позволяют пережить ужасные воспоминания о нападении.

– Не со мной тебе стоило создавать пару, – его голос звучит хрипло, будто с надрывом.

– Согласна, – хлюпаю носом я. – Предки умеют удивлять.

Теперь очередь Рамона смеяться. Он дотягивается до салфеток на тумбочке между койками и подает мне.

– Это точно. Они выбрали не самый удачный момент твоего появления в моей жизни.

Я не специально выбираю момент, чтобы звучно высморкаться, но это именно то, что я думаю о его словах!

– Звучит не очень романтично. То есть подожди они пару лет, ты бы мне обрадовался?

Ха-ха! Три раза ха-ха.

– Статус верховного старейшины сделал меня абсолютно циничным.

– Это, – я неопределенно киваю, подразумевая все произошедшее, и нападение, и наемников, – из-за того, что ты старейшина?

Рамон отбирает у меня скомканную салфетку и ловко швыряет ее в корзину в углу, точно баскетболист.

– Этот враг гораздо более давний, чем моя работа на Союз. Можно сказать, он причина, по которой я вообще выбрал быть старейшиной. Ради обладания ресурсами, чтобы его выследить.

– Но не поймал.

– Как видишь.

В моей голове не укладывается, как можно прятаться от самого Союза. Если только...

– Это кто-то из Волчьего Союза, да?

Взгляд Рамона вспыхивает, но не от гнева, в нем загорается уважение пополам с восхищением и... Возбуждением? Хм, не знала, что божественный возбуждается от моих умных теорий!

– Зря я тебя недооценивал. С самого начала.

– Снова считаешь меня шпионкой?

– Нет. Мне повезло, что ты на моей стороне.

– Я еще ничего не решила, – качаю головой. Мы действительно так и не договорили там, на улице, и я ничего не забыла.

– Знаю. А вот насчет моего врага – у меня есть предположение, но нет доказательств. Этот змей – мастер замечать следы.

От ассоциаций со змеями меня передергивает, но мне нужно знать продолжение. Или, скорее, предысторию.

– Почему? Почему они нацелились на меня?

– Потому что ты моя пара, – от такого простого признания по коже бегут мурашки. – Ты ждешь от меня ребенка. Зачем это им? Чтобы причинить мне как можно больше боли.

– Месть? За что?

– Она кровная. Месть за мое происхождение.

– То есть? Ты не знаешь, кто тебе мстит, но знаешь, за что?

Рамон тяжело вздыхает, но, когда я пытаюсь заглянуть ему за спину и проверить бинты – может, ему больно, останавливает меня.

– Иногда мы общаемся. Мне присылают послания с подарками. Обычно это происходит, когда ему удастся меня достать.

Достать... Достать?! После того, как Рамону больно? Жуть!

– Он больной на голову?!

– Точно нездоров.

– Я все равно ничего не понимаю, – признаюсь. – Для меня это за гранью.

– Это одна из причин, по которой я не собирался тебе об этом рассказывать.

Я вскидываю голову:

– Потому что я не смогу понять?

– Потому что тебе не нужно лезть в это болото.

– По-моему, уже поздно. Я по уши в трясине.

Объятия Рамона снова становятся крепче, он словно раствориться во мне хочет или впаять меня в себя. Ведет себя, как волчонок с игрушкой: моя, не отдам!

– Это меня и пугает.

– Кажется, сегодня меня окончательно повысили, – пытаюсь пошутить. – Из шпионки в союзники. Из союзников в пары.

Я понимаю, что про пару – это не слова Рамона. Это, скорее, мнение неизвестного мстителя. И теперь понимаю, почему он не хочет видеть меня своей парой. Все банально: дело не во мне, а в том, что ему нельзя ни к кому привязываться. Нельзя никого любить. Еще бы от этого знания было легче! Мне вообще-то надо не только о себе заботиться, но и о малышке.

– Я знаю, что тебе непросто об этом говорить, но мне нужно все знать. Всю историю от начала и до конца. Чтобы защититься и защитить нашу дочь. А еще для того, чтобы не считать тебя злодеем, который отобрал у меня семью и доступ в Интернет.

– Особенно обидно за Интернет? – хмыкает Рамон.

– Р-р-р! Очень! Ну, что там с посланиями?

Я приготовилась слушать и попыталась вернуться на соседнюю кушетку, но вервольф мне не позволил: опрокинул меня на спину на свою койку, а сам улегся на бок. Придавил меня рукой и так устроился, что если начну сопротивляться, могу его задеть и сделать ему больно, и сползти не получится.

– Тебе тоже не помешает отдохнуть, – припечатали меня еще и словами. Заботливый какой!

– Первое послание я получил в шестнадцать, после гибели отца. Мне пришло письмо от друга. Так он себя называл. Он писал, что на мне лежит миссия возродить наследие Предков. Видишь ли, ген первых есть у многих вервольфов, но не все они могут перекидываться в Ужасного волка. Даже в моей семье такой способностью обладал отец, и она передалась мне, но мой брат обычный койот. Его дети тоже.

– Это плохо?

– Это хорошо, потому что мой враг помешался на моей исключительности. И на том, что я должен сохранить свои гены. Хорошо, что брата это не коснулось. Но в письмах было еще много указаний, которые я, конечно же, игнорировал. Я жил обычной жизнью, собирался победить своего кузена и стать альфой родной стаи. Учился. Заводил отношения. Все изменилось, когда у меня появилась невеста. Молодая волчица из соседней стаи. Мы общались в детстве, потом перестали, а тут встретились снова, и между нами будто искра пробежала.

Упоминание другой не нравится ни мне, ни волчице, пусть даже я уговариваю себя, что это все в прошлом. Все равно ревность колется тысячами ядовитых иголок и рычит яростным зверем. Мой, мой, мой! Пусть сегодня я собиралась отказаться от пары насовсем, ничего не помогает. Поэтому я закусываю губу, чтобы не зарычать и не помешать Рамону, который сейчас где-то далеко в своих воспоминаниях и смотрит сквозь меня.

– Я не мог перестать думать о ней. Мой волк сходил с ума, когда мы расставались хотя бы на день, и это было взаимно. И я, и она чувствовали... нет, мы знали, что встретили свою истинную пару. Поэтому нам было плевать на все правила. Мы были молоды и во власти звериных инстинктов, и не стали ждать свадьбы. Сиенна забеременела.

Сиенна.

Теперь это мое нелюбимое имя.

Одно дело думать о том, что у меня тоже было прошлое и детская влюбленность в Августа. Совсем другое, что у Рамона была большая любовь. Такая, из-за которой отказываешься строить другие отношения.

– Моему врагу это не понравилось. – Голос мужчины становится более глубоким и злым. Если до этого он был спокоен, то сейчас я начинаю беспокоиться за сохранность койки. – Настолько не понравилось, что с Сиенной случился несчастный случай. Благодаря волчьей регенерации она выжила, но не ребенок.

Инстинктивно тянусь к нему, глажу по плечу, и желание убивать во взгляде Рамона тает. Он смотрит на меня осмысленно, без гнева.

– Разве он не хотел продолжить твой род?

– Он объяснял это тем, что Сиенна мне не подходит. Из-за того, что она обычная волчица.

– А необычная – это какая?

– Он хотел, чтобы я заключил союз с ниреной.

– Союз? – переспросила я, и до меня тут же дошло. – Союз! То есть, брак?

– Необязательно, – покачал головой Рамон. – От меня требовался ребенок.

– Поэтому здесь Мишель?!

Я попыталась подскочить, но меня быстро вернули на место.

– Мишель здесь исключительно из-за того, что ей просто некуда идти.

– Ты уверен? Может, она в сговоре с твоим врагом.

Взгляд верховного был исключительно скептическим.

– Она попала на остров ребенком, Венера. Совсем девочкой, после смерти отца. Если это и был его план, она здесь ни при чем.

Почему мужчины недооценивают женщин. Нет, серьезно? Невинные наивные девочки рано или поздно вырастают, и превращаются в то, во что превращаются. Иногда во что-то хорошее, а иногда, как Мишель, в хладнокровных сучек, для которых чужая жизнь – игрушка.

Мишель. Хотелось бы относиться к ней непредвзято, с пониманием или хотя бы нейтрально. Но как я ни пыталась, у меня не выходило. Не выходило относиться к глупой жестокой девице по-человечески.

– Но ей прекрасно обо всем известно, – припоминаю я. – О том, кто она.

Рамон вздыхает, прикрывает глаза, а затем смотрит на меня.

– Не сразу, но я рассказал Мишель правду. Она слишком сильно хотела жить полноценной жизнью. Вне острова, конечно же. Она его ненавидит.

– Понимаю почему, – ворчу я. – Тут, конечно, красиво, но это как жить в клетке. Пусть даже в достаточно большой клетке.

– Проблема в том, что сейчас она единственная нирена, из тех, о ком известно Волчьему Союзу. Свободная нирена.

– И ты решил оставить ее про запас? На всякий случай, если враг будет настойчивым? – Мне хочется говорить спокойно, но спокойно не получается, раздражение все-таки прорывается через мои слова.

– Нет, – отрезает Рамон. – Для меня это неприемлемо. Она для меня как дочь, или, скорее, как младшая сестра.

Сжатый узел в груди после его слов заметно распускается, ослабляет внутреннее напряжение. Не то чтобы я верила, что верховный заинтересован в нирене, но эти женщины пахнут по-особенному. А еще Мишель пусть и тупа, но с воображением: уверена, она пыталась его соблазнить не раз, и не два.

– Она считает по-другому.

– Знаю я, как она считает, – рычит божественный, проводя ладонями по лицу. Точно, пыталась соблазнить! – Я не единственный мужчина в ее окружении, но именно меня она почему-то выбрала объектом юношеских грез.

Еще бы, такой мужчина, который создан для нее одной.

– Мишель давно не ребенок, Рамон.

– Не ребенок, – устало соглашается он.

– Так в чем проблема? Найди ей мужа, и пусть привязывается к нему.

– Таким был план. Я обещал это ее отцу.

Призрачное «но» повисло в воздухе.

– Послание, – догадалась я.

– Мой враг дал понять, что нирена должна оставаться рядом со мной. То есть, с ее парой, с ее супругом может случиться то же самое, что с Сиенной.

Сейчас о взгляд Рамона можно пораниться, пусть даже он смотрит куда-то мимо меня.

– Пока я не доберусь до него, она останется на Торо. Не хочу, чтобы из-за меня пострадал кто-то еще.

– Ты кого-то подозреваешь?

Рамон упрямо сдвигает губы.

Да, откровенным ему быть сложно. Но может же!

– Мы теперь в одной лодке, ужасный волк, – напоминаю я. – И достаточно давно. Ты мог отпустить меня, там, в Крайтоне, когда я могла еще улететь, и никто бы не узнал, что ребенок твой.

Взгляд Рамона смягчается, он притягивает меня к себе.

– Я не смог тебя отпустить.

Это больше похоже на признание. Признание, которого я так хотела. Но я боюсь снова обмануться. Пораниться о его обещания-не обещания.

– Из-за ребенка? – спрашиваю тихо.

– В Крайтон я вернулся, когда еще не знал о ребенке.

Мое сердце не просто ускоряет свой бег, оно грохочет в груди локомотивом, идущим на всех парах. Я верю и не верю одновременно.

– Это твой ответ?

– Это мой ответ, пена. – Его взгляд глубокий, он проникает в самую мою суть. Он меня очаровывает, заколдовывает, и пути назад больше нет. Рамон пальцами очерчивает мою скулу и подбородок, будто собирается поцеловать, и останавливается почти у моих губ. – Но вот что я тебе скажу: ты должна знать, на что подписываешься. Быть рядом со мной опасно, помимо этого врага есть и другие. Для таких как я сложно иметь семью. Это считается слабостью.

– Но ты хочешь попробовать? – выдыхаю ему губы в губы.

– Предки, да. Я сотни раз пытался от тебя отказаться, но ты сломала все мои щиты. Всю мою защиту. Смела ее своей мягкостью, стойкостью, нежностью. Своим ароматом.

Он ткнулся носом мне в шею, вдыхая мой запах, будто дуреющий от него. Я тоже дурела. От счастья, в которое не могла поверить. Мне казалось, что все это снится. Что моего божественного властного волка подменили, и вместо него подсунули этого ласкового любящего мужчину. Сколько же в нем любви? Сколько в нем нерастроченной нежности?

Я подаюсь вперед, целую его, вкладывая в свой поцелуй все, что до этого момента было сокрыто во мне. Что я не позволяла себе.

Чувствовать.

Открываться ему.

Любить его.

– Я...

Прервав этот поцелуй, я собираюсь признаться, но Рамон мне не разрешает: кладет палец на мои губы.

– Подумай, Венера, – чересчур строго говорит он, – хорошо подумай. Выбери правильно. Я своего слова не нарушу, ты по-прежнему можешь улететь в Крайтон после рождения ребенка. Я объявлю, что просто хотел ребенка.

– Думаешь, это сработает? – обиженно уточняю я. – После того, как ты сегодня меня закрыл собой?

– Это сработает. Сиенна смогла начать новую жизнь, и ты сможешь.

– А дочь?

– Если она унаследует мой ген, то останется со мной. Если не унаследует, – Рамон сжимает губы, но все-таки продолжает: – я отдам малышку тебе, откажусь от нее.

Р-р-р, какой же он невыносимый! Ведь ему же больно. Я чувствую, что больно.

– Или? Если есть выбор, значит, должно быть «или».

Меня стискивают так, что невозможно вдохнуть.

– Ты останешься со мной, пепя. Навсегда. Признаешь меня своей парой. Своим мужчиной. Подаришь мне дочь, а после сына. Мы станем настоящей семьей. Доверишься мне. Поверишь в то, что я стану защищать тебя и наших детей любой ценой.

Слезы наворачиваются на глаза.

– Это слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

– Это слишком опасно, женщина, пока мой невидимый враг жив, – рычит Рамон. – Но я не позволю никому причинить вам вред.

Я ударяю кулаком по твердой волчьей груди.

– Я уже твоя пара, божественный. И давно признала тебя своим мужчиной, это ты тормозил и пытался отгородиться от меня.

Рамон смеется, а потом прижимает меня к себе, поглаживает нежно по спине.

– Только никаких секретов, – выдвигаю обязательное условие.

– Больше никаких, – кивает он. – Расскажу все, о чем спросишь.

Верховный переплетает наши пальцы.

– Ты согласна? Быть моей луной?

– Луной? – вскидываю я брови.

– Так предки называли своих волчиц. Свою пару.

Красиво.

И трогательно.

Я тянусь за поцелуем и говорю:

– Я согласна быть твоей луной, Рамон.

Глава 13

На следующий день я не просто летала, я парила в облаках. В облаках нежности и любви. В эйфории, которая знакома тем, кто только что влюбился. Или осознал, что влюбился. Правда, если верить одному ужасному божественному, влюбился он в меня давно, и парой признал тоже. Но боролся с этим чувством до последнего. Так что я в каком-то смысле была благодарна безликому снайперу. Именно атака на меня заставила Рамона осознать, что он свою луну не отпустит. А я не хотела, чтобы меня отпускали. Меня и дочку. Я хотела, чтобы наша семья была полной и настоящей. Как я всегда и мечтала.

После такого с нами должно было случиться что-то жаркое и волнующее, но Рамону требовалось время на восстановление. Поэтому мы просто лежали в объятиях друг друга, сплетаясь руками и ногами. Он шептал мне милые фразы на вилемейском и переводил их. Так что время мы все-таки провели с пользой: теперь я знала бесчисленное множество ласковых слов, которые совершенно точно пригодятся, когда родится наша дочь. А потом сын.

Нарисованная Рамоном картин счастливой жизни опьяняла, кружила голову, позволяла надеяться исключительно на лучшее. В его объятиях мне казалось, что если мы вместе, то точно справимся со всем, что бы ни случилось. Признание моей пары и его предложение стать его луной виделось мне добрым знаком.

Знаком перемен к лучшему.

И никто нам не помешает: ни безликие, ни невидимых психопат, помешанный на выведении божественных вервольфов, ни Мишель...

Я в это искренне верила.

Но жизнь, как всегда, внесла свои коррективы.

– Верховный, у нас проблема, – хмурый вид Хавьера намекал, что новости у него так себе.

Начальник безопасности застал нас с Рамоном на любимой веранде. За ночь мой истинный полностью восстановился и пожелал завтракать как обычно. Даже стейк заказал, который съесть не успел: Хавьер явился раньше. И с плохими новостями. По морде вервольфа

прямо читалось, что новости не про то, как они отловили шпиона и посадили его на кол. Уверена, будь так, Хави был бы счастлив.

– Говори, – приказал Рамон.

Хавьер заговорил очень быстро, и я разобрала только «Торо», «джунгли», «лодка» и «Мишель».

Э-э-э?

Верховный очень медленно отложил нож, очевидно, чтобы не метнуть его в начальника охраны, и так же медленно поднялся. Внешне он остался спокойным, но в меня ударили его эмоции: мощный коктейль ярости, ненависти, вины.

– Что случилось? – поинтересовалась я хрипло, касаясь его руки. Чтобы напомнить, что я рядом и поддержу его в любом случае.

– Мишель похитили. Вывезли на яхте.

Я едва упавшую челюсть подобрала.

– Как?! Кто?

– Пока неизвестно, – ответил Хавьер, перейдя на вилемейский. – Но они воспользовались суматохой после вчерашнего нападения.

– Я приказал собрать всех вервольфов, чтобы они прочесали наш остров и достали мне снайпера. В итоге Мишель осталась без защиты.

Предки! Любви к Мишель я не испытывала, но все это в голове не укладывалось. Кому она вообще понадобилась? Зачем? Вроде злодею она нужна была на острове.

Со всеми этими мыслями даже разговор Хавьера с Рамоном проходил мимо меня, хотя они говорили на легорийском.

– Думаешь, они это заранее спланировали?

– Похоже на то. Либо захватили ее в качестве трофея.

Лучше бы Рамон рычал, но он сейчас был спокоен, как море перед штормом. Который вот-вот наберет свою мощь и обрушится всей силой на скалы.

– Где снайпер?

– Мертв.

Рамон кивает, будто и не сомневался в этом. Он дает распоряжения на вилемейском. Почему-то я не сомневаюсь, что это распоряжения, и Хавьер покидает нас чуть ли не бегом.

От тугого узла в груди, от предчувствия чего-то дурного становится сложно дышать. Еще и Рамон от меня полностью закрывается. Хлоп – и нет связи между нами.

– Нет, – шепчу я. – Не прячь от меня свои чувства. Снова. Это не твоя вина.

Он опирается о стол, стоит так с закрытыми глазами.

– Думаешь, от этого легче?

Тарелка со стейком отправляется на пол, снесенная штормом-Рамоном.

– Я поклялся, пепя. Я поклялся ее отцу. И я подвел его.

Я хватаю его за напряженное предплечье, знаю, что меня его гнев никогда не коснется. Просто знаю.

– Ты защищал меня и дочь. Свою семью.

– Да, – соглашается он. – Но эта война не должна была коснуться Мишель.

– Ты найдешь ее, – обещаю уверенно. Пусть я терпеть не могу эту эгоистичную девицу, мой истинный не должен страдать от ее потери. Не должен нарушать своих клятв. – Все будет хорошо.

– Найду, – повторяет Рамон и обнимет меня. Напряжение полностью не ушло, но он снова открывается для меня, и помимо вины и ярости к его чувствам примешивается благодарность: – Только на острове теперь небезопасно. Одну я тебе здесь не оставлю.

М-да, я как-то совсем не подумала, что истинному либо со мной сидеть, либо Мишель искать.

– Ты возьмешь меня с собой?

Он качает головой.

– Нет, но я отвезу тебя туда, где ты будешь в безопасности.

Безопасным местом оказалась столица Вилемии Вилемия. Да, с оригинальностью в этой стране все сложно. Но по словам Рамона он мог доверить наши с дочерью жизни только своей семье. Мы летели в стаю, в которой верховный вырос, альфой которой хотел стать, и вожаком которой сейчас был его брат.

Сборы не заняли много времени: ими занимались слуги. Все происходило слишком быстро, в спешке. Рамон торопился поскорее покинуть остров. То ли потому что больше не чувствовал себя здесь дома, то ли хотел догнать похитителя Мишель раньше, чем ей причинят вред. От мыслей о последнем мне становилось не по себе. Кому понадобилась рыжая и зачем? Как это связано с психопатом, который спит и видит как скрестить божественного с ниреной? Он передумал? Решил напугать?

Мы вылетели во второй половине дня. Я поднялась по трапу знакомого самолета и оглянулась. Зеленые бока острова, скалы, подчеркнутые небесной лазурью, обещали райское наслаждение и ничуть не выглядели опасными. Я провела здесь несколько недель, но успела привыкнуть к этой безмятежности. Остров не стал мне домом, но мог бы.

– Мы же вернемся? – спросила я у Рамона, который шел за мной. Он приобнял меня за талию и посмотрел в том же направлении, куда смотрела я.

– Это мой дом, пепя. Никто не выгонит меня отсюда, но случившееся – значимый стимул разобраться во всем как можно скорее. Мы вернемся сюда, когда все закончится, и будем растить здесь наших детей.

Я привстала на носки и поцеловала его в щеку.

– Звучит заманчиво.

– Мы не улетаем насовсем. Считай это просто визитом к родственникам.

В самолете нас уже ждал Хавьер с другими вервольфами, доктор Сураза с Донаттелой и... Альваро! Его я точно не ожидала здесь увидеть.

– Альваро летит с тобой? – уточняю у Рамона.

– Нет, он составит компанию тебе.

Я вскидываю брови, и он объясняет:

– Побудет твоим переводчиком.

– В твоей стае не знают легорийский? Ты прекрасно на нем говоришь.

– Знают. Но пусть он все равно будет неподалеку.

Опять это наследие предков что-то недоговаривает.

– Пойдем, – командую я. – В спальню.

Рамон улыбается так, что у меня начинает сбивать сердечный ритм.

– Мне нравится ход твоих мыслей, пепя. – Он сам подталкивает меня в хвост самолета.

– Я просто хотела поговорить, – фыркаю я, когда мы оказываемся за закрытой дверью. Фыркаю, потому что меня тут же прижимают к этой двери. У Рамона не разговоры на уме: он стягивает бретельку

моего сарафана, покрывает плечо торопливыми поцелуями. – Нам же скоро взлетать!

– Без нас не взлетят.

– Р-р-рамон, – рычу я, но уже без прежнего энтузиазма. Это вообще больше на стон похоже, чем на рык.

– Да, пепя, мне нравится, как ты стонешь мое имя. Продолжай.

Мы падаем на кровать, сливаясь в поцелуе. Пока в поцелуе. И я готова раствориться в этом мужчине...

Стук в дверь раздается совсем не вовремя: я почти стянула с Рамона рубашку, а он задрал мою юбку.

– Верховный, мы готовы взлетать, – узнаю я голосок стюардессы. Мы с Альваро обсуждали тему самолетов, так что я ее сейчас понимаю.

– Мы тоже готовы, Мария, – отвечает мой истинный, совершенно не запыхавшись. – Можем взлетать.

Его пальцы скользят по моему груди, сжимают сосок, и вместе с этой острой лаской он входит в меня, заполняя собой целиком. Я выгибаюсь, развожу бедра, сильнее принимая его в себя. Это так дико. Так яростно. Его толчки, и мой самый чувственный ответ.

– Я должна проверить, пристегнули ли вы ремни.

Предки, она же не войдет сюда?!

Мне будет стыдно. Немного. Но я уже не могу оторваться от Романа.

– Я сам проверю, – обещает он. – Как раз этим занимаюсь.

Я закусываю губу, чтобы не расхохотаться в голос. Мари, свали уже отсюда по-хорошему! Иначе умрешь от зависти. От той нежности, от страсти, что дарит мне истинный.

Ладони лихорадочно блуждают по его спине. Я хочу прижаться к нему крепче. Хочу впаяться в него. Люблю...

Мой.

Истинный.

Мой крик тонет в гуле самолета, мир разлетается в пыль, чтобы собраться заново рядом с ним. Только рядом с ним.

Нам положено быть в креслах, но мы остаемся в постели: Рамон опирается на спинку, подтягивает меня к себе, усаживает на колени. Нарушаем технику безопасности, как можем. Мы снова сплетаем свои пальцы, ладонь к ладони. Наш жест.

– Так о чем ты хотела спросить?

– О твоих родственниках. Я должна знать, к чему мне нужно готовиться.

На этот раз мне не пришлось выпытывать информацию из Рамона: он охотно рассказывал обо всем и обо всех. Начиная от своего брата и заканчивая племянниками.

Брат, по его словам, был похож на Доминика. Властный, но справедливый, и за свою стаю порвет любому горло.

– Из недостатков у него немного странное чувство юмора. Не такое как у меня.

Я скептически приподняла бровь.

– Прости, но тебя нет чувства юмора.

– Есть, – нахмурился Рамон. – Просто я редко его показываю. Верховным старейшинам юмор не к морде.

– Ух ты! И правда есть!

Второй шла Сиенна. Про нее мне было особенно интересно, хотя бы потому что они с Рамоном бывшие. Но божественный не вдается в детали, говорит только, что она достойная первая волчица. Если брат достаточно спокойный, то Сиенна бывает вспыльчивой, но быстро остывает. Она сделала и делает много всего для стаи. Очень любит свою семью.

– У них не договорной брак, как это часто бывает среди вервольфов. Микаэль и Сиенна влюблены друг в друга. Ты это сама увидишь. Еще есть моя мама...

Три часа пролетают, как один миг. Быстро по сравнению с прошлым перелетом, но дело даже не в этом. Мы прилетаем в столицу быстрее, чем мне хочется, а значит, близится встреча с родственниками и расставание с Рамоном. Может, поэтому я не особо рассматриваю город, хотя он, бесспорно, красив. С узкими старинными улочками, с выложенными брусчаткой тротуарами, великолепными барельефами на домах, явно представляющими историческую ценность. Если Крайтон урбанистический, современный город, то Вилемия оказалась будто из прошлого. Только наличие светофоров с электронными табло, огромное количество машин и неоновых вывесок позволяло понять, что мы по-прежнему в нашем веке, а не путешествуем во времени.

Моя голова занята исключительно нашим с Рамоном разговором в самолете.

– Тебе нужно будет принести клятву верности Микаэлю, – предупредил меня он.

– Зачем?

– Она свяжет обязательством не только его, но и всю стаю. Ты станешь своей. Частью стаи.

– Ты не доверяешь брату?

– Напротив. Ему я доверяю даже больше, чем себе. Более ответственного вервольфа я не встречал. Это стая, в которой я вырос. Если попрошу, они сделают для меня все. – Он обнял меня и поцеловал в макушку. – Но, пена, я верил, что на моем острове тоже безопасно. Поэтому хочу перестраховаться. Во всех смыслах.

Перестраховаться – это хорошо, потому что мы отвечаем за нашу дочь, а ею я рисковать не стану.

Впрочем, известную на весь мир достопримечательность – башню святого Петра, которую украшали большие часы – не заметить я не могла. Ее было видно за пару кварталов, и я так засмотрелась на нее, что не обратила внимание на то, что машина остановилась. Как оказалось, лишь для того, чтобы дождаться, пока откроются кованые ворота.

За ними оказалась огромный парк, озеро и великолепный дворец на холме. Домом это трехэтажное белоснежное великолепие, раскинувшееся на два крыла, назвать было сложно.

– Дворец? – выдохнула я. – Парк? Я не брежу?

– Подарок королевы Паулины Второй моему прапрадеду.

– То есть, это территория твоей стаи? В черте города?

В Крайтоне все территории вервольфов были за городом, а тут стая, живущая в столице!

– Они единственные удостоены такой чести.

– Это невероятно!

Рамон слабо улыбается, я чувствую его напряжение, пока мы приближаемся ко дворцу. По пути я замечаю несколько домов поменьше, но они тоже достойны королей. Территория стаи ухожена и больше похожа на человеческие парки, чем на волчьи леса. Идиллия.

– Рамон, если здесь так безопасно, почему ты сразу не привез меня сюда?

Верховный плотно сжал губы и нахмурился. Признак того, что тема для него болезненная – я уже научилась различать его

настроение.

— Мы плохо расстались.

— С братом?

— Со всей стаей.

— Из-за чего?

Он сжимает мою ладонь: хорошо, что за рулем водитель, и у нас есть возможность побыть наедине. Пусть даже на заднем сиденье автомобиля.

— Из-за моего решения стать верховным старейшиной.

Теперь хмурюсь я:

— Они не поддержали твоё решение?

— Они хотели, чтобы альфой стал я.

— Даже брат?

Быть альфой почетно. Это ответственность, но и большие возможности, власть. Но ответ Рамона меня удивляет:

— Особенно он. Вот мы и на месте.

Машина останавливается перед широкой лестницей, ведущей к парадному входу, и водитель выходит, чтобы открыть перед нами двери. Первым выходит Рамон и подает мне руку. Зима в Вилемии напоминает крайтонское прохладное лето. Не так жарко и влажно, как на острове, но все равно чувствуется близость океана. Поэтому я не против того, когда он набрасывает на мои плечи кофту. Но почти сразу забываю и о том, что разнежилась на острове и теперь мне холодно, и о заботе Рамона.

Из дома высыпает толпа вервольфов. Волков двенадцать, не меньше.

Кажется, немедленного знакомства с родственниками не избежать.

Микаэля я узнаю сразу. Не потому, что они с Рамоном похожи, а потому что альфу видно сразу: по взгляду, по расслабленной походке хищника, по тому, как он первым шагает нам навстречу, спускается по ступеням.

За ним следует молодая волчица. Красивая, знойная, как все южанки. Темные волосы с красиво выгоревшими светлыми бликами, смуглая кожа, полные губы, густые брови, которые отнюдь ее не портят. Стройная, спортивная фигура.

Сиенна, догадываюсь я. И пытаюсь найти в ней недостатки.

Не нахожу, потому что бывшая Рамона выглядит как королева в элегантном брючном костюме. Это не нескладный, гадкий утенок Мишель. Рядом с такими женщинами хочется посмотреться в зеркало, поправить волосы, макияж, а лучше сразу записать на ринопластику. Потому что у меня слишком крупный нос, а у Сиенны он идеальный даже для волчицы.

Как ни странно, меня она тоже беззастенчиво рассматривает. Не только она: Микаэль, оставшиеся наверху лестницы вервольфы, все присутствующие бросают на меня любопытные взгляды. Но стоит им посмотреть на Рамона, волки хмурятся. Судя по всему, ему здесь не рады.

– Приветствую вас, верховный старейшина, на моей территории, – официально здоровается альфа, и мои брови взлетают вверх.

Эмм, я, конечно, поняла, что они расстались не очень, но разве так встречают братьев? Тем более что в Микаэле я чувствую скрытый гнев.

– Давай опустим церемонии, Мик. Я здесь как твой брат, а не как представитель Волчьего Союза.

Альфа рычит, и Рамон тоже. Они сталкиваются взглядами, как волки, встретившиеся на узкой тропе, смотрят долго.

Кажется, я забываю, как дышать. Смотрю на Рамона с тревогой, потому что меня касаются его чувства. Там столько всего намешано: и ярость, и вина, и что-то еще горькое...

– Брат? Разве ты остался моим братом после клятвы Союзу?

– Разве есть узы сильнее уз крови?

Спустя долгую, бесконечную минуту альфа кивает и расслабляется. Буря миновала, и это понятно даже по тому, что Сиенна становится рядом с ним, берет его под локоть.

– Рад, что до тебя это наконец-то дошло, Рамон, – говорит Микаэль. – Ты сказал, что тебе нужна услуга.

– Помощь, – поправляет его мой истинный уже на легорийском и притягивает меня к себе, – мне нужно, чтобы вы приютили Венеру.

– Венера, – впервые заговаривает Сиенна, и я наконец-то нахожу в ней недостаток – слишком хриплый, будто каркающий голос. Еще и сильный акцент. Отвратительно, как она коверкает мое имя! И еще более отвратительно, что я ревную. – Кто вы?

– Я его пара, – гордо отвечаю я, и вокруг становится совсем тихо.

Я скорее чувствую, чем вижу – что-то не так. По реакции Рамона, по реакции остальных. Сиенна едва не роняет челюсть, Микаэль в бешенстве, а мой истинный прикрывает глаза.

Мгновение тишины проходит, как театральная пауза, и родственники раздражаются гневными фразами:

– Ты завел роман с волчицей!

– Как ты мог, Рамон!

Как хорошо, что я подтянула вилемейский! И понимаю смысл их слов. Тем не менее мне обидно за такое «гостеприимство».

– Вы считаете, что я недостойна вашего брата, альфа Микаэль?

Рамон перехватывает меня и целует в висок.

– Спокойно. Все в порядке. Я ждал менее эмоционального приема. Но ты здесь ни при чем.

Я фыркаю, а до альфы и его волчица наконец-то доходит как все выглядит с моей стороны. Они замолкают, переглядываются, и Микаэль подтверждает:

– Конечно ни при чем. Я не знаю вас, Венера, но скажу честно, что это мой брат недостойн вас.

Я абсолютно ничего не понимаю. Вот ничегошеньки. Но Рамон берет все в свои руки.

– Поговорим в кабинете, Мик, – приказывает мой истинный, и вот что бы он там ни говорил про то, что в стае он просто Рамон, сейчас перед нами совершенно точно верховный старейшина.

Это понимают все, поэтому Микаэль перестает яростно раздувать ноздри и кивает на дом. Не знаю, если он спокойный, то кто тогда беспокойный? Или дело в ситуации? Во мне?

Мы проходим мимо остальных вервольфов. В красивой в летах волчице я узнаю мать Рамона. Ее сложно не узнать, потому что острый взгляд темных глаз, резко очерченные скулы, манера держаться по-королевски мне очень хорошо знакомы. Когда мы проходим мимо, она поджимает губы, глядя на старшего сына, но когда переводит взгляд на меня, складывает рот буквой «о». Кажется, она первая, до кого доходит, что я беременна. Остальных больше волнует, что я делаю рядом с Рамоном, а мама уже все поняла.

Дольше мы не задерживаемся, верховный, сплетая наши пальцы, уводит меня за собой. К счастью, в кабинет мы отправляемся

вчетвером: альфа с первой волчицей, и мы с Рамоном. Остальные остаются.

Внутри дворец не менее роскошный, чем снаружи. Широкая мраморная лестница расходится рукавами и уводит на второй этаж, деревянные перила, колонны, блестящий паркет, картины Эрмираля на стенах. «Волки на охоте» и «Полнолуние». Подлинники или репродукции? Судя по благосостоянию стаи, первое вполне вероятно.

— Доверься мне, — просит Рамон.

Мог бы и не говорить. Я доверяю ему как себе, а вот этой стае пока нет.

Кабинет Микаэля находится на первом этаже. Он просторный, с массивным столом, стеллажами для книг, тяжелыми портьерами на окнах. Длинные диваны друг напротив друга «намекают», что здесь часто проводят совещания. Все старинное, словно я оказалась в музее, здесь даже запах бумаги и старого дерева, только монитор и плазменная панель на стене портят это впечатление. А так, кабинет как кабинет.

Стоит двери закрыться Микаэль обращается к Рамону повилемейски, но мой истинный его перебивает:

— Говори на легорийском, чтобы Венера все слышала и понимала.

— Не проблема, — хмурится альфа, но выполняет просьбу. — Единственная не проблема в ворохе того, что ты придумал.

— Я попросил тебя о помощи.

— Ты попросил приютить волчицу.

— Я сказал, что все объясню лично.

— Ты не сказал, что она твоя пара!

Я думала, что те стаи, членом которых я успела побывать, странные, но эта бьет все рекорды. Эти, например, разговаривают на моем языке, но так, будто меня здесь нет.

— Предки, ты беременна.

Пока я следила за мужчинами, совсем забыла про Сиенну, а она, опустившись на подлокотник дивана сейчас смотрела на меня во все глаза.

— Да, — киваю я осторожно. Наверное, не стоило сразу про пару говорить, вон как родственников прикрыло этой новостью и до сих пор не отпускает.

– Предупреждая вопросы, – Рамон помогает мне опуститься на диван, – ребенок мой.

И снова эта тишина, как будто ребенок от Рамона – это ужасно, и мне следует умереть на месте. На этот раз Микаэль приходит в себя быстрее, и спрашивает у брата:

– Она в курсе?

– Я понимаю вилемейский, альфа Микаэль. Просто знаю его недостаточно хорошо.

Впервые вижу сконфуженного альфу, но брат Рамона умеет удивлять.

– Простите, Венера. Мы не с того начали. Для начала мне стоило представиться, хотя подозреваю, что раз вы знаете мое имя, значит, знаете про меня.

– Немного.

Микаэль представляется по правилам и представляет свою супругу, а Рамон в ответ рассказывает обо мне. О том, что мы встретились в Крайтоне, и что он увез меня на остров.

С каждым словом его брат мрачнеет все больше, задумчиво потирая подбородок. А в конце все-таки спрашивает:

– Так ты ей все рассказал?

– Венера знает про моего врага.

– Знаешь? – шокированно выдыхает Сиенна. – И ты согласилась?

Рамон кладет ладонь мне на колено прежде, чем я успею ответить, мягко сжимает пальцы, вызывая во мне приятные мурашки.

– Успокойтесь, – приказывает он, и в его голос вплетаются властные ноты верховного, привыкшего к тому, что его слушаются даже альфы. – Все. Я здесь за помощью, а не ради упреков или советов. Я спрятал Венеру на своем острове, но до нее добрались безликие.

Сиенна вздрагивает и зажимает рот ладонью, Микаэль подается вперед.

– Все в порядке, – повторяет верховный, – никто не пострадал, но, как вы понимаете, ей нужно спрятаться. А твоя стая, Мик, самая могущественная в Вилемее. Плюс у тебя иммунитет к приказам членов Волчьего Союза.

Я о таком даже не слышала. Что существуют такие стаи. Но видимо его стая действительно особая.

Хотя мне с каждой минутой все меньше и меньше кажется, что они согласятся. Подвергать собственную стаю опасности из-за чужой волчицы?

– Безликие, значит? – Микаэль переглядывается с супругой и кивает: – Мы с радостью примем Венеру, на территории стаи им до нее не дотянуться. Но на тебя это не распространяется.

– Почему? – вырывается у меня. Головоломка в голове просто не складывается. То есть, до меня доходит, что не рады они не мне, а Рамону. Но это же бессмыслица! Он им брат, сын, член стаи, а они готовы принять чужачку.

– Что – почему? – переспрашивает альфа.

– Почему вы соглашаетесь помочь мне?

– Потому что я ненавижу безликих, – выплевывает Микаэль. – Точнее, тех, кто ими руководит и отправляет выполнять грязную работу. Потому что моя супруга пострадала от их рук. Чуть не погибла. Если я могу спасти еще жизни, я спасу. Но не ради него.

– Он ваш брат, – напоминаю я, хотя мне ли говорить о кровных узах.

– Нет. Он отказался от семьи, когда стал верховным старейшиной. Когда перешел на их сторону.

– Мик хочет сказать, что я их предал, когда вошел в Волчий Союз. – Рамон как океан спокойствия вокруг острова-вулкана, и мое раздражение тоже постепенно тает. Я ему доверяю. Этого достаточно.

– Потому что твой враг тоже там?

– Потому что он поставил месть выше собственной жизни, – объясняет Микаэль. – Вместо того, чтобы жить дальше, нормально, спокойно, ты решил объявить войну.

– Нормально? Спокойно? – хмыкает Рамон. – Без права на личное счастье, ты хотел сказать. Стать марионеткой в чужих лапах на всю жизнь. Меня не устраивало такое «нормально».

Он себя контролирует. Хорошо контролирует, но я чувствую тоску своей пары. Не то по миражу «счастья», которого он не знал, не то по прошлому с Сиенной, хотя Рамон ни разу толком на нее не посмотрел. На ту, кого считал своей истинной.

– А сейчас устраивает? – альфа серьезен.

– Сейчас мне есть за что бороться, – он берет меня за руку. – За кого бороться.

Я прижимаюсь в своему истинному, показывая всем, что доверяю ему. Я действительно доверяю ему. Вервольфу со странной стаей.

– Я понимаю, что ты такая же безумная, как и он? – интересуется Микаэль уже у меня. – Раз решилась на ребенка.

– Оно получилось само собой, – отвечаю ровно. – Но я ни о чем не жалею.

Альфа снова переглядывается с волчицей, словно они общаются мысленно, а может, в словах просто нет необходимости: они понимают друг друга с полувзгляда.

– Мы спрячем Венеру. Позаботимся о твоём волчонке. Все-таки он мой племянник.

– Племянница, – поправляет Рамон. – У меня будет дочь.

– Союз в курсе?

– Я со всем разберусь.

Теперь взглядами общаются братья, а от меня нить разговора ускользает. Я чего-то упускаю? Или уже мерещится всякое от усталости?

– Хорошо, – кивает альфа. – Хватит и временной клятвы верности.

Все клятвы похожи, поэтому мне легко повторять за ним. Я чувствую, как невидимая сила связывает наши с Микаэлем судьбы. На время. Но теперь я под его защитой, и Рамон удовлетворен.

– На тебя приглашение по-прежнему не распространяется, – говорит альфа, когда мы заканчиваем с церемонией. – Ты верховный.

– Я все равно уезжаю. Мне нужно найти Мишель.

Рамон поднимается, и я понимаю, что все.

Мы расстаемся.

Прямо сейчас.

Не так я себе это видела. Думала, что успею попрощаться. Поцеловать его, обнять. Побывать с ним еще немного. А мы, получается, должны расстаться у всех на виду.

Чего мне не хочется. Мне вообще расставаться с ним не хочется.

Рамон смотрит мне в глаза, и в них я ловлю отражение собственных чувств. Но еще глубокую уверенность в том, что мы делаем все правильно. А вот на мои глаза наворачиваются слезы.

– До скорой встречи, пеп, – говорит он ласково. – Это всего на пару дней. Я освобожу Мишель и вернусь к тебе. И больше мы

никогда не расстанемся. Веришь мне?

Не в силах справиться с эмоциями, я просто быстро киваю и прижимаюсь губами к его губам.

Непоследний поцелуй.

Сейчас моей волчице хочется завывать: она тоже не желает отпускать свою истинную пару. Но так надо.

Я отталкиваюсь от Рамона и иду прочь из кабинета за Сиенной после ее слов:

– Пойдем. Я все тебе покажу.

Рамон

С домом, который когда-то действительно был моим домом, я больше не чувствую связи. Это теперь дом и стая Микаэля, не мои. Но каждый раз, когда я оказываюсь здесь, глубоко в груди, там, где сердце, ноет от ностальгии по тому, что невозможно вернуть. События, чувства, вервольфов. Поэтому я не стремлюсь оставаться здесь дольше, чем необходимо. В этом наши мнения с братом сходятся: Мик тоже не уговаривает меня задержаться.

Стоит покинуть кабинет – после ухода Сиенны и Венеры мне там делать нечего, как я наталкиваюсь в коридоре на мать. С ней я расстался так же, как и со всеми. Плохо. Но если мать здесь, значит, передумала выбрасывать меня из сердца.

– Ты вернулся? – спрашивает она.

– Нет, – качаю головой, – это временное убежище для Венеры и ребенка.

– Венера, – мама повторяет имя, будто пробуя его, привыкая. – Она особенная девушка, если ради нее ты изменил своим принципам волка-одиночки.

– Особенная. Она моя пара.

Мать приподнимает бровь.

– Как Сиенна?

– Нет. Как ты для отца.

По ее лицу проходит судорога. Может, зря я его упомянул, после смерти отца всё изменилось. Всё и все. В особенности, мама, у которой будто разом забрали радость и счастье. Любовь. Я тоже любил

отца, но мать не понимал. Ровно до того момента, как заметил летящую в Венеру пулю.

Теперь я совершенно точно ее понимаю. Потерять пару – равно потерять собственную жизнь. Навеки увязнуть во тьме и одиночестве.

– О каких принципах речь? – уточняю я. – Я вернулся в отчий дом, где меня считают предателем.

Мама тяжело вздыхает и смотрит на меня так, как это умеют делать только родители. Как на несмышленных волчат. Только она упустила момент, когда я был несмышленным и вообще волчонком.

– Я не считаю тебя предателем, Рамон. Никогда не считала. Я просто хотела, чтобы ты был с семьей, а не гонялся за убийцами.

Я стискиваю зубы: знакомая песня. Стая хорошая, а я плохой волк.

– Даже если это убийца отца?

– Тем более. Мсть разрушает жизнь, когда становится ее смыслом.

– Это не только мсть, это моя жизнь в принципе. Мое будущее.

– Ты его уже разрушил, – голос матери становится громче, она взмахивает руками. – Когда стал старейшиной. Когда отказался от стаи. От нас.

– Ты ничего не забыла, мама? Это вы от меня отказались. Надеялись, что я передумаю. Что вернусь и буду просить прощения. Ты решила мною манипулировать. Как это сделал *он*. Убийца отца. Но вы все ошиблись. Собственной жизнью я буду управлять сам.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти. Этот разговор окончен, как сотни разговор до него. Но мать устремляется за мной.

– Если бы ты стал альфой, женился на Сиенне, ничего бы этого не было!

Надо же. Мать по-прежнему уверена, что можно просто закрыть глаза на неизвестного манипулятора, который решил играть вервольфами, как пешками.

– Было бы больше крови. Даже Мик это понимает. Уверен, он счастлив, что я подвинулся. Во всех смыслах.

– Если ты нас так презираешь, зачем ты здесь?

Снова в ход идут манипуляции: слезы, дрожащий голос, пафос. Я все это уже проходил, и когда-то считал, что мать действительно заботится обо мне. На самом деле, она думала о стае и о будущем

альфе. Когда я стал верховным старейшиной, она вычеркнула меня из своей жизни без сожаления. Что изменилось сейчас?

Венера и моя дочь. Хочется забрать их отсюда немедленно, чтобы моей паре не успели промыть мозги в попытках переманить на свою сторону. Но я себя останавливаю: моя пена настоящая волчица, умная, упрямая, умеет слушать и анализировать. Она разберется, кто к чему. А еще она на моей стороне. От этого на сердце теплеет.

Это всего на пару дней.

– Ошибаешься, – отвечаю я матери. – Я испытываю к вам исключительно благодарность. Если бы не вы, я бы не встретил Венеру. Почему оставляю ее у вас? Вы не отдадите беременную волчицу Волчьему Союзу. А еще убийц отца вы ненавидите сильнее желания меня проучить.

Слезы уходят, мама яростно сверкает глазами:

– Как тебе в голову пришло, что я могу навредить своему внуку?

– И поэтому тоже, – киваю я и на этот раз оставляю мать пыхтеть от возмущения.

Чем быстрее разберусь с делами, тем быстрее вернусь к своей семье.

Стае.

– Остаешься с Венерой, – приказываю я Хавьеру. – Бери лучших вервольфов. Отвечаешь за нее жизнью.

Друг недовольно прищуривается, и мне это не нравится:

– Что не так?

– Это не имеет отношения к твоему приказу, верховный. Просто мы узнали, где находится Мишель. И лучших вервольфов тебе стоит взять с собой.

Хавьер вводит меня в курс дела, и я с каждым словом хмурюсь все больше и больше. Потому что Мишель не просто похитили, ее похитила стая Джайо с Нималуйского архипелага. Ей, а точнее теперь уже ее новому альфе, принадлежит весь архипелаг. Мало того, что территория под юрисдикцией другого верховного, так еще эта стая известна как одна из самых «застрявших в прошлом».

Вервольфы долгое время жили в лесах и в степях, отвергая технический прогресс в городах людей. Если ты зверь, тебе не нужны поезда или самолеты. Если ты можешь сам себе поймать обед, ты не нуждаешься в печи или в холодильнике. Но потом все изменилось, мы

стали жить с людьми на одной территории, пользоваться сотовой связью, посещать общие рестораны и еще много всего. Стаи по-прежнему существовали, но молодые волки все чаще выбирали жить отдельно, поближе к университетам или к месту работы. Они дружили с людьми, заводили романтические отношения с людьми.

Большинство из нас смешалось с людьми.

Но не все.

Некоторые считали это предательством нашей природы и продолжали жить так, как жили лет сто-двести назад. Стая Джайо как раз яркий приверженец таких традиций. Темная стая. Я с ней не сталкивался, зато был наслышан. На свой архипелаг они никого не пускали, но и в мировую политику вервольфов не лезли.

До того, как объявили мне войну.

В то, что они не знали кто я, я не верю. Как не верю в то, что они просто проплывали мимо моего острова и увидели Мишель.

— Ты остаешься здесь, — приказываю Хавьеру. — А я заберу Мишель.

— Это может быть ловушкой, верховный.

— Уверен, так и есть. И даже не сомневаюсь, чья. Но я не собираюсь лезть туда в одиночку.

Я набираю Илайю, верховного, что присматривает за архипелагом, и обрисовываю ему ситуацию. Он соглашается, что нужно со всем разобраться и предлагает встретиться в ближайшей точке в архипелаге. Дальше только на вертушке.

— Ты ему доверишь? — уточняет Хавьер, когда я отключаюсь. — Эта стая под его присмотром.

— Доверять Союзу слишком опасно. Но и оставлять Мишель на съедение волкам я не намерен.

Хотя альфа не есть ее собирается, у нирены другая ценность. Но от осознания, для каких целей они похитили девушку, перед глазами встает красная пелена, и ужасный волк внутри меня рвется на свободу.

Перелет занимает всего пять часов, еще два уходит на то, чтобы дожидаться Илайю. Хавьер спрашивает о доверии, но интуиция подсказывает мне, что Илайе плевать на меня и моего врага. Он здесь для того, чтобы уладить политический конфликт. Кому понравится, что стая с его территории похищает нирену? Не сказать, что я с ним хорошо знаком: среди верховных это не принято. Мы как наблюдатели,

каждый смотрит за своей песочницей. И только такие ситуации побуждают нас действовать в общих интересах.

– Мы вернем девочку, Перес, – говорит он при встрече. – Я не допущу войны на моей территории.

Уверен, не допустит. Поэтому мы летим на архипелаг, чтобы поговорить с альфой Джайо. Поговорить и договориться. Если второе не получится, у Джайо появится новый альфа, а Мишель я все равно заберу домой.

Мы погружаемся в два военных вертолета, потому что Илайя привез с собой чуть ли не маленькую армию. Со мной тоже несколько вервольфов, но большинство осталось с Венерой. Ее охрана важнее, а за себя я не боюсь. У меня есть защита – мой статус. Защита верховного старейшины. Вряд ли Джайо хотят развязать войну с Волчьим Союзом: мы просто сотрем их с лица планеты. На нашей стороне технологии, а у них только клыки и когти.

Думать о показательной порке Джайо не хочется. Хочется думать о своей паре. О том, какие у нее шелковистые волосы. Какая нежная кожа. О том, как она стонет, отпуская себя во время страсти.

Венера.

Ты не отпускаешь меня ни на миг.

Электроника начинает истошно орать, предупреждая пилотов.

– В чем дело? – рычит Илайя.

Но вопрос лишний, потому что я тоже поднимаюсь, и мне отлично виден экран радара, на котором к нашим вертушкам на огромной скорости приближается какой-то объект.

Боеголовка! Откуда?!

Она врезается в соседний вертолет, он вспыхивает красным заревом и разваливается на части прямо в воздухе, ударяя по нашей вертушке взрывной волной. Мне приходится ухватиться за перекладину, чтобы устоять на ногах. И это при моей координации. Нас сносит в сторону, вертолет теряет высоту, а на радаре появляется новая «гостья».

– Выпустили вторую!

– Уходи! – приказывает Илайя, в его голосе больше нет властной уверенности, а вот паники хоть отбавляй.

– Снижайся, – перехватываю командование я. – К воде. Эвакуируемся.

Ракета самонаводящаяся, так что у вертолета нет шансов, но вот у нас есть.

Один к десяти.

Вертолет успевает развернуться, а несколько вервольфов покинуть салон. Я слежу за тем, чтобы мои выпрыгнули, и только затем прыгаю сам. Удар по металлу выносит меня, а тело опалает жар взорвавшейся ракеты. Жар и боль, которая будто пронзает меня насквозь, вспыхивает во мне. Я словно сам плавлюсь и разваливаюсь на куски.

И лечу вниз.

Венера

Прошло два дня, а Рамон не вернулся.

Я понимала, что эти «пара дней» могли растянуться: неизвестно куда увезли Мишель, неизвестно сколько понадобится времени, чтобы вернуть ее назад, чтобы во всем разобраться. Я все это понимала. Но вот эта неизвестность все равно тревожила.

У меня не было телефона. За недели на острове я отвыкла им пользоваться, а с Рамоном мы не успели обсудить, как будем связываться друг с другом. Он просто пообещал вернуться как можно скорее. Да и что бы я делала? Названивала ему каждый час в стиле ревнивой супруги? Точно нет. Но хотя бы одного звонка мне бы хватило. Наверное.

Поэтому на следующее утро я отправилась к Микаэлю и попросила одолжить мне телефон и ноутбук. Какими бы ни были отношения братьев, через час мне доставили новенькую технику: смартфон последней модели и ультратонкий планшет с клавиатурой.

– Только если ты собралась звонить Рамону, – предупредил меня альфа, – то у него до сих пор выключен телефон. И он не связывался со мной.

Я и сама проверила, когда осталась одна. Рамон был занят, и мне стоило тоже занять все свое время. Например, вилемейским.

К счастью, здесь мое передвижение ограничивалось лишь обширной территорией стаи, хотя единственный раз, когда я решила выбраться на прогулку, меня сопровождал Хавьер и еще пятеро вервольфов. А так я или ходила к доктору Суразе, или встречалась с

Альваро. Правда, «встречалась» это не то слово: я набросилась на изучение языка с таким рвением, что, как шутил парень, должна была успеть выучить его до возвращения Рамона.

После доставки планшета мне захотелось позвонить Чарли, но я понимала, что если наберу подругу, то не выдержу и расскажу ей обо всем, что происходит. Зная Чарли, она станет волноваться вместе со мной, а я накручу себя еще больше. Накручивать себя – последнее, чего бы мне хотелось. Особенно после того, как однажды решила отдохнуть после обеда, а проснулась от того, что сердце бешено бьется, будто собирается сгореть и осыпаться пеплом. Меня тогда окутал дикий страх за Рамона, за свою пару. Но я убедила себя, что просто перенервничала. Просто волнуюсь за него. Как-то себя успокоила.

Я понимала, что нужно просто ждать.

Дворец был настолько огромным, что я ни с кем из новых родственников просто не сталкивалась. Зато они предпринимали попытки со мной пообщаться. В первый вечер пригласили на ужин, но я отказалась, сославшись на усталость. Ни капли не солгала, к тому же, не желала никого видеть. Приходилось привыкать к новому дому и к новой комнате, которая была достойна улучшенного номера в Кингстоне, с собственной ванной и с видом на озеро и парк.

Второе приглашение я получила на бранч, его передала мне горничная. Отказываться снова было, по меньшей мере, невежливо. В конце концов, эта стая помогла Рамону и приютила меня, поэтому я привела себя в порядок, выбрала бежевый костюм от Лолы Дюбор и черные лодочки и отправилась знакомиться с родственниками. Как оказалось, с выбором наряда я не ошиблась: ждавшая меня в роскошной столовой, больше подходящей для званных обедов, мать Рамона выглядела безукоризненно. Прическа, макияж, платье от-кутюр. Альфы и первой волчицы пока не наблюдалось, но я не видела Сиенну с тех пор, как она провела мне небольшую экскурсию, рассказав, где моя спальня, где медицинские кабинеты, а где выход в парк, и как вызвать прислугу через коммуникатор.

Несмотря на весь свой образ королевы, волчица поднялась и раскрыла мне объятия. Очень личный жест для вервольфов, которые не терпят чужих запахов на своей коже, поэтому я просто протянула ей руку.

– Венера.

Волчица слегка поджала губы, но потом улыбнулась и пожала мне руку.

– Анжелина. Мама Рамона и Микаэля, и дважды бабушка. А скоро буду трижды! Я счастливица!

Она с намеком посмотрела на мой живот. Казалось, она настолько рада будущей внучке, что я не сдержала улыбки.

– Вы счастливы?

– Конечно. Я так хотела, чтобы мой мальчик обрел семью, и вот ты здесь.

Я не стала уточнять: если бы не обстоятельства, меня бы здесь не было, да это и не нужно было.

– Расскажи о себе, пожалуйста. Или давай начну я, чтобы тебе не было неловко...

Если в самом начале Анжелина напоминала мне мою бывшую свекровь, мать Августа, холодную и расчетливую, то с каждой минутой я осознавала, что мать Рамона другая. Она действительно старалась меня расшевелить. Развеселить. Разговорами, шутками, задорным южным темпераментом. Что, кстати, неудивительно. У вервольфов особое отношение к беременным волчицам. И даже если она ревновала меня к сыну, как Сесиль, то любовь к внучке все перекрывала.

Все было хорошо, мне Анжелина даже понравилась, если бы она не начала убеждать меня остаться в стае до родов. Как-то слишком настойчиво. Навязчиво.

– Я полагаюсь на мнение Рамона, – ответила я.

– Ты можешь заставить его передумать. Ты его пара. Пара, которая носит ребенка.

Наверное, могу. Еще недавно я бы с уверенностью заявила, что мой истинный меня не слушает, но все так резко переменялось.

– Зачем вам это? – поинтересовалась я прямо.

– Чтобы Рамон остался с тобой, – Анжелина тоже решила не играть.

– То есть с вами.

– Ты умная волчица. Другую он бы не выбрал и не полюбил. Полюбил.

Рамон не говорил мне этих слов, то, что он меня любит. Но он говорил, что не может меня отпустить. Не может отказаться от меня.

– Насколько я поняла, именно вы от него отказались. Прогнали его.

– Никто его не прогонял! – вспыхнула волчица и тут же извинилась: – Прости. Я не поддержала его желания стать верховным. Никто из стаи не поддержал. Мы сильно поссорились, и эта ссора между нами уже несколько лет. Но ты! С твоим появлением все переменялось. Если ты удержишься в стае, то и он останется с тобой.

Ага, теперь я и моя дочь вроде как средство налаживания родственных связей. Я покачала головой:

– Я могу передать ему, что вы хотите помириться. Но где нам оставаться, мы будем решать вместе.

С тех пор я «трижды бабушку» избегала и ждала возвращения истинного.

Который ко мне не торопился.

Предки, я бы сейчас даже появлению Мишель обрадовалась! Но вместо Рамона и рыжей к Микаэлю пожаловали другие гости.

Из моей спальни хорошо просматривалась подъездная дорожка и крыльцо парадного входа, поэтому, услышав шум автомобиля, я метнулась к окну. Белый лимузин точно не в стиле Рамона, возможно, по этой причине я пока не бежала вниз, перепрыгивая через ступеньки. И действительно, когда водитель открыл пассажирскую дверь, из машины появилась женщина в черном брючном костюме и темных очках. Платиновые волосы собраны в идеальный пучок, подтянутая фигура и грация хищницы. Не платиновые, дошло до меня, полностью седые, а этой волчице много лет. Она сняла очки и посмотрела прямо на меня, сверкнув глазами, в которых застыло расплавленное золото. Прятаться было странно, и я встретила ее взгляд. Ее губы изогнулись в усмешке, и волчица двинулась ко входу.

Кто она такая? И что здесь забыла? Почему смотрела на меня так?

Конечно, эта женщина приехала к Микаэлю, у нее наверняка с ним какие-то стайные дела. А на меня она смотрела, потому что я смотрела на нее. Только и всего. Но в комнате не сиделось, чутье подталкивало спуститься и все узнать.

Что я и сделала.

Вышла из спальни и сбежала по лестнице до первого пролета, чтобы там и замереть, споткнувшись на звучании глубокого, уверенного голоса Микаэля.

– Чем обязан визиту представителя Волчьего Союза? По договоренности ты не можешь переступать порог моего дома, Альма.

– Мой муж не может, – парирует волчица. Для ее возраста голос у нее очень молодой. – А я здесь в качестве парламентаря и вестника плохих новостей.

Я цепляюсь за перила, а Мик словно озвучивает мои мысли:

– Плохих новостей?

– Твой брат, Микаэль. Рамон погиб.

Конец первой книги